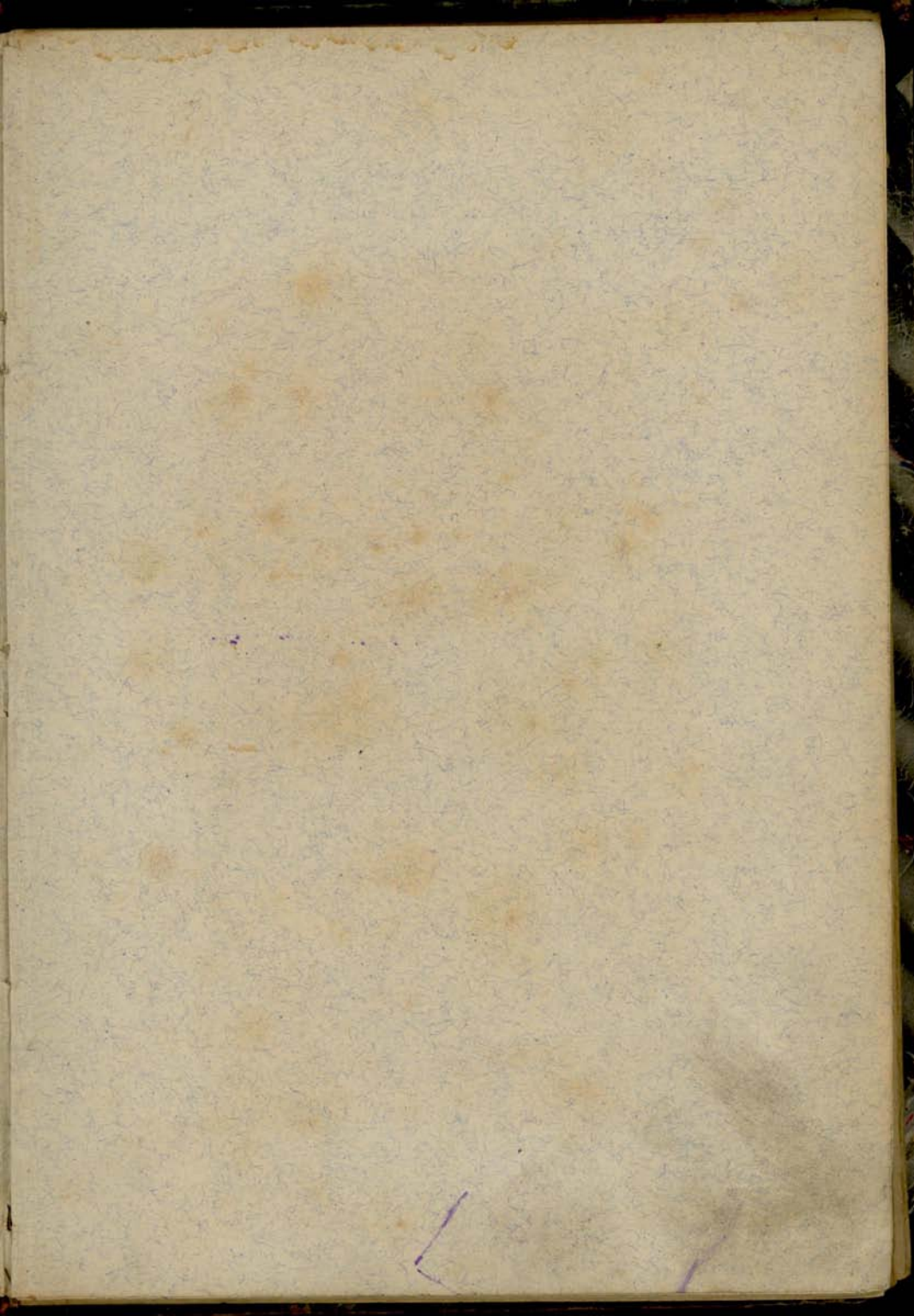

896

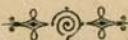
К 789 п.

В. Суриков

ПАНЪ ТВАРДОВСКІЙ.

ПОВѢСТЬ,
ОСНОВАННАЯ НА НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЯХЪ,
І. КРАШЕВСКАГО.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашевъ и Ко, Фонтанка 95
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 ноября 1899 г.

Отъ автора.

Повѣсть о Твардовскомъ есть первый опытъ обработки народнаго преданія. Ничего особеннаго не могу сказать о ней, кромѣ того, что опытъ спанванія и склейки зеркальныхъ обломковъ, въ которыхъ не доставало кусковъ стекла, достигнуть не безъ труда. Изъ всего однако выяснилось, что съ Твардовскимъ никто не былъ счастливъ.

Поляки, повидимому, взяли Твардовскаго изъ европейской западной легенды. Народная фантазія передѣлала его по своему, перекрестила и одѣла въ кунтушъ. Онъ потерялъ нѣмецкій характеръ, сдѣлался совершеннымъ и ждетъ теперь поэта, который бы воспѣлъ его, переработалъ и воспроизвелъ въ существо, дѣйствительно народное и поэтическое. Если бы, въ данную минуту, мы рѣшились сдѣлать что нибудь съ Твардовскимъ, мы появили бы его совершенно иначе. Но пробы юношескихъ силъ я не намѣренъ касаться. Sit ut est.

Въ Твардовскомъ сохранились всѣ отрывки легендъ, связанныя, по возможности, съ полнымъ уваженіемъ къ буквѣ... Выкинувъ въ легенду, можно было бы поступить свободнѣе. Но замѣчаніе это—теперь несвоевременно; пусть идетъ въ міръ такъ, какъ навѣяло на насъ вдохновеніе времени.

Просмотрѣно чрезъ тридцать пять лѣтъ.

Дрезденъ 1884 г.

І. Крашевскій.

Часть I.

I.

Какимъ образомъ на отца Твардовскаго напали разбойники и что изъ того послѣдовало.

Въ темную лѣтнюю ночь, какія бываютъ въ августѣ, по окрестностямъ Подгуржа проѣзжалъ шлятичъ Твардовскій. На небѣ собирались тучи. Усталый конь, которому надоѣли острые шпоры всадника, шелъ медленнымъ шагомъ, выбирая удобную тропинку, и, точно предчувствуя грозу, навастривалъ уши и поднималъ голову. Дорога проходила по лѣсной чащѣ и, размытая и изборожденная ливнями, представляла не мало труда, какъ для лошади, такъ и для всадника... Много страха испытывалъ бѣдный шляхтичъ. Темная ночь, освѣщаемая изрѣдка молніей, скрещивавшейся на горизонтѣ, замедляла путь; лошадь спотыкалась. Шляхтичъ тяжело вздыхалъ... Да и какъ было не вздохнуть ему!.. Дома ждала его молодая жена, которую онъ давно не видалъ и которую любилъ больше всего на свѣтѣ. Хотя Твардовскій былъ не изъ трусливаго десятка, но при такой ужасной темнотѣ и ему сдѣлалось страшно. Въ другое время онъ не побоялся бы ѣхать по какой угодно трущобѣ, но теперь, когда за сѣдломъ его висѣлъ мѣшокъ съ червонцами, вырученными отъ продажи имущества, оставшагося ему въ наслѣдство по смерти дяди, непріятно было бы встрѣтиться съ какимъ нибудь шатающимся бродягой. И лошадь, точно угадывая мысли своего господина и сочувствуя его страху, фыркала, останавливалась и дрожала. Твардовскому сдѣлалось

еще страшнѣе. Подъ вліяніемъ переживаемыхъ имъ страшныхъ минутъ, шляхтичъ съ большимъ ожесточеніемъ понукалъ коня, который не слушался и упирался, какъ лошакъ, точно его гнали въ пропасть или заставляли прыгнуть чрезъ высокую стѣну... Вдругъ молнія блеснула и передъ глазами Твардовскаго появилось нѣсколько разбойничьихъ лицъ.

— Стой, — крикнули они.

Вслѣдъ за этимъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ и изъ ближайшихъ кустовъ выскочило еще нѣсколько разбойниковъ. Испуганный конь шарахнулся въ сторону, но одинъ изъ злоумышленниковъ сдержалъ его за поводья. Въ одно мгновеніе шляхтичъ схватился за саблю, но замѣченныя имъ дула самопаловъ, направленныхъ въ него въ упоръ, охладили его неблагоразумный порывъ. Сознавая свое безсиліе, шляхтичъ опустилъ руку и въ отчаяніи вскричалъ:

— Спасите меня, если есть здѣсь живая душа!... Спаси меня хоть самъ дьяволъ!

Не успѣлъ шляхтичъ, окруженный злоумышленниками, выговорить послѣднихъ словъ и взмахнуть саблей, какъ вдругъ раздался чей-то страшный голосъ, который поразилъ не только Твардовскаго, но и разбойниковъ... Злоумышленники стояли, какъ истуканы, боясь тронуться съ мѣста и позабывъ о путешествіи... Вслѣдъ за раздавшимся голосомъ, послышался лошадиный топотъ и передъ нимъ очутилось нѣсколько всадниковъ, между которыми былъ одинъ гигантскаго роста и сидѣлъ на черномъ конѣ. Увидѣвъ ихъ, разбойники бросились въ кусты, а Твардовскій, пользуясь случаемъ, бѣжалъ безъ оглядки. Между тѣмъ, ночь становилась темнѣе; вѣтеръ свистѣлъ, а молніи скрещивались все чаще и чаще. Избавившись какимъ-то чудомъ отъ угрожавшей ему опасности, съ холоднымъ потомъ на лбу, Твардовскій, быстро миновавъ чащу, перевелъ духъ. Здѣсь онъ поблагодарилъ Господа за чудесное избавленіе его отъ разбойниковъ и хотѣлъ отъѣхать въ сторону, чтобы дать отдыхъ усталому коню. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ снова послышался лошадиный топотъ. Твардовскій съ безпокойствомъ оглянулся... передъ нимъ стоялъ его освободитель на черномъ конѣ. Блеснувшая молнія освѣтила блѣдное лицо незнакомца. Лицо это показа-

лось ему знакомымъ: онъ гдѣ-то видѣлъ его. Твардовскій на многовѣніе призадумался и вдругъ вспомнилъ, что точно такое же лицо онъ видѣлъ въ краковскомъ костелѣ Дѣвы Маріи, на образѣ Архистратига Михаила, поражающаго копьемъ сатану. При этой мысли волосы шляхтича поднялись дыбомъ и холодная дрожь пробѣжала по всему тѣлу... крупныя капли пота выступили на лбу; онъ хотѣлъ перекреститься, но рука его точно окаменѣла и не двигалась съ мѣста!.. Онъ боялся даже оглянуться и успешно началъ пришпоривать свою утомленную клячу.

А буря усиливалась и наконецъ превратилась въ ужасный ливень. Громъ съ страшнымъ трескомъ раскатывался надъ головою Твардовскаго; удары его отзывались эхомъ въ горахъ и какъ-то жалобно стонали и, умолкая на минуту, съ большею энергіей и силой разражались то отрывисто, то протяжно. Казалось, что небо разрывалось на части; молніи бороздили по немъ, бросая въ глаза путника электрическіе отблески. Ночь была по истинѣ фантастическая; между тѣмъ, ливень усиливался и немилосердно хлесталъ въ глаза, а вѣтеръ пронизывалъ до мозга костей. Вообразите ужасъ Твардовскаго, при такой фантастической обстановкѣ, когда онъ слышалъ за собою слова незнакомца, раздавшіяся въ его ухахъ какимъ-то демоническимъ смѣхомъ:

— Здорово, пріятель!... Ты что же бѣжишь отъ меня, не поблагодаривъ за услугу!

— Здорово,—пробормоталъ шляхтичъ, стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ.—Какая ужъ благодарность въ лѣсу!.. Добраться бы скорѣе куда нибудь, да спрятаться отъ бури, пообогрѣться, да обсушиться.

— Успокойся, дружище! до кормчы еще далеко, а отъ разбойниковъ—ты въ безопасности... Поѣзжай-ка, пріятель, потише... мнѣ нужно покалякать съ тобою.

Волей-неволей, нужно было послушаться своего страшнаго избавителя, который казался ему, въ данную минуту, опаснѣе разбойниковъ, и эта мысль ужасала его. Твардовскій сдержалъ клячу.

— Ты, дружище, звалъ меня и, какъ видишь, я къ твоимъ услугамъ,—началъ черный избавитель.

— Я?...—закнулся шляхтичъ:—я?...

— Да, ты,—продолжалъ черный, раздражаясь ужаснымъ смѣхомъ.—Припомни-ка, любезный: не ты ли звалъ на помощь дьявола!

— Да ты-то кто-же будешь?

— Я тотъ, кого ты призывалъ спасти,—хладнокровно отвѣчалъ черный:—я дьяволъ!

Страшная дрожь пробѣжала по тѣлу шляхтича и капли холоднаго пота оросили его лобъ и лицо. Тщетно старался онъ поднять руку и перекреститься, напрасно шевелилъ губами, чтобы произнести молитву: языкъ его точно приросъ къ гор-тани, а на рукахъ—висѣли пудовыя гири.

— Что же ты молчишь?.. Или ты недоволенъ моею услугой? Пойми, пріятель, что если-бы я не подоспѣлъ во время, разбойники съ тобой раздѣлялись бы по своему, и ухнули бы твои денежки, какъ въ пропасть... А что было бы тогда съ твоей молодой женой?..

— Чего же ты хочешь отъ меня?.. Говори скорѣе, сатана,—пробормоталъ шляхтичъ.

— Успокойся, пріятель —я многого не потребую отъ тебя: деньги мнѣ не нужны, а душа твоя охранена молитвами жены и ея милостынями нищимъ.

— Ну, такъ чего же ты желаешь отъ меня? Говори, да поскорѣе!..—ободрившись, повторилъ Твардовскій.

— Не торопись: ночь еще длинна, а у меня времени много. Твардовскій глубоко вздохнулъ, но поневолѣ долженъ былъ повиноваться дьяволу. Они ѣхали шагомъ. Кляча шляхтича вздрагивала подъ нимъ.

— Возьми съ меня, что угодно,—сказалъ наконецъ Твардовскій,—только отпусти меня.

— Не торопись, любезный,—съ невозмутимымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ дьяволъ:—корчма еще далеко,—успѣемъ поговорить.

— Да чего тебѣ нужно отъ меня, наконецъ?

— Именно объ этомъ я и думаю теперь, и хочу говорить... „Часъ отъ часу не легче“, подумалъ Твардовскій.—Сердце его билось и какая-то необъяснимая тяжесть ложилась на грудь. Онъ не слыхалъ ни свиста вѣтра, ни грома, который

съ ужаснымъ трескомъ раздавался въ продолженіе всего пути, освѣщаемаго электрическими блестками молній: такъ страхъ его былъ великъ.

— Успокойся, я не разорю тебя,—сказалъ дьяволъ, смѣясь.—Ты отдай мнѣ то, о чемъ не думаешь и не гадаешь, на что не разсчитываешь, но что по возвращеніи своемъ застанешь дома.—Если ты согласишься отдать мнѣ это, то и самъ не разоришься, да и я не останусь въ накладѣ.

— Но что „это“, о чемъ ты просишь меня?

— Не знаю,—заливался смѣхомъ, отвѣчалъ дьяволъ.—Ты послѣ узнаешь о томъ... Вѣдь я не требователенъ, и мнѣ не нужно многого.

Согласенъ,—сказалъ Твардовскій, послѣ минутнаго размышленія...—„Восемь мѣсяцевъ, какъ я уѣхалъ изъ дома,—прибавилъ онъ про себя:—что бы тамъ могло случиться?“

— Ты согласенъ?—съ радостью переспросилъ дьяволъ:—ты, не шутя, согласенъ,—повторилъ онъ:—слово?..

— Verbum (слово).

— „Verbum nobile debet esse stabile“ (благородное слово должно быть твердо)—добавилъ дьяволъ и, сдержавъ клячу Твардовскаго, указалъ на развѣсистый дубъ, стоявшій у дороги, подъ которымъ велѣлъ остановиться.

Буря продолжалась и дождь усиливался.

Когда всадники подъѣхали къ дубу, лошадь чернаго всадника исчезла, точно провалилась сквозь землю, и дьяволъ, очутившись на землѣ, началъ вынимать изъ кармана разныя вещи, между которыми Твардовскій замѣтилъ огарокъ сальной свѣчи, сдѣланной изъ человѣческаго сала; дьяволъ вынулъ изъ того же кармана длинный листъ пергамента и перо.

Операция эта совершилась въ минуту. Твардовскій сидѣлъ на лошади и съ трепетомъ ожидалъ, что будетъ дальше. Дьяволъ, взявъ огарокъ свѣчи, потеръ ее объ ногу и зажегъ. Сѣвъ подъ дубомъ и разложивъ пергаментъ на колѣняхъ, онъ началъ писать на немъ цирографъ (договоръ). Минуту спустя, дьяволъ подалъ рукопись шляхтичу. При тускломъ свѣтѣ огарка, Твардовскій прочелъ актъ, написанный по всѣмъ правиламъ закона, и взялся за перо, чтобы скрѣпить его своею подписью, но дьяволъ вдругъ схватилъ его за лѣвую руку, и

Твардовскій почувствовалъ легкій уколъ булавки. Дьяволъ обмокнулъ перо въ появившейся крови и подалъ его Твардовскому. Шляхтичъ безпрекословно повиновался и подписалъ условіе, послѣ чего имъ вдругъ овладѣла ужасная тоска... Онъ даже не взглянулъ на своего страшнаго спутника и избавителя и, повернувъ лошадь, помчался отъ него во весь карьеръ. Среди бури, дождя, молній и грома ему слышались ужасныя слова дьявола; громкій хохотъ его, казалось, раздавался позади шляхтича; но Твардовскій не въ состояніи былъ объяснить себѣ ни зловѣщаго его смѣха, ни странныхъ словъ, произнесенныхъ дьяволомъ, и только спрашивалъ себя, что бы это могло быть? Не крикъ ли совы, не шумъ ли вѣтра?

Но то былъ не крикъ совы, не свистъ вѣтра:— онъ зналъ, какъ кричитъ сова и какъ свиститъ вѣтеръ.

Раздосадованный и грустный, онъ спѣшилъ домой.

II.

Что нашель Твардовскій у себя дома.

Шляхтичъ издали замѣтилъ свой домъ, на которомъ бѣлѣлась труба и высилось на кровлѣ свитое гнѣздо аиста, а вскорѣ заблестѣлъ и прудъ, въ которомъ невозмутимо полоскались гуси и утки. Сердце Твардовскаго учащенно забилося; и чѣмъ ближе подѣзжалъ онъ къ своему жилищу, тѣмъ сильнѣе билось его сердце и выраженіе лица становилось грустнѣе. Съ какимъ напряженнымъ желаніемъ стремился онъ къ своему родному крову; казалось, онъ готовъ былъ однимъ прыжкомъ перескочить отдѣлявшее его отъ дому пространство... онъ молился и плакалъ, думая о своей женѣ: здорова-ли? весела-ли? все-ли благополучно?—и тысячи подобныхъ мыслей тѣснились въ его воспламенившемся мозгу и онъ энергично понукалъ измученную клячу къ усиленнымъ скачкамъ... и опять молился и плакалъ, плакалъ и молился... Шутное-ли дѣло не видѣть молодую жену въ продолженіе восьми мѣсяцевъ!

Онъ напрягалъ свой взглядъ съ цѣлью увидѣть когонибудь на дорогѣ, кто бы рассказалъ ему о его женѣ, о домашнихъ;

не встрѣтитъ-ли его ктонибудь, не поджидаетъ-ли? Но, увы! напрасно онъ напрягалъ свое зрѣніе: на опустѣлой дорогѣ ничто не шелохнулось, вокругъ царствовало безмолвіе и покой; ни одной души не встрѣтилось ему на пути. Волей-неволей, нужно было сжиться съ мыслью, что нескончаемый путь когда-нибудь приведетъ его къ конечной цѣли путешествія; между тѣмъ, минуты казались ему днями, а лошадь хромала и еле передвигала ноги. Невыразимое безпокойство овладѣвало всѣмъ его существомъ; ему становилось и жарко, и душно, и вдругъ холодно; потъ градомъ катился съ его лица, несмотря на то, что послѣ бури и ужаснаго ливня дневной жаръ давно уже ослабъ и солнце клонилось къ заходу.

Наконецъ цѣль его путешествія была достигнута: шляхтичъ подъѣзжалъ къ воротамъ своего жилища, которыя стояли открытыми настежь; на дворѣ—ни живой души, на крыльцѣ—тоже. Скамеечка подъ липою, на которой любила посиживать по вечерамъ его несравненная Ганна, была пуста. Шляхтичъ нахмурилъ брови, сердце его сжалось отъ боли и на глазахъ навернулись слезы... Твардовскій заторопился, и заторопилась и вляча, почуявъ конецъ своему мученью и предвкушая лакомыя блюда сѣна и овса.

Вотъ онъ и у воротъ дома... Но что же это никто не встрѣчаетъ его? Твардовскій терялся въ догадкахъ и, соскочивъ съ лошади, взомель на крылечко, а затѣмъ въ сѣни...

Заслышавъ скрипъ двери, старая Магда вышла къ нему навстрѣчу.

— Тсъ!..—прошптала она, прикладывая палецъ къ губамъ, въ знакъ молчанія.—Барыня больна... Господь даровалъ вамъ сына... Не входите къ ней... Радость можетъ вредно подействовать на ея здоровье.

При этомъ извѣстїи Твардовскій вспомнилъ о случившемся съ нимъ въ прошлую ночь несчастїи, и ему послышался вдругъ адскій смѣхъ дьявола. Онъ схватился обѣими руками за голову и, дрожа, проговорилъ:

— Сына Богъ далъ?.. Сына!...

— Да, сына,—возразила старуха,—вотъ ужъ скоро часъ, какъ я приняла его... Вы всегда вѣдь желали сына, и Господь наградилъ васъ имъ. Надо отслужить молебень Пречистой Дѣвѣ Марїи.

Твардовскій стоялъ, какъ пораженный громомъ. Нѣсколько минутъ спустя, онъ тяжело вздохнулъ и вышелъ на крыльцо, приказавъ между тѣмъ предупредить жену о своемъ прїѣздѣ.

Изумленная неожиданною горестью своего господина, служанка не могла понять, что случилось съ хозяиномъ: неужели его огорчила прїятная новость?..

— И что съ нимъ сдѣлалось, право?..—ворчала старуха, уходя въ боковую комнату, двери которой и ставни были обиты циновками. — Чѣмъ бы радоваться да благодарить Бога, а онъ вдругъ пришелъ въ отчаяніе... Что нибудь да не такъ.

Въ это время Твардовскій разсѣдлалъ лошадь и отдалъ сѣдло работнику, который, кланаясь ему до земли, поздравлялъ съ счастливымъ прїѣздомъ и съ новорожденнымъ сыномъ. Твардовскій не слыхалъ привѣтствія работника и даже не поблагодарилъ его.

— Добрая барынька, а я пришла къ вамъ съ радостной вѣсточкой,—говорила между тѣмъ Магда, садясь на постель родильницы.—Работникъ изъ Ольшева говорилъ мнѣ, что видѣлъ нашего пана.

— Гдѣ, Магдочка, гдѣ?—воскликнула Ганна, приподнимаясь на постели.

— Тихе, тихе, барынька, поберегите себя; не надо такъ волноваться... Работникъ встрѣтилъ его по дорогѣ на обратномъ пути.

— О, такъ онъ прїѣдетъ сегодня!.. Быть можетъ, онъ уже прїѣхалъ!—радовалась хозяйка.—Бѣги, Магдочка, посмотри на дворѣ.

— Можетъ быть, и будетъ, можетъ быть, и прїѣхалъ!.. На дворѣ слышны чьи-то шаги,—отвѣчала осторожная старуха.

— Поди же, поди, Магдочка, встрѣть его и приведи скорѣй ко мнѣ... Прїѣхалъ, прїѣхалъ, мой ненаглядный, вернулся!..—и женщина, раскраснѣвшись, какъ пїонь, сѣла на постели...

Магдалина ушла, и, встрѣтивъ Твардовскаго, сказала:

— Пожалуйте! я подготовила къ встрѣчѣ вашу жену.

На порогѣ комнаты Твардовскій въ первый разъ услышалъ крикъ новорожденного ребенка, и затрепеталъ при ужасной

мысли, что горькая участь малютки уже рѣшена... Но, превозмогая свои чувства, онъ бросился къ постели больной...

Ганна плакала отъ радости... Безпокойство, какое она испытывала въ его отсутствіе, трепеща за жизнь любимаго мужа, мысли объ опасности путешествія и собственные мученія—истомили ее... Но теперь, при видѣ его цѣлымъ и невредимымъ, блѣдность изнуреннаго лица уступила мѣсто яркому румянцу... Въ тихихъ, но горячихъ поцѣлуяхъ они излили всю свою радость, и въ эту счастливую минуту Твардовскій забылъ и о сынѣ, и о дьяволѣ, неотступно преслѣдовавшемъ его мысли. Когда же Ганна поднесла ему ребенка, чтобы онъ благословилъ его, Твардовскій вспомнилъ, что дитя не принадлежитъ ему... Печальный видъ мужа изумилъ Ганну, но она не посмѣла спросить о причинѣ его грусти...

Больная опустилась на подушки. Тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди...

Черезъ нѣсколько дней Ганны не стало на свѣтѣ: Твардовскій остался съ сыномъ... Домъ его опустѣлъ, широкій дворъ заросъ травою и все хозяйство извелось; но Твардовскій и не заботился ни о чемъ: ужасная мысль о запродажѣ своего сына дьяволу не выходила изъ памяти и всюду преслѣдовала его.

III.

Нанъ выросъ сынъ Твардовскаго и нанъ онъ потомъ ходилъ въ адъ за отцовскимъ циррографомъ.

Дитя нужно было окрестить. Твардовскій пригласилъ въ кумовья своихъ сосѣдей и послалъ за ксендзомъ въ Прошовицы. Но, повидимому, и дьяволъ не дремалъ: кумовья пріѣхали, а ксендза нигдѣ не могли отыскать.

Шляхтичъ послалъ за другимъ, но тотъ оказался больнымъ; послалъ за третьимъ—того разнесли лошади.

Наконецъ за четвертымъ ксендзомъ разсерженный Твардовскій поѣхалъ самъ.

Онъ смекнулъ, что и въ этомъ были шутки дьявола.— Однако и Твардовскій вернулся ни съ чѣмъ. Ксендзъ, къ которому ѣздилъ Твардовскій, не рѣшался ѣхать къ нему потому-ли, что отказъ трехъ его собратовъ смущалъ его или потому, что о ребенкѣ ходили ужъ разнорѣчивые слухи и достигли его ушей—неизвѣстно.

Однако всѣ неудачи нисколько не смущали Твардовскаго. Онъ поѣхалъ въ Краковъ къ настоятелю костела св. Флоріана, и, объяснивъ ему суть дѣла, просилъ помочь его горю. Набожный старецъ, не колеблясь, далъ Твардовскому частицу св. мощей и велѣлъ привезти ребенка въ Краковъ.

Повѣсивъ драгоценную святыню на шею ребенка, Твардовскій собрался въ путь. Четверка клячъ потащила дѣдовскую коляску. Шляхтичъ рассчитывалъ въ тотъ же день быть въ Краковѣ, но, какъ на бѣду, поднялась ужасная буря и Твардовскій вынужденъ былъ остановиться въ корчмѣ и переждать грозу.

Но не успѣли лошадямъ подать корму, какъ погода прояснилась и шляхтичъ, пользуясь случаемъ, выѣхалъ изъ корчмы. Едва тронулись лошади, небо опять начало заволакиваться тучами и поднялась сильнѣйшая буря. Твардовскій рѣшился однако доѣхать до Кракова во что бы то ни стало. Укутавъ дитя, онъ двигался впередъ... На пути, коляска Твардовскаго опрокинулась два раза; два раза тощія клячи шляхтича едва не разнесли тяжелую дѣдовскую коляску, но честныя мощи охраняли дитя; нѣсколько разъ они блуждали по дорогѣ, сворачивая въ сторону, и, наконецъ, послѣ многочисленныхъ препятствій, благолучно добрались до Кракова.

На слѣдующее утро, мамка понесла малютку въ церковь; по дорогѣ на нее напала большая собака и навѣрное разорвала бы ее, если-бъ она не догадалась перекреститься. Вслѣдъ за этимъ, мчавшійся всадникъ едва не задавилъ ее; потомъ она сама едва не попала подъ колеса тяжелой кареты, и наконецъ, на церковной уже паперти, поскользнулась и едва не выронила ребенка. Къ счастью, подлѣ нея находился Твардовскій и подхватилъ дитя...

Наконецъ-таки ребенка окрестили.

Возвращеніе домой было уже спокойное. Но съ этого именно

дня обрушились всѣ несчастія на бѣднаго шляхтича: несчастія слѣдовали одно за другимъ. Дьяволъ метилъ Твардовскому... Буря, вѣтеръ, градъ и засуха, дождь и громовые удары, пожары, воровство, падежъ скота не давали опомниться ему, но Твардовскій сносилъ все безъ ропота и молился.

Между тѣмъ дитя росло и крѣпло. Изумительныя понятливость и способности развивались не по днямъ. Всѣ завидовали счастливому отцу; одинъ только Твардовскій уныло и грустно смотрѣлъ на своего любимца и часто, взявъ его къ себѣ на колѣни, проливалъ надъ нимъ горькія слезы.

Въ такомъ положеніи прошло десять лѣтъ. Сметливый мальчикъ, замѣчая слезы отца, ласкалъ его и съ любовью спрашивалъ о причинѣ грусти, точно предчувствуя, что виною этихъ слезъ—онъ. Несчастный отецъ, чувствуя необходимость высказаться передъ кѣмъ нибудь и облегчить свою душу, рѣшился наконецъ открыть сыну ужасную тайну, гложавшую его сердце и душу. Выслушавъ отца, ребенокъ соскочилъ съ колѣнъ и, весело захлопавъ въ ладоши, вскричалъ:

— Успокойся, отецъ; я возвращу твое обязательство, хотя бы для этого пришлось мнѣ идти самому въ адъ.

Зная ужасную тайну, ребенокъ съ каждымъ днемъ росъ, умнѣлъ и укрѣплялся. Каждый день мальчикъ напоминалъ о ней отцу, утѣшалъ его въ грусти и просилъ молиться Пречистой Дѣвѣ. Когда ребенокъ подросъ настолько, что могъ учиться, Твардовскій отдалъ его въ школу „Всѣхъ Святыхъ“, въ Краковѣ. Мальчикъ учился прекрасно и удивлялъ учителей своими рѣдкими способностями. Имѣя твердое намѣреніе вырвать изъ когтей дьявола отцовское обязательство, мальчикъ началъ изучать священное писаніе. Съ этою цѣлью онъ просиживалъ надъ нимъ по цѣлымъ днямъ и все свободное отъ занятій время проводилъ въ чтеніи книгъ духовнаго содержанія. Онъ горячо молилъ Создателя послать ему силы для исполненія своего намѣренія, которое сроднилось со всѣмъ его существомъ.

Въ такомъ положеніи прошло еще пять лѣтъ. Молодой Твардовскій почувствовалъ, что наступило время дѣйствовать.

Въ то время состоялъ звонаремъ при костелѣ Всѣхъ Святыхъ маленькій, худой, горбатенькій и набожный старичокъ,

по имени Доминикъ. Никто не зналъ его возраста, да онъ и самъ позабылъ счетъ своимъ лѣтамъ. Зная праведную жизнь почтеннаго старца, всѣ чтили и уважали его; многіе прибѣгали къ нему съ различными просьбами и пользовались его умными совѣтами. Ходили слухи, что ему представлялись видѣнія, что и онъ имѣлъ мощь творить чудеса.

Къ этому старику рѣшился прибѣгнуть и сынъ Твардовскаго. Однажды онъ встрѣтилъ его на кладбищѣ, у церковной паперти. Старичокъ стоялъ на колѣняхъ и пѣлъ „литанію“ (молебень) къ Пречистой Дѣвѣ. Длинная сѣдая борода покрывала плоскую изсохшую грудь старца, а отъ лысой головы его, казалось, исходило лучистое сіяніе. Не смѣя прерывать благоговѣйной молитвы старика, Твардовскій ждалъ пока онъ окончитъ молитву. Когда старикъ поднялся на ноги и оперся на свой посохъ, молодой человѣкъ подошелъ къ нему, и, благоговѣйно поцѣловавъ руку, началъ просить о помощи.

— Отче!—такъ началъ Твардовскій:—наслышавшись о святой жизни твоей и о спасительныхъ совѣтахъ, прибѣгаю къ тебѣ за помощью... Не оставь меня, несчастнаго, помоги твоимъ мудрымъ совѣтомъ: неминуемая гибель ждетъ меня впереди.

— Чѣмъ могу быть полезнымъ для тебя, сынъ мой? Какого совѣта ты ждешь отъ меня?—тихо спросилъ его старецъ, опускаясь на камень.

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ Твардовскій:—пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда отецъ мой, темною ночью, проѣзжалъ по глухой чащѣ лѣса, на него напали разбойники и дьяволъ спасъ его жизнь... и за эту услугу потребовалъ отъ него того, о чемъ онъ не думалъ и не гадалъ, но что, между прочимъ, онъ долженъ былъ найти по возвращеніи домой. Отецъ, чтобы только отдѣлаться отъ дьявола, не задумываясь, подписалъ свое обязательство. Въ ту минуту, когда сатана заключилъ съ моимъ отцомъ свой ужасный договоръ, я только что появился на свѣтъ... Много препятствій противопоставилъ дьяволъ, когда отецъ мой хотѣлъ окрестить меня; но Господь хранилъ дитя отъ козней сатаны... и настоятель костела св. Флоріана благополучно окрестилъ малютку. Все это я узналъ отъ отца, когда сдѣлался взрослымъ мальчикомъ, и теперь пришелъ про-

сить твоей помощи: посоветуй, праведный старче, какъ сойти мнѣ въ адъ и возвратить отцовское обязательство?..

Старикъ призадумался. Онъ долго вздыхалъ надъ положеніемъ несчастнаго молодого человѣка. Наконецъ собрался съ духомъ и сказалъ:

— Уповай на Бога, сынъ мой!.. Ему единому возможно все; Его волѣ предоставь свою участь. Старайся, сынъ мой, очистить свою душу молитвой, постомъ и покаяніемъ, и да проститъ Онъ твои великія и малыя прегрѣшенія... Возложи на шею твою святыя мощи, возьми кропильницу и святой воды: съ ними ты безопасно войдешь въ адъ.. Много испытаній представится тебѣ на пути, но ты крѣнись, сынъ мой... Причастившись св. Тайнъ, выйди въ поле, за Краковъ... Тамъ встрѣтишь ты полевою мышъ, которая и приведетъ тебя къ дверямъ ада... Подходя же къ нимъ, пой святыя пѣсни и псалмы, кропи св. водою по сторонамъ, и кропи до тѣхъ поръ, пока дьяволъ не отдастъ тебѣ отцовскаго обязательства. Святой Духъ будетъ предохранять тебя отъ искушеній, а ангелъ хранитель—руководить тобою... Молись, сынъ мой, и уповай на Бога и, паче всего, бойся грѣха...

Выслушавъ со вниманіемъ старика, Твардовскій поблагодарилъ его за мудрый совѣтъ и немедленно началъ приводить въ исполненіе свое намѣреніе. Онъ исповѣдывался, причастился, взялъ св. воды и мощи, съ которыми не разлученъ былъ со дня крещенія, и вышелъ за городъ.

Вскорѣ навстрѣчу ему откуда-то выбѣжала полевая мышъ, и онъ пошелъ за нею. Въ продолженіе всего пути, юноша горячо молился и шелъ, опустивъ глаза въ землю, боясь согрѣшить даже взглядомъ.

Онъ никого не встрѣтилъ въ продолженіе перваго дня; только къ вечеру юноша слышалъ позади себя чей-то пріятный голосъ, окликнувшій его:

— Куда идешь, молодецъ?

Твардовскій оглянулся: за нимъ бѣжала молодая дѣвушка, поразительной красоты. Такой онъ не видывалъ никогда. Кажется, что ни одна изъ краковскихъ красавицъ, разбѣжающихъ въ коляскахъ на своихъ рыскахъ, въ золотѣ и брилліантахъ, ничто были въ сравненіи съ этой дѣвушкой. И эта-то

красавица манила его къ себѣ, звала такимъ пріятнымъ голо-
сомъ, отъ котораго сердце юноши готово было разорваться на
части!.. Онъ догадался, что сатана-искуситель начинаетъ свои
проказы... Молодой человѣкъ закрылъ глаза и по прежнему
продолжалъ молиться.

— Подожди меня, милый!—кричала ему во слѣдъ дѣвушка.
—Я заблудилась и не знаю куда идти! Пойдемъ вмѣстѣ!..

Твардовскій не отвѣчалъ и съ усердіемъ молился.

Но вдругъ молодой человѣкъ почувствовалъ, что дѣвушка,
подбѣжавъ къ нему, дернула его за платьѣ и страстно за-
шептала:

— Не бѣги, постой, мой милый! Не оставляй меня одну!..
Скоро ужъ ночь, а я боюсь... пойдемъ вмѣстѣ... Не правда
ли? вѣдь ты пойдешь со мной?..

— Я молюсь и иду къ чорту, въ адъ,—отвѣчалъ Твардов-
скій,—и если ты хочешь идти со мною туда, то, пожалуй,
ступай!

— Ха, ха, ха! Въ адъ!—воскликнула дѣвушка, заливаясь
неудержимымъ смѣхомъ!..—Если ты дѣйствительно идешь
туда, я, пожалуй, послѣдую за тобой и посмотрю, гдѣ этотъ
адъ!..

Дѣвушка побѣжала за нимъ... она то отставала, то опере-
жала его, смѣясь въ то же время надъ его безразсудствомъ
и умоляя измѣнить свое намѣреніе. Но Твардовскій былъ глухъ
на всѣ ея просьбы и обольщенія.

Солнце уже давно зашло, и не предвидѣлось впереди ни
какого жилища. Твардовскій не отчаявался и слѣдилъ за мышью.

Истощивъ все краснорѣчіе, дѣвушка начала упрекать его
въ равнодушіи къ прекрасному полу.

— Безстыжій ты человѣкъ! лентяй!—говорила она:—можно
ли такъ обращаться съ слабымъ созданіемъ!.. Вѣдь это жестоко
съ твоей стороны... Дѣвушка идетъ одна, а онъ хоть бы слово
сказалъ съ нею... Это совсѣмъ безчеловѣчно!.. Оставлять мо-
лодую дѣвушку ночью, среди пустыни—это больше, чѣмъ без-
человѣчно!.. Умилосердись надо мной, бѣдной!.. Видишь, какъ
я устала!.. Посиди, отдохни со мною.

— Не могу,—возразилъ юноша:—я поклялся передъ Богомъ
и не нарушу своего обѣта.

— Хорошо, посмотримъ, далеко ли ты пройдешь,—отвѣчала красавица, смѣясь.

Вскорѣ они подошли къ дремучему лѣсу... У опушки его стояла гостиница, откуда до нихъ доходилъ пріятный запахъ яствъ. Изъ бѣлыхъ высокихъ трубъ струился синій дымокъ; въ окнахъ виднѣлось множество народа. Спутница Твардовскаго остановилась въ дверяхъ гостиницы и умоляла зайти покушать и отдохнуть.

— Зайдемъ,—говорила она,—отдохнемъ,закусимъ... теперь ночь... путь твой далекъ... дорога идетъ дремучимъ лѣсомъ...

Но Твардовскій продолжалъ молиться и шелъ дальше, даже не взглянувъ на гостиницу. Градъ упрековъ посыпался на молодого Твардовскаго.

— Безсовѣстный! тиранъ! мучитель!.. Впрочемъ, ты далеко не уйдешь!.. Въ лѣсу тебя ограбятъ, убьютъ!.. Останься лучше здѣсь и переночуй со мною, а завтра, чѣмъ свѣтъ, мы пустимся въ дорогу!..

Бѣдный юноша крѣпился и, не слушая дѣвушку, миновалъ гостиницу и продолжалъ идти. Въ лѣсу ему сдѣлалось страшно: было темно и холодно; между тѣмъ, мышь продолжала бѣжать, указывая путь своими свѣтящимися, какъ двѣ свѣчки, глазами.

Долго шелъ Твардовскій, молясь Пресвятой Дѣвѣ... Вдругъ онъ замѣтилъ передъ собою какихъ-то людей, которые грабили путешественника...

— Эй! малый, поди сюда!—крикнули ему злоумышленники:—помоги намъ снести мѣшки съ деньгами въ нашу берлогу; за труды, мы дадимъ тебѣ много золота. Слышишь, малый, или и тебѣ будетъ карачунъ!..

Но Твардовскій не обращалъ вниманія и шелъ дальше. Наконецъ голодъ и жажда начали мучить его. Вдругъ на дорогѣ онъ увидѣлъ какіе-то мѣшки, наполненные провизіей, повидимому, кѣмъ-то потерянные; дальше повстрѣчались съ нимъ проѣзжіе, которые, расположившись въ сторонкѣ, съ аппетитомъ закусывали и приглашали его раздѣлить съ ними трапезу; фруктовыя деревья, сгибаясь подъ тяжестью плодовъ, умильно манили его отвѣдать ихъ. Но Твардовскій не поддавался искушенію и продолжалъ идти.

Послѣ нѣсколькихъ дней своего путешествія, Твардовскій почувствовалъ запахъ сѣры и смолы... земля подъ нимъ сдѣлалась горячѣй. Юноша вошелъ въ темный, густой лѣсъ, къ которому вела широкая, торная дорога. По ней шли и ѣхали разнаго званія люди, большіе и маленькіе, одни въ каретахъ, и коляскахъ, на великолѣпныхъ лошадяхъ; другіе тащились на крестьянскихъ тощихъ кляченкахъ, запряженныхъ въ простыя телѣги. Народъ копошился точно муравьи въ муравейникѣ. Твардовскій съ ужасомъ замѣтилъ, что всѣ они были съ закрытыми глазами, точно мертвые; одинъ онъ между ними казался живымъ существомъ. Мышь, за которою онъ шелъ, незамѣнно исчезла и Твардовскій догадался, что онъ на пути къ аду.

IV.

Какимъ образомъ Твардовскій пришелъ въ адъ и что тамъ видѣлъ.

Чѣмъ ближе подходилъ Твардовскій къ аду, тѣмъ съ большимъ усердіемъ молился. Толпы народа съ каждой минутой увеличивались, но онъ проходилъ мимо ихъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія. Страшное зрѣлище представилось его глазамъ. Всѣ тропинки, примыкавшія къ большой дорогѣ, были наполнены народомъ.

Шестимѣстныя золоченыя коляски богачей, запряженныя ихъ грѣхами, въ образѣ страшныхъ чудовищъ, неслись во весь карьеръ въ адъ. вмѣсто лошадиной сбруи, этихъ ужасныхъ чудовищъ украшали слезы людскія и, вмѣсто убора, точно бисеръ нанизанный на ниткѣ, свѣтились потъ и кровь человѣческіе...

Нѣкоторые тянулись на ненасытномъ брюхѣ, въ которомъ видѣлись огромные замки, деревни, села, золото и серебро, утраченное спокойствіе и счастье цѣлыхъ семействъ, погранные и униженные добродѣтели.

Пьяницы, пошатываясь изъ стороны въ сторону, шеренгою шли за огромною бочкой, изъ которой струилась водка, и налившіеся кровью глаза, прищуриваясь, съ любовью глядѣли на нее.

Шли тамъ и тщедушные діалектики, схоластики и теологи,

съ большими фоліантами подъ мышкой и Аристотелемъ въ рукахъ. Огромное перо, къ которому они были привязаны за шею, тащило ихъ, точно собакъ на сворѣ, въ адъ.

Передъ нѣкоторыми катились червонцы, за которыми они бѣжали, точно кошка за мышью, пожирая ихъ своими жадными глазами, горѣвшими страстью къ легкой добычѣ.

Многихъ увлекала за собою обольстительная черноглазая красавица... Напрасно они оглядывались назадъ... за ними не видно было ихъ мирнаго жилища, безмятежной жизни и золотого прошлаго. Какъ ни колебались они, какъ ни сдерживали страстные порывы, но взглядъ обольстительной красавицы, расточавшей свои чудныя улыбки, манилъ ихъ къ себѣ. Стоило только дивной красавицѣ показать носикъ своей миниатюрной ножки, раскрыть свои страстные объята, обнажить изъ подъ тонкой ткани свою бѣлоснѣжную грудь, роскошныя плечи, точно выточенныя изъ каррарскаго мрамора, они забывали свою нерѣшимость и усталость; кровь клокотала въ ихъ жилахъ, мозгъ кипѣлъ и сердце рвалось къ красавицѣ на грудь... и они бѣжали за нею.

Были, между многочисленнымъ народомъ, и такіе, которые возводили глаза къ небу, и, между тѣмъ, незамѣтно для себя, быстро двигались въ адъ.

Были и такіе, которыхъ вели за руки собственныя дѣти, воспитанники, слуги, наложницы.

Нѣкоторые поддерживали длиннѣйшіе шлейфы своихъ господъ и мирно тащились за ними въ адъ.

Шли также и воры, которые, по пути, крали все, что ни попадалось имъ подъ руку, даже чужіе грѣхи, какъ платки изъ кармана неосторожныхъ людей. Они радовались, что не видали на дорогѣ ни тюрьмы, ни палача, ни висѣлицы...

Шли тамъ и «веселыя» женщины съ пѣснями и пляской, съ распущенными косами, съ сладострастной улыбкой на устахъ, которою они ловили прохожихъ, какъ рыбу въ сѣть.

Были и гастрономы, любители вкусныхъ блюдъ, которые спокойно дремали въ мягкихъ креслахъ (послѣ сытныхъ кушаньевъ), которыя несли невидимыя адекія силы; а за ними шли толстыя кухарки, приготовлявшія кушанья и баловавшія вкусъ своихъ господъ.

Были и аристократы, гордо расталкивавшіе толпу и попиравшіе ногами нищету и бѣдность. — Предъ ними черти несли на подушкахъ регалии: булавы, митры, жезлы, сенаторскія кресла, титулы и ордена.

Были тамъ и разнаго сорта люди, сцѣпившіеся руками другъ за друга, парами.

Была и жена бурмистра, ведшая своего мужа за носъ.

Была и любовница, несшая на плечахъ своего любовника, придавленнаго ея башмакомъ.

Была и молодая дѣвушка, которая тащила за послѣднюю прядь волосъ плѣшиваго старика.

Многихъ черти немилосердно тащили за ноги, за волосы, за носы, за уши, за языки, за бороды, за усы...

Видъ этой ужасной, ни съ чѣмъ несравнимой дороги, съ ея разнообразными видами грѣховности, достоинъ былъ вниманія и кисти художника, но Твардовскій не обращалъ ни на что особеннаго вниманія, и съ молитвою на устахъ, шелъ своею дорогой, обходя конныхъ и пѣшихъ грѣшниковъ.

Наконецъ онъ достигъ вратъ ада и остановился вмѣстѣ съ прочими. Никто не охранялъ ихъ. Швейцаръ, въ богатой ливреѣ самого сатаны, съ поклономъ и привѣтствіемъ открывалъ дверь настежь и пропускалъ мимо себя людей всѣхъ сословій и ранговъ.

Однако, увидѣвъ Твардовскаго съ кропильницею въ рукѣ и со священной пѣснью на устахъ, швейцаръ нахмурился и передъ самымъ его носомъ захлопнулъ дверь. Твардовскій покропилъ ее святой водою и она сама открылась передъ нимъ и онъ вошелъ въ преддверіе ада.

Едва Твардовскій переступилъ порогъ, какъ до его слуха долетѣли страшные вопли грѣшниковъ, которые мучились въ аду. Пронзительные ихъ вопли заглушали его робкую пѣснь, но сила этой священной пѣсни была такъ велика, что невыносимый шумъ тартара вскорѣ замолкъ и сонмъ неустрашимыхъ чертей явился передъ нимъ.

Твардовскій окропилъ святой водою вокругъ себя.

— Что тебѣ нужно, чистая душа?—спросилъ одинъ изъ чертей. — Зачѣмъ ты пришолъ сюда?—повторили другіе.

Всѣ они между тѣмъ ежились и корчились и отскакивали передъ каждымъ движеніемъ руки съ кропиломъ.

— Я пришел за обязательствомъ, даннымъ моимъ отцомъ на мою душу,—отвѣчалъ Твардовскій, а самъ продолжалъ пѣть и двигался дальше, въ глубину ада.

Дьяволы исчезли.

Скоро Твардовскій пришелъ въ темную и глубокую пещеру, гдѣ засѣдалъ самъ сатана, по имени Люциферъ, глава низверженныхъ ангеловъ съ неба.

Черти окружили Твардовскаго, но ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ дотронуться до него, боясь его чистоты душевной и святой воды, которою онъ продолжалъ кропить.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ чертями, сатана началъ входить въ сдѣлку съ Твардовскимъ и предлагалъ ему золото, вмѣсто обязательства, которое будто бы затерялось, но Твардовскій не соглашался... Ему предложили лучшую изъ женщинъ, первую въ мірѣ красавицу, предлагали высокія должности, но юноша оставался непреклоннымъ. Черти уговаривали Твардовскаго взять, что ему правится, ссылаясь на то, что того дьявола пѣтъ въ аду, который заключилъ условіе съ его отцомъ, что онъ будто бы таскается по свѣту и что обязательство это хранится именно у него.

На все это Твардовскій отвѣчалъ молитвой, пѣніемъ и кропиломъ и вынуждалъ чертей послать за своимъ сотоварищемъ, у котораго находилось обязательство.

Приведенный дьяволъ запырлся, что онъ никогда не бралъ обязательства отъ его отца: онъ клялся всѣмъ на свѣтѣ, что даже никогда не видалъ его.

Твардовскій опять началъ кропить водою и черти обѣщали отдать ему обязательство.

Наконецъ къ Твардовскому притащили огромнѣйшій сундукъ, въ которомъ хранились архивныя бумаги ада. Черти предложили ему самому поискать обязательство. Юноша испугался, увидѣвъ въ какомъ безпорядкѣ находились документы. Это былъ настоящій архивъ сатаны. Тутъ были бумаги на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, всѣхъ націй и вѣковъ.

Затрудняясь въ отысканіи своего документа, Твардовскій вспомнилъ о святомъ Антоніи, патронѣ потерянныхъ вещей. Онъ усердно помолился ему и въ минуту нашелъ цирографъ.

Тутъ ужъ волей-неволей, пришлось чертямъ разстаться съ

этимъ документомъ. Онъ спряталъ его въ карманъ. Тогда чертъ, который искушилъ его отца, подскочилъ къ Твардовскому и поклонился, что онъ возьметъ его душу и безъ этого обязательства, но юноша больше не слушалъ чертей и, запѣвъ „Te Deum“, направился къ выходу.

Однако, выходъ изъ ада оказался труднѣе, чѣмъ входъ въ него. Ворота, въ которые онъ вошелъ, закрылись передъ нимъ, дорога съ народомъ исчезла, земля обрушивалась подъ его ногами, стѣны ада дрожали; ужасныя чудовища раскрывали свои пасти, чтобы поглотить его; женщины искушали его своими прелестями и предлагали вкусныя яства. Встрѣчались знакомые, которые протягивали къ нему свои руки и заговаривали съ нимъ; богатая шляхта окружала его, но Твардовскій крѣпился и шелъ мимо ихъ съ молитвою на устахъ. Во всѣхъ этихъ странныхъ призракахъ онъ видѣлъ искушеніе; позади него раздавались жалобные крики страдальцевъ въ аду!..

Наконецъ онъ нашелъ дверь и вышелъ изъ ада. Воротами ему прищемило ногу и отъ этого онъ прихрамывалъ всю жизнь.

Выйдя изъ ада, Твардовскій упалъ на колѣни и усердно возблагодарилъ Господа за свое избавленіе отъ когтей дьявола.

Идя по той же дорогѣ, прежде многолудной, онъ не видалъ уже ни одной души. Крѣпко держалъ онъ вырученное съ такимъ трудомъ отцовское обязательство и бѣжалъ безъ оглядки. Передъ нимъ явилась опять та же мышь и привела его къ самому дому въ Прошовицахъ.

Юноша отъ изнеможенія упалъ безъ чувствъ на порогъ отцовскаго дома. Придя въ себя, онъ разсказалъ отцу о своихъ похожденіяхъ и вручилъ ему цирюграфъ, который обрадованный отецъ сжегъ въ ту же минуту на освященномъ огнѣ, чтобы дьяволъ не воспользовался даже и его пепломъ.

Отецъ Твардовскаго успокоился на старости лѣтъ. Вскорѣ онъ отправилъ своего сына въ краковскую школу...

Не долго, однако, жилъ послѣ этого старикъ. Въ одно, совсѣмъ непрекрасное, утро пришелъ къ юношѣ работникъ Твардовскаго и сообщилъ ему печальное извѣстіе о смерти его отца.

Молодой Твардовскій долго и искренно оплакивалъ смерть

старика. Неутѣшный въ потерѣ его, онъ старался развлечь себя науками и остался въ школѣ, ректоръ которой очень любилъ его за необыкновенное прилежаніе и успѣхи въ наукахъ.

V.

Какимъ образомъ Твардовскій сдѣлался ученымъ.

Не напрасно, однако, клялся дьяволъ погубить Твардовскаго... Съ того времени, когда юноша побывалъ въ аду, дьяволъ не отступалъ отъ него ни на шагъ и всюду преслѣдовалъ его; онъ слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ и отыскивалъ малѣйшія поры, куда бы вдохнуть въ него свое тлетворное дыханіе. Но душа юноши была чиста, какъ новорожденного младенца.

Посвятивъ себя наукѣ, которую избралъ путеводною звѣздою, Твардовскій не прельщался свѣтомъ и его заманчивостью; онъ не зналъ слова «грѣхъ». Часъ его еще не пробилъ,—часъ, который является въ жизни каждаго человѣка минутой увлеченія, обаянія, минутой безумія, когда начинается переломъ жизни, минутой наслажденія, блаженства или гибели,—минутой, которую никто не можетъ ни предвидѣть, ни подстеречь...

Твардовскій всецѣло отдался наукѣ и мысли. Сатана-искуситель понялъ, что только этимъ путемъ можно погубить Твардовскаго, и схватился за эту мысль со всею страстью дьявола. Онъ ждалъ минуты, когда Твардовскій, исчерпавъ весь источникъ знанія, достигнетъ границы невозможнаго, — границы, которую воспрещено переступать мудрецамъ свѣта.

Минута эта вскорѣ настала. Всѣ законы науки были постигнуты имъ: онъ проникнулъ въ сокровеннѣйшіе тайники науки, разрѣшилъ запутаннѣйшіе вопросы и вскорѣ превзошелъ всѣхъ извѣстныхъ тогда мудрецовъ.

Такіе успѣхи юноши возбуждали зависть въ его противникахъ, которые, несмотря на свою зависть, удивлялись ему. Нѣкоторые превозносили его умъ до небесъ, другіе—порицали и злословили; недоучки сравнивали его съ педантомъ; ученые, разговаривая о немъ, значительно покачивали головой.

Наконецъ не осталось уже ни одной отрасли науки, кото-

рую бы онъ не изучилъ и не превзошелъ первыхъ ея законодателей. Стоило ему прочесть какую нибудь книгу о новомъ открытіи науки, какъ онъ уже зналъ ее основательно. Даръ слова и разумнія служили ему поразительно вѣрно; изучая извѣстный предметъ по книгамъ, онъ могъ уже исправлять тѣ книги, которыя изучалъ; по началу онъ зналъ конецъ, а убѣдившись въ своемъ знаніи, онъ предсказывалъ, что должно было произойти въ продолженіе вѣковъ.

Время летѣло быстро. Твардовскій былъ и теологомъ, и математикомъ, и философомъ, и физикомъ, и докторомъ—словомъ, ученымъ по всѣмъ отраслямъ науки, человекомъ, въ которомъ соединялись всѣ совершенства, рѣдко встрѣчающіяся въ одномъ существѣ. Кромѣ того, онъ былъ еще молодъ...

При этомъ, онъ не походилъ на тѣхъ мудрецовъ, которые, вкусивъ отчасти плода науки, мнятъ себя совершенствами; чѣмъ болѣе постигалъ онъ науку, тѣмъ менѣе убѣжденъ былъ въ своемъ знаніи: наука казалась ему неисчерпаемымъ источникомъ...

Несмотря на то, что стоялъ уже выше всѣхъ столповъ Геркулесовыхъ, Твардовскій чувствовалъ свое ничтожество, видѣлъ, что многое еще не постигнуто, не изучено, многое сокрыто еще для ума человѣческаго, которому суждено открывать эти сокровища исподволь, вѣками; онъ чувствовалъ, что человекъ, съ его брошечнымъ муравьинымъ трудолюбіемъ, способенъ воздвигнуть колоссальный храмъ науки, возвысить его и затѣмъ снова разрушить; многія поколѣнія не достигнуть его совершенства и, созидавая новые храмы, будутъ разрушать ихъ.

Но пророческій духъ Твардовскаго былъ противоположенъ духу тогдашняго времени и шелъ вразрѣзъ съ мнѣніями ученыхъ. И дѣйствительно, много ли ученыхъ того времени, стоявшихъ во главѣ науки, чувствовали свое ничтожество, и какъ низко еще стояли они?... Будучи почти ребенкомъ и только что ознакомясь съ нѣкоторыми тайниками науки, Твардовскій отражалъ своей деревянной саблей знанія тяжеловѣсные удары меча прежнихъ мудрецовъ!.. Излюбленнымъ занятіемъ его было опроверженіе тогдашней системы науки: онъ осмѣивалъ нелѣпости ученаго міра и безумную гордость Аристарховъ науки. Опроверженія свои онъ подкрѣплялъ изреченіемъ Креза: *Vanitas vanitatum*... Достигая своей цѣли,

убѣждая неразумныхъ, разсуждая о наукѣ, онъ никогда не обнаруживалъ радости на своемъ лицѣ, какъ школьникъ, которому удалось доказать учителю, что онъ правъ; вмѣсто радости, на лицѣ его появлялись грусть и уныніе старика, которому неожиданно преградили дорогу...

При всей своей страсти опровергать фальшивыя мнѣнія тогдашнихъ ученыхъ, принимавшихъ ложь за чистую монету справедливости, и при желаніи возстановить здравую логику, Твардовскій находилъ разгадку истины тамъ, гдѣ прочіе не подозрѣвали ея, — въ ученомъ хламѣ и грязныхъ ямахъ, въ которые сливались помои разсудка и фальши.

Осмѣивая тогдашнія системы науки, онъ въ то же время изыскивалъ средства для улучшенія ихъ, указывая путь къ достиженію цѣли, посредствомъ здраваго разсудка и мышленія. Разнорѣчивость мнѣній ученыхъ съ ученикомъ и якобы дерзкая самонадѣянность ученика, въ отношеніи глубокомысленныхъ и ничего не смыслящихъ учителей, не была понята никѣмъ и не оцѣнена по достоинству. Завистники измышляли средства подставить ногу Твардовскому... А на все это рассчитывалъ и дьяволъ. Сначала ему нужно было посѣять въ разочарованной душѣ Твардовскаго сѣмя неудовольствія, влить въ сердце его каплю желчи и отчаянія и, отравивъ его тѣло, возмутить тихую душу.

Дьяволъ зналъ по опыту, что страсти смѣняются отчаяніемъ, а отчаяніе вѣрный путь къ преступленію, на которое онъ такъ рассчитывалъ.

Восходя со ступеньки на ступеньку по лѣстницѣ науки, Твардовскій вскорѣ достигъ степени доктора и профессора. Способъ его ученія походилъ скорѣе на игрушку, чѣмъ на систему серьезнаго преподаванія, и чѣмъ болѣе открывалъ онъ истинъ, тѣмъ съ большимъ пристрастіемъ ученики поглощали его науку, которою онъ точно дразнилъ ихъ, разжигая страсть съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе и разсыпая передъ ними драгоценныя перлы знанія. Но ученики не удовлетворялись, напротивъ, съ большею алчностью требовали продолженія наукъ.

Такой профессоръ не могъ не возбудить опасенія, и дьяволъ видѣлъ это и тѣшилсѣ, зная заранѣе, что душа Твардовскаго

рано или поздно будетъ принадлежать ему... До настоящаго времени онъ не былъ еще увѣренъ въ успѣхъ и старался только опутать его плотнѣе дьявольскою сѣтью. Въ то время, когда наука приносила свои плоды и вытѣсняла изъ души его вѣру, дьяволъ не сомнѣвался въ успѣхъ.

Душа Твардовскаго начинала колебаться, не стало ужъ въ ней младенческой довѣрчивости, которая такъ крѣпко сидѣла въ его организмъ въ прежнее время. Путешествіе въ адъ, представлялось ему какимъ-то тяжелымъ сномъ, въ дѣйствительность котораго онъ вѣрилъ съ каждымъ днемъ слабѣе. Дерзкія мысли рождались въ его умъ и онъ гордо поднималъ голову. Оставаясь наединѣ съ своими мыслями, онъ удивлялся откуда онѣ приходили къ нему, хотя и чувствовалъ, что онѣ гнѣзятся внутри его. Между тѣмъ, дьяволъ радовался и спавалъ ихъ невидимою рукою, какъ спаваются золотая розсыпь или звенья цѣпи въ рукахъ искуснаго венеціанскаго ювелира.

Между тѣмъ, слава Твардовскаго облетѣла уже предѣлы міра и увеличивалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Со всѣхъ концовъ свѣта стѣзжались къ нему ученые — одни насладиться его умной бесѣдой, другіе — почерпнуть изъ его источника знаній полезныя свѣдѣнія, третьи — просто изъ любопытства взглянуть на всемірное диво. Всѣ они вызывали его на диспуты и ученые споры, изъ которыхъ Твардовскій всегда выходилъ побѣдителемъ.

Приобрѣтя все, чѣмъ можетъ гордиться человѣкъ, Твардовскій почувствовалъ себя вдругъ одинокимъ. Для массы, Твардовскій былъ необыкновеннымъ человѣкомъ, для ученыхъ — слишкомъ опаснымъ конкурентомъ; его бросили всѣ, и родные, и знакомые, и онъ дѣйствительно былъ одинокимъ на свѣтѣ. Наука замѣняла ему друзей, свѣтъ, и онъ съ большею алчностью принимался за изученіе новыхъ наукъ, которыя запускали въ него когти всеобъемлющаго ума; наука была его единственной отрадой, когда свѣтъ началъ удаляться отъ него, когда все, что было близко ему, отшатнулось, и оставило его въ одиночествѣ.

Отцовскій домикъ давно опустѣлъ: тамъ хозяйничали чужіе люди. Да и какая ему была нужда до него!.. Для жизни — немногого нужно... Наука, одна изъ самыхъ дешевыхъ стра-

стей, и если бы всё люди были больны ею, если бы искренно отдались и любили ее—науку,—она насытила бы ихъ.

Такимъ образомъ проходили юные дни Твардовскаго, безъ обаянія, безъ страсти, безъ сладостныхъ воспоминаній, этихъ благоуханныхъ цвѣтовъ, которыми устилается путь молодости и слѣды которыхъ на долго остаются въ памяти преклонныхъ людей.

Одинокій среди міра живыхъ, онъ бесѣдовалъ съ міромъ усопшихъ, съ книгами, написанными мертвымъ языкомъ, источникъ которыхъ, казалось, былъ неисчерпаемъ, но который онъ старался исчерпать до дна всеми силами своей души. Часто находилъ онъ въ нихъ скучныя повторенія стараго, отжившаго, разный сбродъ мыслей и выраженій и, питаясь ими, чувствовалъ себя голоднымъ; тогда онъ удовлетворялся собственнымъ мышленіемъ; онъ разжигалъ свои страсти лишь для того, чтобы не дать потухнуть огню, давно воспламенившемуся въ его душѣ, чтобы дать пищу своей умственной жизни.

Наконецъ, Твардовскій почувствовалъ въ себѣ какую-то жажду, желаніе чего-то необыкновеннаго, чего онъ не могъ объяснить себѣ, но которое терзало и мучило его... О, какъ радовался въ эти минуты сатана-искуситель; онъ всегда былъ возлѣ него и при малѣйшей оплошности Твардовскаго, готовъ былъ завладѣть его душой...

Напрасно Твардовскій обращалъ вокругъ себя взоры, напрасно искалъ онъ пищи своей изнемогающей душѣ, какъ ищетъ ее человѣкъ, разслабленный долгою болѣзнью; но, увы! вмѣсто пищи, онъ находилъ лишь обглоданныя кости и нигдѣ матеріи, нигдѣ желаннаго удовлетворенія души.

Этимъ случаемъ воспользовался дьяволъ и предсталъ передъ Твардовскимъ, въ образѣ ученаго доктора.

VI.

Диспутъ Твардовскаго съ дьяволомъ.

Была уже глубокая ночь, а Твардовскій все еще сидѣлъ надъ грудой запыленныхъ фоліантовъ на своемъ чердакѣ. Глаза его блуждали съ выраженіемъ отчаянія. Блѣдные лучи луны

врывались чрезъ маленькое оконце въ его комнату. Книги, инструменты и разные атрибуты ученаго въ безпорядкѣ валялись по комнатѣ. Муміи, чучела, уроды въ спиртѣ, минералы и рѣдкія произведенія природы, все это свидѣтельствовавало о тревожномъ состояніи духа ихъ хозяина и носило отпечатокъ его мыслей, колобродившихъ въ такомъ же безпорядкѣ, въ какомъ находилась и его комната. Казалось, что все это было изучено имъ, что ужъ больше нечего было изучать, что во всемъ этомъ ученомъ хламѣ онъ больше не имѣлъ никакой надобности, а между тѣмъ Твардовскій искалъ между нимъ чего-то необыкновеннаго, не зная за что взяться и съ чего начать.

Это была одна изъ тѣхъ голодныхъ минутъ, въ которыя онъ жаждалъ умственной пищи, въ которыя ощущалъ потребность утолить свой голодъ существеннымъ элементомъ...

И такую именно минуту избралъ сатана,—и избралъ очень удачно.

Дьяволъ былъ очень догадливъ, когда дѣло касалось души Твардовскаго: онъ не являлся къ нему въ томъ ужасномъ видѣ, въ какомъ изображаютъ обыкновенно на картинахъ... къ ученому и нужно было явиться, какъ къ собрату, ученымъ человѣкомъ.

Превратившись въ доктора, онъ вошелъ къ нему безъ шума, точно боясь нарушить спокойствіе ученаго, углубившагося въ изученіе толстыхъ фоліантовъ.

Услышавъ шелестъ, Твардовскій равнодушно поднялъ голову и обернулся назадъ... Передъ нимъ стоялъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ серьезнымъ задумчивымъ лицомъ, присущимъ ученому. На немъ былъ длинный кафтанъ темнаго цвѣта, похожій на ксендзовскую рясу: на головѣ одѣта высокая мѣховая шапка; на шеѣ висѣла золотая цѣпь. Одною рукою онъ опирался на длинный посохъ, въ другой держалъ свитокъ пергамента. Коротенькая бородка торчала клиномъ и черные глаза искрились огнемъ; орлиный носъ съ изорванною ноздрю, казалось, испускалъ паръ; сжатые губы выражали проницательную улыбку. Высокій лобъ испещренъ былъ глубокими морщинами, проходившими по совершенно лысой головѣ, къ которой, точно въ насмѣшку, приклеены были ослиныя уши...

Вошедшій устремилъ на Твардовскаго пристальный взглядъ черныхъ искрившихся глазъ, похожихъ на глаза крокодила, готоваго поглотить бѣдное животное, привлеченное ихъ обаяніемъ...

Твардовскій не ошибся, принявъ дьявола за ученаго. Видъ былъ непріятенъ для него, такъ какъ заранѣе зналъ, что дѣло навѣрное возбудится о рѣшеніи какого-нибудь пустого вопроса или ложнаго мнѣнія. Визиты ученыхъ были такъ часты, что надобли ему.

Твардовскій хотѣлъ отказать гостю, но дьяволъ предвидѣлъ это и ловко отклонилъ нелюбезность хозяина; искусно коснувшись его самолюбія—этой слабой струнки ученыхъ людей,—онъ началъ превозносить его знаніе и разжигать тщеславіе,—и дьяволъ вполнѣ успѣлъ въ своемъ предпріятіи... Вскорѣ мрачное лицо Твардовскаго прояснилось и на губахъ появилась улыбка удовольствія; скука исчезла, какъ дымъ,—скука, которая, какъ увѣрялъ ученый дьяволъ, несовмѣстима въ великомъ человѣкѣ.

Развалился въ креслѣ и засунувъ руки въ карманы, Твардовскій началъ перечислять незнакомцу свои муки и страданія по поводу изсякшаго источника науки, радуясь, что нашелся человѣкъ, который понимаетъ его и вполнѣ сочувствуетъ ему.

Въ голосѣ, взглядѣ и рѣчахъ дьявола, Твардовскій нашелъ отличные черты необыкновеннаго ума ученаго и высокое его направленіе... онъ вполнѣ довѣрился ему и открылъ передъ нимъ свою душу.

— Ты спрашиваешь меня, собратъ, почему я скученъ?—сказалъ Твардовскій,—научи же меня, пожалуйста, какъ быть веселымъ?.. Массѣ, — этой глупой толпѣ, стаду дикихъ звѣрей,—только массѣ доступно веселье... именно массѣ, немногимъ отличающейся отъ стада звѣрей, у которой душа — невольникъ тѣла!.. Но намъ, ученымъ, стоящимъ несравненно выше массы,—намъ нѣтъ времени думать о пустякахъ... Мы летимъ на небо, какъ титаны, и громоздимъ гору на гору, ради того, чтобы потомъ упасть съ этихъ шаткихъ подмостковъ въ грязь!.. Не ужасно ли это?.. Несмотря на мою славу, о которой ты говоришь мнѣ, я чувствую себя недостойнымъ

имени ученаго:—я многого не понимаю, многого не постигъ; мало могу сдѣлать, но многого жаждетъ душа моя!.. Наука не удовлетворяетъ моихъ желаній; я не могу, подобно циникамъ, довольствоваться однимъ хлѣбомъ и водой, тощимъ питаніемъ науки!.. Я упиваюсь этой жаждой, этимъ драгоценнымъ нектаромъ знанія... Я жажду имѣть болѣе, нежели можетъ дать свѣтъ!.. Стократъ грѣшитъ тотъ, кто довольствуется тѣмъ, что даетъ ему свѣтъ!..

При этихъ словахъ лицо сатаны оживилось и онъ улыбнулся. Бесѣда съ Твардовскимъ доказала ему, что ученый прочно стоялъ ужъ на томъ пути, на который онъ хотѣлъ поставить его.

— Жажда науки,—говорилъ дьяволъ,—жжетъ твое благородное сердце, мудрецъ. Точно такая же жажда мучила и греческихъ мудрецовъ,—этихъ свѣтильниковъ древняго міра... Вспомни Аристотеля въ послѣднія минуты жизни: «поглотите меня, если я не въ силахъ поглотить васъ!» — воскликнулъ онъ, бросаясь въ пучину Мориса. То было отчаяніе жаждущаго человѣка, и—признаться—отчаяніе безумное... Но прежде чѣмъ отчаяваться, слѣдуетъ все испытать; лучше до послѣдней минуты жизни искать для ума пищи и свѣта, чѣмъ бросаться, очертя голову, въ пропасть, откуда вѣтъ возврата... Вѣдь жизнь наша такъ коротка.

— Свѣта!.. Пищи!..—вскричалъ Твардовскій:—но гдѣ же искать ихъ?.. Въ книгахъ?.. Я прочелъ все, что только можно было прочесть; испыталъ все, что можно было испытать, что можетъ обнять мысль человѣка. И я перебралъ въ моемъ умѣ и узналъ все, но многое осталось еще для меня загадкою!.. И за это я презираю себя, потому что не могу постигнуть того, что обружаетъ меня!

— Нужно попытаться еще разъ, чтобы достигнуть того, что непонятно тебѣ, — на это есть средства, — возразилъ дьяволъ.

— Средства!..—съ проницей сказалъ Твардовскій, — средства нужны только для скотовъ и невѣждъ!

— Ты забываешь, собрать, что назначеніе ученаго—терпѣніе и опытъ,—такъ созданъ свѣтъ, и если не можемъ понять его, то должны, какъ инквизиторы, пытаться... Не забы-

вай, собрать, что когда одни пытаются разгадать его, другіе, въ то же время, пользуются плодами ихъ труда и выигрываютъ вдвое больше, чѣмъ первые...

— Такъ неужели я до сихъ поръ стоялъ на ложномъ пути!—вскричалъ Твардовскій, ударивъ себя по лбу.—Я, чувствующій въ себѣ неудержимую страсть къ наукѣ и ищущій, какъ Архимедъ, рычага, твердой почвы, на которой моя мысль могла бы опереться и поднять цѣлый свѣтъ!.. Неужели всѣ попытки мои, всѣ знанія были одной лишь профанаціей, глупой, смѣшной иллюзіей?.. Неужели внутренній жаръ, этотъ огонь, который жжетъ мое сердце, былъ неосуществимою мечтою, бредомъ, призракомъ?..

Дьяволъ отвѣтилъ:—нѣтъ;—онъ держалъ себя на сторожѣ и не подтверждалъ словъ Твардовскаго, боясь разсердить его; онъ видѣлъ, что еще не время представлять науку въ настоящемъ ея видѣ. Въ свою очередь, Твардовскій не хотѣлъ знать этой истины, но теперь, когда трудъ этотъ сдѣлался для него не по силамъ, онъ гнался за нимъ, какъ скованный узникъ за свободой.

— Нѣтъ, этого нельзя сказать,—возразилъ сатана.—Но увѣренъ ли ты, что перешелъ всѣ границы науки и мысли?..

Твардовскій иронически улыбнулся.

— Попробуемъ свои силы,—гордо и смѣло сказалъ Твардовскій:—увидимъ, кто изъ борьбы выйдетъ побѣдителемъ.

— Попробуемъ,—отвѣтилъ сатана.

— Кстати, ночь великолѣпная, луна свѣтитъ прекрасно,—пойдемъ за городъ.

— Согласенъ.

Ученые встали и ушли.

ѲІІ.

Матюша-сиротня.

Никто во всемъ Краковѣ не зналъ о диспутѣ Твардовскаго съ сатаною, никто ихъ не могъ подслушать, а отгадать о происходившемъ — и подавно. Споръ длился всю ночь, но къ утру дьяволъ вышелъ побѣдителемъ.

Твардовскій былъ изумленъ познаніями и ученостію дьявола. Когда они возвращались домой, Твардовскій сказалъ ему:

— Откуда у тебя, собрать, такая масса знаній?.. Гдѣ ты учился?

— Эту премудрость далъ мнѣ дьяволъ, взявъ мѣ мою душу, которую я ему продалъ, — отвѣчалъ сатана. — Доказательство моей учености ты видѣлъ и, конечно, не усомнишься въ справедливости моихъ словъ.

Сказавъ это, дьяволъ кивнулъ ему головой, въ знакъ прощанія, и скрылся въ одной изъ многочисленныхъ улицъ. Впечатлѣніе произнесенныхъ словъ было предусмотрѣно дьяволомъ... Твардовскій узналъ, гдѣ находится источникъ мудрости и знаній; онъ только и думалъ теперь о томъ. Другимъ путемъ дьяволъ не могъ бы достигнуть лучшей цѣли: онъ посѣялъ зерно и исчезъ, для того, чтобы дать ему взойти и вырасти; въ плодахъ же онъ не сомнѣвался.

И успѣхъ оправдалъ его ожиданія.

Съ этой минуты Твардовскій, алчущій науки и большей славы, не могъ выбросить изъ головы мысль, что одинъ дьяволъ можетъ дать ему сверхъестественную мудрость. Мысль эта срослась съ его сердцемъ и точила его какъ червякъ, хуже — сосала, какъ змѣя. Онъ по цѣлымъ днямъ задумывался надъ вопросомъ продажи своей души дьяволу... Съ каждымъ днемъ онъ убѣждался въ необходимости совершенія купчей, и рѣшился на этотъ ужасный подвигъ, какъ ни жалко было ему своей безсмертной души. Твардовскій помнилъ какихъ трудовъ стоило ему выручить изъ рукъ сатаны отцовское обязательство, какимъ опасностямъ подвергался онъ въ аду — и при этой мысли рѣшимость оставляла его...

Мысль о томъ, что онъ долженъ признать надъ собою превосходство дьявола, — терзала его самолюбіе... Въ немъ замѣчалась рѣзкая перемена: онъ не цѣнилъ уже такъ высоко своей учености, какъ цѣнилъ ее прежде, и презиралъ себя... Наружность его оставляла на себѣ отпечатокъ внутренней борьбы, тоски и досады... Магическія и волшебныя книги, брошенныя имъ съ презрѣніемъ, онъ опять вынесъ на свѣтъ Божій и началъ искать въ нихъ разясненія своихъ недоразумѣній; онъ черпалъ изъ этого источника все то, что могло

свѣта для него заключалась въ священныхъ пѣсняхъ, а ксендзовъ, которые пѣли ихъ, онъ считалъ величайшими мудрецами свѣта. Твардовскій казался ему существомъ такимъ необыкновеннымъ, что при одной мысли о немъ у него кружилась голова. Матюша никогда не слѣдилъ за поступками Твардовскаго, — онъ чувствовалъ это сверхъ своихъ силъ; мальчикъ старался только служить своему господину „вѣрою и правдой“, быть послушнымъ, преданнымъ, повиноваться во всемъ и ни въ чемъ не беспокоить его. Если онъ былъ голоденъ, то скорѣе согласился бы украсть кусокъ хлѣба, чѣмъ обезпечить Твардовскаго; когда же платье его распадалось на клочки отъ ветхости, онъ штопалъ его до тѣхъ поръ, пока не находилъ гдѣ нибудь выброшеннаго, но болѣе крѣпкаго рубища, которое, осмотрѣвъ и заштопавъ, надѣвалъ на себя, и тогда жилъ спокойно и счастливо.

Твардовскій, казалось не обращалъ на его рѣдкую привязанность особеннаго вниманія, а если и обращалъ когда-нибудь, то только въ то время, когда неловкій мальчикъ чѣмъ нибудь особенно надоѣдалъ ему, былъ неисправенъ, докучливъ. Тогда Твардовскій выбрасывалъ его за дверь, и Матюша, какъ вѣрная собаченка, ложился у порога, готовый явиться на первое требованіе хозяина... Мысль оставить Твардовскаго никогда не зарождалась въ его головѣ.

Во время отлучекъ Твардовскаго на Бржеменки, Матюша не зналъ, что дѣлать съ собою. Ему хотѣлось сопровождать его, но боялся оставить квартиру, которую нечѣмъ было запереть. Онъ колебался... Часто по цѣлымъ днямъ Матюша ожидалъ возвращенія Твардовскаго, и выбѣгалъ на улицу смотрѣть, не возвращается-ли его хозяинъ, боясь отойти отъ дому, который стерегъ, какъ собака, находясь неотлучно при дверяхъ. Мучимый голодомъ, онъ иногда отлучался отъ дома на самое короткое время, бѣжалъ на рынокъ, и, стащивъ какимъ нибудь образомъ булку, бѣгомъ возвращался домой, садился на порогъ и спроваживалъ посѣтителей однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ отвѣтомъ:

— Дома нѣтъ профессора, — за Вислою.

Но съ каждымъ днемъ число посѣтителей уменьшалось... казалось, что всѣ позабыли Твардовскаго. Въ то же время и

Твардовскій началъ отлучаться на продолжительное время въ Кржеменки. Противъ обыкновенія онъ даже не бралъ съ собою книгъ и ходилъ одинъ, углубленный въ мысли.

Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ и Матюша сидѣлъ у порога блѣдный, худой, тощій, голодный, въ лохмотьяхъ, равнодушно относясь ко всему на свѣтѣ: а если кто сожалѣлъ его, онъ возражалъ съ улыбкой:

— Это не вредно для меня, мнѣ и здѣсь очень хорошо!

VIII.

Какимъ образомъ Твардовскій рѣшился продать себя дьяволу, что происходило въ душѣ его и какія условія онъ заключилъ съ нимъ.

Грустный и задумчивый сидѣлъ однажды Твардовскій на своей каедрѣ въ Кржеменкахъ. Настала уже третья или четвертая ночь, какъ онъ вышелъ изъ Кракова и блуждалъ по Подгуржу. Солице уже давно зашло; звѣзды слабо мелькали въ свѣтлой лазури неба; мѣсяцъ съ пурпурно-краснымъ лицомъ выходилъ изъ-за лѣса. Осенняя ночь хотя и была свѣтла, но вѣтеръ шумѣлъ деревьями и, срывая листья, разносилъ ихъ по долинамъ. На дорогѣ мѣстами поднималась пыль, которую вѣтеръ, крутя передъ собою, гналъ столбомъ въ неизвѣстное пространство. Несмотря на бурю, затемнявшую путнику дорогу, на небѣ было ясно и свѣтло, а въ воздухѣ пахло холодомъ. Въ душѣ Твардовскаго, точно также какъ и въ воздухѣ, было ясно и свѣтло, но вѣтеръ сомнѣнія металъ и шумѣлъ въ его мысляхъ. Слабо мерцали тамъ звѣзды надежды; кровавая луна непреодолимой жажды знанія поднималась на опротивѣломъ небѣ вѣры. Извините читатель за подобное сравненіе, но таковъ былъ въ то время языкъ поэзіи.

Твардовскій рѣшился вызвать дьявола, видѣться съ нимъ непременно, въ эту же ночь, и отдать ему свою душу взаменъ славы, мудрости и науки. Странная мысль натолкнула его на эту рѣшимость. Онъ вспомнилъ, что ужъ однажды былъ во власти сатаны и что только Провидѣніе помогло ему спасти отцовское обязательство. Твардовскій, точно игрокъ, отыгравшій

свои деньги, бросалъ ихъ опять на столъ, чтобы проиграть, ссылаясь на то, что они уже были проиграны имъ; точно также и онъ бросалъ свою душу въ руки дьявола, оправдываясь, что душа его уже была въ аду и только случайно ему удалось спасти ее... Такимъ именно аргументомъ старался онъ заглушить вопиющую совѣсть, сожалѣніе о безсмертной душѣ, которую мѣнялъ на мишурную славу и ждалъ только наступленія ночи. Все было готово; всѣ чернокнижническіе аппараты были въ порядкѣ: съ ними онъ долженъ былъ выйти въ полночный часъ на перекрестокъ дороги, для свиданія съ дьяволомъ.

Но долго не наступала эта желанная минута; время шло черенашимъ шагомъ, точно для того, чтобы дать возможность обдумать ему свой шагъ; Твардовскій не послушался голоса совѣсти, которая тѣснилась въ его воспламененномъ воображеніи, и напрасно приходило на помощь минутное раскаяніе, напрасно воскресали воспоминанія прошлой безукоризненной молодости, напрасно онъ заглядывалъ въ свое прошлое, — мысли тѣснились, перегоняя другъ друга, и налегали на него тяжелымъ камнемъ, который онъ, впрочемъ, и не желалъ сбросить, находясь въ возбужденномъ состояніи въ ожиданіи роковой минуты.

Устремивъ свой взоръ къ небу, Твардовскій ждалъ полуночи, которая, какъ нарочно, медлила своимъ наступленіемъ, и точно удалялась отъ него на неограниченное пространство... Мысли одна другой чернѣе налетали на него и душа готова была вылетѣть изъ его грѣшнаго существа: онъ изнемогалъ отъ нетерпѣнія... Наконецъ, онъ далъ имъ полную свободу, открылъ передъ ними душу и заговорилъ про себя:

— Ничто не заставитъ меня отказаться отъ принятаго мною намѣренія: разъ я рѣшился, и поставлю на своемъ. Если еще есть въ рукахъ сатаны капля науки, которую я тщетно розыскиваю на землѣ, если въ его распоряженіи находятся всевѣдѣніе и сверхъестественная власть, если онъ можетъ наградить меня ими, — я отдамъ ему не только душу, но и всего себя въ полное распоряженіе!

Въ воображеніи Твардовскаго воскресли воспоминанія юности, въ ризахъ свѣтлыхъ и ясныхъ, какъ майскій день, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, съ вѣрою въ сердцѣ, съ надеждою и любовью въ груди.

«Да развѣ недостаточно было тебѣ надежды, вѣры и любви?» пронеслось въ его воображеніи.

— Да, мало,—отвѣчалъ Твардовскій воскресшему воспоминанію,—мало, потому что вѣра слѣпа,—мало, потому что надежда обманчива, — мало, наконецъ, потому, что любовь не удовлетворяетъ моего самолюбія и ни къ чему не способна. Во мнѣ падаетъ надежда и стынетъ любовь. Я долженъ дать моей жизни ту вѣру, надежду и любовь, которыя недоступны массѣ, которыя были бы понятны только мнѣ.

И въ душѣ его возсталъ ненасытная жажда славы, стройная и величавая, въ черномъ одѣяніи, съ цѣпью на груди, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и глубокими морщинами на лицѣ.

— Всѣ средства къ славѣ доступны и святы,—сказала ему возставшая жажда славы,—нѣтъ никакой разницы между пресмыкающимся червемъ по землѣ и человѣкомъ, который не отличается чѣмъ нибудь отъ другихъ!..

На смѣну славы возсталъ вѣра, съ крестомъ въ рукахъ и глазами, вознесенными къ небу и полными слезъ.

— Зачѣмъ ты разстаешься со мною и продаешь свою душу сатанѣ, взамѣнъ славы?—рыдая сказала—вѣра... Развѣ я не вѣрно служила тебѣ? Развѣ не услаждала я тебя, когда ты трудился въ потѣ лица, когда совершалъ трудныя работы? Развѣ не открывала я тайнъ свѣта и жизни; развѣ не указывала я на премудрость Творца и Вседержителя?.. Чего же тебѣ больше, кромѣ утѣхи на землѣ и надежды въ будущей жизни, которыя я разсыпала передъ тобою щедрою рукой? Зачѣмъ же ты покидаешь меня и бросаешься въ разъяренныя волны твоихъ необузданныхъ страстей? Ужели ты забылъ, что „блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царствіе небесное“; а царство небесное не есть-ли высшая премудрость? Ужели забылъ ты, что на небѣ откроются всѣ тайны и ты узнаешь все ничтожество мудрости человѣка на землѣ?.. Ужели за эту мудрость ты рѣшаешься отдать свою безсмертную душу въ руки сатаны?

Но слабый голосъ вѣры заглушалъ голосъ славы; съ пылающими глазами и распростертыми руками, слава, казалось, хотѣла покорить себѣ весь міръ.

— Жажду! жажду! — вопіяла она: — напоите меня, хотя уксу-

сомъ и желчью... Но не отнимайте у меня этой чаши, потому что жажда моя неутолима!..

На смѣну славѣ и вѣрѣ появилась добродѣтель, скромная, невинная, чистая, какъ голубица, и съ плачемъ проговорила:

— Зачѣмъ ты отталкиваешь меня, учитель?.. Что я сдѣлала тебѣ?.. Развѣ увѣренность, что я была съ тобою, не услаждала твоихъ шаговъ на тернистомъ пути; развѣ не вытирала я твоего пота лица и слезъ изъ твоихъ очей? Развѣ я не покоилась, какъ вѣрная жена, въ твоей чистой совѣсти?.. Неблагодарный!.. Ужели ты промѣняешь меня на развратную славу и оттолкнешь отъ себя вѣрную добродѣтель?..

Добродѣтель горько плакала, закрывъ лицо руками...

Жажда славы и премудрости возразила добродѣтели въ отвѣтъ:

— Жажду! жажду! утолите ее кровью, желчью, чѣмъ угодно, только бы не жаждать безъ мѣры, безъ конца..

Добродѣтель смолкла и тихо удалилась.

Когда видѣнія мысли исчезли, на горизонтѣ неба появились двѣ свѣтлыя тѣни; онѣ, казалось, летѣли на осеннихъ сѣрыхъ облакахъ, опускаясь книзу; въ этихъ тѣняхъ Твардовскій узналъ своихъ родителей. На головахъ ихъ сіяли звѣзды и въ рукахъ красовались мученическія пальмы; дивною гармонією звучала ихъ рѣчь:

— Сынъ нашъ!.. — говорили они: — не достаточно-ли тебѣ и той науки, которою ты обладаешь?.. Мы меньше твоего знали, но и этого знанія достало намъ на двѣ жизни: земную и вѣчную... Ты ищешь счастія, сынъ нашъ?.. Такъ знай же, что оно заключается не въ наукѣ, но въ мирѣ, любви и спокойствіи... Ищешь славы? Но слава не въ мудрости, а въ геройскомъ самоотверженіи... Наслажденій ищешь ты, сынъ нашъ?.. Ихъ ты найдешь въ соединеніи двухъ любящихъ сердецъ!.. Наука, — это пропасть, поглощающая человѣка, которая раздавитъ его, какъ ничтожнаго червя... Тебѣ извѣстно, сынъ нашъ, что познаніе добра и зла погубило нашихъ прародителей и губитъ каждого, кто въ безумной гордости дерзнетъ сравняться съ Богомъ, и ничтожнымъ своимъ умишкомъ осмѣлится обнять весь міръ, въ которомъ малѣйшая его частица отразиться не можетъ!.. Зачѣмъ тебѣ больше знанія и мудрости?.. Ты раскаешься, и самъ

станешь проклинать, когда онѣ помутятъ и отравятъ твою жизнь!.. Не свертывай съ пути истины, сынъ нашъ, и не иди по собственной волѣ въ адъ, изъ котораго вывело тебя однажды Милосердіе Всевышняго!.. Вернись, вернись, сынъ нашъ!

Горько плакали тѣни родителей, и слезы ихъ капали на томимую жаждою душу Твардовскаго, но не могли однако погасить огонь, потому что жажда славы продолжала кричать:

— Напойте меня! Дотуда не отниму устъ своихъ отъ укуса и желчи, пока не утолю жажды, мучимой меня!.. Жажду, жажду!..

Глаза Твардовскаго обратились къ звѣздамъ, по которымъ онъ узналъ, что полночь ужъ близка. Онъ всталъ со скалы, на которой лежалъ, и пошелъ на перекрестокъ дороги, гдѣ уже поджидалъ его дьяволъ.

На распутии стоялъ крестъ, отъ ветхости погнувшійся въ сторону и обросшій мохомъ; на крестѣ, скрипя, вертѣлся небольшой флюгеръ; куски полотна, обмотаннаго набожными крестьянами вокругъ креста, трепало вѣтромъ, какъ парусъ на челонокѣ. У подножія креста валялись поломанныя колеса, хворость и камни, обросшіе мохомъ и наполовину увязшіе въ землю.

Когда Твардовскій подходилъ къ перекрестку дороги, небо, до сихъ поръ ясное и звѣздное, начало хмуриться и заволакиваться темными осенними тучами; съ сѣвера подулъ вѣтеръ и вскружилъ опавшія листья и хворость. Твардовскій оглянулся. Дороги развѣтвлялись накрестъ и шли въ четыре разныхъ направленія. Первая изъ нихъ, шедшая къ сѣверу, широкая, удобная, — называлась утѣхой; вторая шла къ югу — дорога труда и терпѣнія; третья — къ востоку, называлась надеждой и четвертая дорога шла къ западу и называлась дорогою отчаянія и горя. Всѣ дороги были широки и торны; вѣтеръ шумѣлъ и крутилъ столбомъ песокъ и листья, которые прыгали и вертѣлись какъ ярмарочные балаганные петрушки. Надъ дорогою утѣхъ и наслажденій летѣли голуби; надъ дорогою труда — взвивался соколъ; надъ дорогою надеждъ — летѣли дикія гуси, а на западной дорогѣ — кричали вороны и совы.

Твардовскій снялъ платье и выворотилъ его на изнанку. Затѣмъ вынулъ изъ кармана священный мѣлъ, свѣчу изъ че-

ловѣческаго сала, кубокъ съ водою, кропило, книгу и нѣсколько человѣческихъ костей. Потомъ взявъ волшебную палочку, раскрашенную магическими, черными и бѣлыми знаками, воткнулъ ее въ землю и обвелъ вокругъ себя священнымъ мѣломъ магическую черту. Старый крестъ, стоявшій на распутьѣ служилъ центромъ круга, въ которомъ расположился Твардовскій. Разбросавъ человѣческія кости и окропивъ вокругъ себя святой водою, Твардовскій зажегъ свѣчу и началъ заклинать сатану на всѣхъ живыхъ и мертвыхъ языкахъ, слова которыхъ вѣтеръ разносилъ во всѣ стороны свѣта.

— Явись, духъ ада!—заклиналъ Твардовскій:—тебя ждетъ человѣкъ, который хочетъ продать тебѣ свою душу. Явись ко мнѣ со всѣмъ твоимъ могуществомъ. Человѣкъ этотъ продаетъ свою душу не за золото, не за роскошь, утѣхи и наслажденія свѣта, но за мудрость и славу... Возьми ее, сатана, и дай мнѣ взамѣнъ древо познанія!... Явись передо мною, духъ ада!... Заклинаю тебя именемъ твоего повелителя, который первый упалъ съ неба въ преисподнюю ада!.. Заклинаю тебя именемъ твоего униженія, твоихъ мукъ и покорности волѣ Всевышняго!.. Предстань передо мною и возьми отъ меня дарованную мнѣ Богомъ душу... отними ее у Него!.. Заклинаю тебя именемъ всѣхъ духовъ тьмы, низверженныхъ съ неба въ побѣднѣй день воскресенія, именемъ преисподней ада, огня, геенны и спасенныхъ душъ изъ тьмы кромѣшной; именемъ мукъ, которыя терпѣлъ, терпишь и нескончаемо будешь терпѣть, на которыя ты вѣчно осужденъ. Призываю тебя разъ, призываю дважды, семь кратъ и семьдесятъ семь кратъ. Явись передо мною, сатана!..

Когда Твардовскій произносилъ послѣднія слова своего ужаснаго заклинанія, передъ кругомъ, обведеннымъ священнымъ мѣломъ, появилось странное существо, освѣщенное какимъ-то красноватымъ свѣтомъ... Взглянувъ на появившагося, Твардовскій узналъ въ немъ своего ученаго, который въ послѣднее время бесѣдовалъ съ нимъ. Хриплый и насмѣшливый голосъ его страшно прозвучалъ въ ушахъ Твардовскаго.

— Не понимаю, зачѣмъ это, собираясь продать свою душу дьяволу, ты принялъ такія предосторожности и огородилъ себя священнымъ мѣломъ и водою,—проговорилъ появившійся духъ.

— Потому что не желаю, чтобы душа моя досталась тебѣ даромъ, какъ душа ребенка,—возразилъ Твардовскій:—я знаю съ кѣмъ имѣю дѣло: ты вѣдь посолье ада?..

— Я, докторъ; говори, что тебѣ нужно отъ меня?

— Что мнѣ нужно?.. Мнѣ нужно, чтобы ты показалъ мнѣ древо познанія и разрѣшилъ вкушать его плоды... Я хочу быть мудрѣйшимъ изъ всѣхъ мудрецовъ, сильнѣйшимъ изъ всѣхъ сильныхъ на землѣ; я хочу знать свѣтъ такъ, какъ знаетъ его самъ Творецъ, со всѣми его тайнами, прошлымъ и будущимъ, силою вещей и силою существа; я хочу быть мудрѣйшимъ изъ мудрецовъ, сильнѣйшимъ изъ сильныхъ, величайшимъ изъ великихъ.

— Слишкомъ многого требуешь ты отъ меня!—возразилъ сатана.—Что же ты дашь мнѣ за все это?

— Мою безсмертную душу!

— Душу!.. — воскликнулъ смѣясь сатана: — но увѣренъ ли ты, что душа твоя стоитъ всего этого?.. Увѣренъ ли ты, что она и теперь не принадлежитъ мнѣ, что она стоитъ не на томъ пути, на которомъ была до появленія твоего на свѣтъ.

— Я увѣренъ лишь въ томъ, что всѣ, сдѣланныя мною до сего времени, прегрѣшенія я искуплю покаяніемъ; увѣренъ, что не стою на невозвратномъ пути къ аду; увѣренъ, что душа мудреца стоитъ того, о чемъ прошу и чего жажду, потому что она увлечетъ за собою много душъ неразумной массы, глупыхъ подражателей и послѣдователей; увѣренъ, что мудрость увлечетъ ихъ всѣхъ,—однихъ убѣжденіемъ, другихъ примѣромъ, третьихъ доказательствомъ; иные пойдутъ изъ любопытства, другіе по глупости, третьи по вѣрѣ...

Дьяволъ разсмѣялся, услышавъ увѣренный отвѣтъ Твардовскаго.

— Отлично!—Пиши обязательство на свою душу!..

— Не торопись, пожалуйста,—оборвалъ его Твардовскій.— Ты покажи мнѣ напередъ, что можешь ты дать за мою душу, которую я *продаю*, но не отдаю такъ.

— Я ужъ доказалъ тебѣ, при первомъ нашемъ свиданіи, всю мощь моего ума. Чего же тебѣ еще?

— Этого недостаточно. Ты докажи мнѣ,—можешь ли ты

передать мнѣ силу и власть твою на землѣ, и въ состояніи ли я буду воспользоваться твоею премудростью.

— Какимъ образомъ?

— Выслушай меня... Я долженъ предложить тебѣ три испытанія: во-первыхъ: снеси мнѣ все серебро, находящееся въ Польшѣ, въ Олькушскія копи, которыя давно уже не даютъ серебра...—этимъ Господь наказалъ за святотатство олькушскій магистратъ, — и пусть оно все лежитъ тамъ для меня одного, чтобы я, по желанію, могъ въ каждое время распорядиться имъ.

— Зачѣмъ тебѣ оно?—спросилъ сатана:—вѣдь этимъ ты разоришь страну, такъ какъ его не откуда будетъ добыть. Что тебѣ въ немъ?

— Это мое условіе, и такъ должно быть!—возразилъ Твардовскій.

— Хорошо. Что же больше?—смѣясь, возразилъ сатана.—Я вижу, что съ тобой не легко сговориться и больше труда, чѣмъ стоитъ твоя ветхая душа.

Твардовскій самодовольно улыбнулся.

— Во-вторыхъ,—продолжалъ Твардовскій,—въ эту же ночь, ты долженъ выкопать прудъ подъ Кышиномъ и сдвинуть камень, который лежитъ подъ Червеньскомъ; затѣмъ, въ-третьихъ, поставь Соколю скалу подъ Краковомъ такимъ образомъ, чтобы она своимъ шпикомъ упиралась въ землю, а вверху находилось ея основаніе. Все это ты долженъ сдѣлать въ продолженіе этой ночи и въ моемъ присутствіи... безъ всякой помощи. Этимъ ты убѣдишь меня въ своей всесильности, и тогда я заключу съ тобой условіе и отдамъ духовную на мою душу.

— И все это только испытаніе!—воскликнулъ сатана.—Хитеръ же ты, нечего сказать! Ну, а если ты, послѣ этого испытанія, откажешься отъ своего намѣренія и не продашь мнѣ своей души? Что тогда?.. Вѣдь даромъ трудиться и переворачивать свѣтъ на изнанку вовсе неудобно для меня!..

Твардовскій помолчалъ немного и потомъ отвѣтилъ:

— Какъ хочешь — твоя воля; но это мое непремѣнное условіе, и ты долженъ отвѣтить мнѣ: да или нѣтъ.

Дьяволъ призадумался и долго почесывалъ себѣ копытомъ

затылокъ. Онъ гримасничалъ и, какъ будто-бы рассчитывая что-то, ворчалъ про себя:

— Да, тяжелое испытаніе! очень тяжелое! Однако, дѣлать нечего,—пиши обязательство, и какъ ни тяжелы условія, но пусть будетъ по твоему.

— Нѣтъ, не стану писать, пока ты не докажешь мнѣ всей своей силы и власти.

— Напрасно торгуешься.

— Какъ не торговаться, когда я продаю свою послѣднюю драгоценность—душу, ради того лишь, чтобы утолить мою жажду. Я долженъ торговаться, потому что это послѣдній торгъ въ моей жизни. Я вовсе не желаю отдать тебѣ за безцѣнокъ своего безсмертія. Думай и дѣлай, какъ знаешь.

— Выходи изъ круга и слѣдуй за мной,—сказалъ дьяволъ.

Твардовскій окропилъ себя святой водой, взялъ книгу и, перекрестясь, вышелъ изъ круга.

Дьяволъ, видя, что его хитрость не удалась, заскрежеталъ зубами: при такомъ вооруженіи, онъ не могъ овладѣть Твардовскимъ.

На распустьѣ на нихъ набѣжалъ смерчъ, который подхватилъ ихъ и они понеслись стрѣлой; долго носились они по рвамъ, горамъ и долинамъ, пока, наконецъ, прибыли въ Олькушъ, гдѣ дьяволъ вдругъ исчезъ.

У спуска въ копи Твардовскій ждалъ дьявола. Черезъ нѣсколько мгновеній, ученый замѣтилъ двигающуюся массу чудовищъ, несущихъ на своихъ плечахъ серебряную руду. Они подходили къ отверстію, бросали серебро, уходили и снова возвращались съ такими же ношами. Наконецъ, за стасей чудовищъ, показался и самъ дьяволъ, который руководилъ духами, и, принеся съ собою небольшой обломокъ серебра, бросилъ его въ яму.

— Это послѣдній,—сказалъ сатана.

— Чѣмъ же ты мнѣ докажешь, что это послѣдній? —спросилъ поймазный Твардовскій.

— А почему же ты сомнѣваешься, что не послѣдній? —спросилъ въ свою очередь дьяволъ.

Волей-неволей, нужно было согласиться съ дьяволомъ, хотя и не будучи увѣреннымъ, что онъ снесъ все серебро и что руда была дѣйствительно серебряная.

Между тѣмъ, дьяволъ, раздосадованный недовѣріемъ Твардовскаго, плюнулъ въ яму, точно нечаянно, и съ тѣхъ поръ копи залиты водою.

Твардовскій и дьяволъ опять сѣли на смерчъ и полетѣли въ Книшинъ.

Здѣсь Твардовскій показалъ дьяволу урочище Чеховщицно, которое слѣдовало превратить въ прудъ. Дьяволъ выбѣжалъ на средину и началъ усердно рыть землю копытами, когтями и зубами; онъ выбрасывалъ ее цѣлыми глыбами, пока наконецъ невыкопалъ пространную ложбину. Усталый и раздосадованный заданной ему на урокъ работой, онъ остановился на краю вырытаго имъ пруда и опять плюнулъ; вода съ шумомъ разлилась по ложбинѣ, и, ударившись о берега пруда, наполнила его до самыхъ краевъ.

— Вотъ тебѣ и второе испытаніе, — сказалъ дьяволъ. — Теперь, пока кочета не пропѣли въ урочный часъ, приступимъ къ третьему.

Они опять сѣли на тотъ же смерчъ и полетѣли на немъ къ Червеньску.

Здѣсь Твардовскій показалъ огромный камень, покрытый мхомъ и плесенью, глубоко вросшій въ землю, и велѣлъ его перебросить черезъ лѣсъ, воду и луга на поле.

Дьяволъ покачалъ головою, точно удивляясь величинѣ камня; онъ вертѣлся около него со всѣхъ сторонъ, натуживался, вздыхалъ, пока наконецъ ему удалось покачать его на бокъ. Тогда онъ повернулся къ нему спиною, взвалилъ на плечи, какъ кулъ муки, понатужился, и, замахнувшись, подбросилъ его вверхъ... Каменная глыба со свистомъ поднялась къ облакамъ и, перелетѣвъ черезъ лѣсъ, мимо облаковъ, грохнулась на землю.

— Теперь вернемся въ Краковъ къ послѣднему испытанію, хотя по условію достаточно и трехъ, — сказалъ сатана.

Твардовскій ничего не возразилъ на это, и они сѣли на свою воздушную лошадку и помчались въ Краковъ, къ такъ называемой Соколей или песчаной скалѣ, которая стояла остриемъ вверхъ.

Долго глядѣлъ на нее дьяволъ и придумывалъ, какъ ловчѣе приняться за дѣло.

Твардовскій съ любопытствомъ поглядывалъ на дьявола и улыбался своей хитрости. Маленькая фигурка дьявола вертѣлась вокругъ скалы, дотрогивалась когтями и смотрѣла исподлобья на угрюмо стоявшаго Твардовскаго.

Наконецъ, дьяволъ приподнялся на оконечности копытъ и быстро началъ расти вверхъ; маленькая фигурка его вытянулась на глазахъ Твардовскаго выше скалы... Схватившись руками за оконечность шпнца, дьяволъ перевернулъ ее, какъ палку и поставилъ вверхъ основаніемъ. Не сразу, однако, удалось дьяволу поставить скалу на мѣсто: она шаталась и трещала, пока онъ не уравнировалъ ее, глубоко воткнувъ остріемъ въ землю.

Доказавъ свою силу, дьяволъ уменьшился до прежняго своего роста.

— Что? Доволенъ ты мною?—сказалъ дьяволъ, поравнявшись съ Твардовскимъ.

— Хорошо; пойдемъ писать циркуграфъ.

— Съ удовольствіемъ, — къ твоимъ услугамъ... Однако, задалъ же ты мнѣ работу; порядкомъ я умаялся надъ нею.

Сказавъ это, оба отправились на кафедру Твардовскаго въ Кржеменки.

IX.

Какъ написано было обязательство.

Когда дьяволъ и Твардовскій пришли на Кржеменки, послѣдній зажегъ свѣчу и вынулъ изъ-за пазухи кусокъ чистаго пергамена.

— Что же ты думаешь, Твардовскій, — сказалъ ему дьяволъ, видя, что онъ начинаетъ писать, — что циркуграфы пишутся, какъ ваши *acta et monumenta*, на ослиной или телячьей кожѣ?.. Ты полагаешь, что запродажа души можетъ быть совершена на этомъ грязномъ лоскутѣ, годномъ только для вашихъ *omnibus et universis, praesentibus et futuris*, на выдѣлъ земли и хозяйства монахамъ. Ошибаешься, дружище... У меня для такого акта имѣется перга-

меня, приготовленный въ Италіи изъ человѣческой кожи, изъ кожи повѣшенныхъ. Тверже и лучше этого пергамена не отыщешь въ цѣломъ мірѣ, потому что онъ выбитъ и выглаженъ палками при жизни, да и послѣ смерти высушенъ на висѣлицѣ... Ты полагаешь, — продолжалъ дьяволъ, — что твои чернила, измышленныя разными миньютюристами и рубрикантами, тоже годны для совершенія акта?... О, нѣтъ!.. Адъ принимаетъ только тѣ цирोगрафы, которые написаны человѣческою кровью... Кровь въ этомъ случаѣ служить символомъ, задаткомъ тѣлу, точно также, какъ и мысль служить задаткомъ душѣ. Это двѣ цѣны, за которыя мы тащимъ *ad infernos* душу и тѣло... Нѣтъ, ты позволъ пустить тебѣ кровь изъ средняго пальца, которой достаточно будетъ одной капли для написанія акта... Но прежде, чѣмъ приступить къ составленію акта, слѣдуетъ потолковать относительно редакціи... Довѣришь ли ты мнѣ ее, какъ искусному нотаріусу?..

— Нѣтъ, — возразилъ Твардовскій. — Каждый пунктъ мы обсудимъ вмѣстѣ.

— Хорошо; видно, ничего съ тобой не подѣлаешь; пусть будетъ по твоему. Къ дѣлу. Ты продаешь свою душу... Что хочешь за нее?... Говори все, какъ слѣдуетъ, чтобы было понятно, ясно. Возьмемъ среднюю цѣну и не будемъ торговаться, какъ жида изъ-за боченка селедокъ.

— Тебѣ, я вижу, хочется поддѣть меня на честность, чтобы легче обмануть меня, — сказалъ Твардовскій!.. Хе, хе, хе, не торопись, любезный, успѣешь. Прежде всего я требую твою дьявольскую премудрость во всемъ, — премудрость вдохновенную, которая ниспосылалась бы на меня свыше, безъ труда, безъ усилій, по мѣрѣ моихъ надобностей.

— Согласенъ, но только съ условіемъ и съ оговоркой: адская премудрость должна всегда быть послушна аду... Я дамъ ее тебѣ, но съ тѣмъ, чтобы ты пользовался ею не иначе, какъ во вредъ людямъ. Иного употребленія премудрости ада я не допускаю.

— Да вѣдь ты ограничиваешь возможность пользованія ею, и этимъ самымъ...

— Дѣлюсь тѣмъ, что имѣю.

— Какая же мнѣ польза отъ того, когда ты связываешь

меня этимъ и по рукамъ, и по ногамъ?.. Нѣтъ, я не согласенъ на такія условія. Я хочу дѣйствовать вполне независимо...

— Этого я не въ состояніи дать тебѣ... Твое требованіе безъ смысла... это чистѣйшая абстракція, ложное понятіе, хотя и не безъ идеи. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ свободнаго человѣка, и ты не можешь пользоваться ею въ томъ видѣ, въ какомъ представляешь себѣ.

— Въ такомъ случаѣ, все бесполезно.

— Нѣтъ, дружище, нѣтъ, не торопись, выслушай сначала... Что бы ты сказалъ, если бы адъ позволилъ тебѣ дѣлать все, что ты хочешь, но что онъ будетъ наблюдать за тобою, чтобы ты не злоупотреблялъ данной тебѣ премудростью?..

— Это та же неволя, и я все-таки буду связанъ навсегда: мнѣ нельзя будетъ поступать по собственному усмотрѣнію.

— Напротивъ, ты будешь поступать, какъ тебѣ угодно, по крайней мѣрѣ, тебѣ будетъ казаться, что ты поступаешь по своей волѣ.

— Но я буду чувствовать, что все добро, дѣлаемое мною, превращается во зло.

— Нѣтъ, ты не будешь чувствовать этого въ первыя минуты... Ты можешь дѣлать добро безъ злого намѣренія.

— Но ты дѣлаешь меня виновнымъ уже тѣмъ, что предупреждаешь меня.

— Но безъ жертвъ и обоюдныхъ уступокъ невозможно совершить купчей.

Твардовскій подумалъ и затѣмъ сказалъ:

— Ктонибудь изъ насъ, однако, долженъ попасть впроцакъ.

— Что же, ты согласенъ?—спросилъ дьяволъ.

— Согласенъ,—отвѣчалъ Твардовскій.

Оба улыбнулись.

Такимъ образомъ, первый пунктъ условія былъ окончательно рѣшенъ.

— Во-вторыхъ, — продолжалъ Твардовскій, — ты долженъ дать мнѣ славу, такъ какъ слава равносильна съ могуществомъ. Человѣкъ, поступкамъ котораго сопутствуетъ слава, почерпаетъ силы въ самомъ себѣ; слава, это дипломъ, атте-

стать въ его поведеніи, увѣренность, что все сдѣланное имъ будетъ одобрено и принято свѣтомъ. Слава дѣлаетъ его властелиномъ массы; слава — синонимъ гордости и тщеславія; она — громкое имя пустого призрака, орудіе дѣйствій, сила, жезлъ могущества и власти надъ умами. О, слава великая, дивная, большая... ей поклоняются народы!..

— Хорошо, получишь и славу, изъ которой ты можешь дѣлать какое угодно употребленіе, — сказалъ сатана, — хотя бы она услаждала тебя настолько, насколько услаждаетъ ребенка колыбельная пѣсня. .

— Въ третьихъ, — продолжалъ Твардовскій, — ты долженъ мнѣ дать власть творить чудеса, вопреки законамъ природы или человѣческаго ума.

— Это придетъ къ тебѣ незамѣтно, само собою, посредствомъ твоей дьявольской мудрости. Но предупреждаю тебя, что въ дѣйствіяхъ, несогласныхъ съ законами природы, власть наша является призракомъ, или симуляціей власти. Мы не можемъ творить чудеса, но умѣемъ морочить людей, которымъ кажутся наши дѣла чудомъ.

— Для меня безразлично, на какомъ фундаментѣ основаны ваши чудеса... Согласенъ.

— Наконецъ, ты убѣдился, что я добросовѣстный покупатель. Теперь выслушай мои условия. Во-первыхъ, ты отдашь мнѣ душу свою послѣ жизни и пойдешь въ адъ со всѣми твоими приверженцами и послѣдователями...

— До моихъ приверженцевъ и послѣдователей мнѣ дѣла нѣтъ: каждый долженъ отвѣчать самъ за себя. Что же касается лично меня, я отдаю свою душу только послѣ самой долголѣтней жизни.

— Твое долголѣтіе нисколько не зависитъ отъ меня.

— Но въ твоей власти будетъ сократить мою жизнь.

— И это не въ моей власти, несмотря на все мое желаніе свернуть тебѣ голову тотчасъ по подписаніи обязательства, — я не хочу сарывать передъ тобою ничего... Разъ ты рѣшился продать свою душу такой дорогой цѣною, я считаю себя въ правѣ требовать отъ тебя вмѣстѣ съ душою и тѣло, прежде чѣмъ душа выйдетъ изъ него... Я долженъ взять тебя живымъ...

— Живымъ! — воскликнулъ съ ужасомъ Твардовскій.

— Да, живымъ, — возразилъ дьяволъ съ замѣчательнымъ спокойствіемъ. — Въ противномъ случаѣ, я не согласенъ на твои условія... Иначе, лежа на смертномъ одрѣ, ты можешь покаяться... придеть духовенство, уговорить тебя исповѣдываться, причащаться, поститься, молиться... Для насъ это дѣло совершенно неподходящее, и мы наживемъ съ тобою много хлопотъ. Во избѣжаніе же этого, намъ необходимо взять тебя живымъ и здоровымъ въ послѣдніе дни твоей жизни.

— Хорошо, согласенъ, — отвѣчалъ Твардовскій, послѣ нѣкотораго раздумья и колебанія. — Но мы должны рассмотреть этотъ вопросъ подробно: слѣдуетъ назначить мѣсто, откуда ты можешь взять меня, и именно взять изъ того, но отнюдь не изъ другого мѣста.

— Это зачѣмъ?

— Это мое непремѣнное желаніе. Зубъ за зубъ, око за око. Ты отрываешь отъ моего ломтя кусокъ хлѣба и хочешь, чтобы я остался не вознагражденнымъ за него. Я отдаюсъ тебѣ, но только въ Римѣ.

— Какія глупости! — воскликнулъ сатана. — Зачѣмъ же въ Римѣ, а не въ другомъ какомъ мѣстѣ?.. Римъ вѣдь очень далеко отсюда!..

— Иначе я не желаю.

— Быть не можетъ!

— Безъ этого и словъ не стану терять.

— Ты шутишь со мною?..

— Напротивъ, ты издѣваешься надо мною.

— Зачѣмъ же именно въ Римѣ?

— Затѣмъ, что я оттуда хочу идти въ адъ.

— Не думаешь ли ты, что святость мѣста предохранить тебя отъ нашихъ рукъ?

— Нисколько .. Я не желаю только идти въ адъ изъ моего родного города, изъ тѣхъ мѣстъ, которые дороги для меня по разнымъ воспоминаніямъ. Желаніе мое отдаться вамъ вдали отъ родины, гдѣ никто меня не знаетъ, и гдѣ некому будетъ оплакивать моей несчастной судьбы, гдѣ, наконецъ, случай этотъ останется незамѣченнымъ.

— Но для этого можно уѣхать за границу, хотя бы, напримеръ, въ Парижъ, Амстердамъ и проч., но зачѣмъ же въ Римѣ?

— Я не измѣню своего желанія.

— Чудакъ ты, право!

— Ты тоже несговорчивъ и упоренъ, какъ осель.

— Такъ ты рѣшительно отказываешься измѣнить свое намѣреніе?

— Рѣшительно. Говори: да или нѣтъ.

— Тяжелъ же ты, Твардовскій; но дѣлать нечего, пусть будетъ по твоему. Ты черезчуръ ужъ хитеръ... Вообрази, если ты нарочно не пожалуешь въ Римъ ко времени твоей смерти, что,—между нами скажу, весьма вѣроятно,—что я буду дѣлать тогда съ тобою?

— Это будетъ зависѣть отъ тебя, чтобы я во время попалъ туда... Ты своей дьявольской премудростью долженъ побуждать меня къ этому...

— Согласенъ, согласенъ; пусть такъ; пиши же обязательство, пока не пропѣли кочета и не прошелъ срокъ моему пребыванію на землѣ.

Съ этими словами дьяволъ укололъ палецъ Твардовскаго и, омочивъ перо въ его крови, подалъ продавцу души и началъ диктовать условіе.

Едва Твардовскій успѣлъ написать обязательство и къ большому свертку пергамента приложить печать изъ чернаго воску, какъ послышалось пѣніе кочетовъ... Вдругъ все исчезло... Блѣдный лучъ утренней зари освѣтилъ изнуренныя глаза Твардовскаго, который, опершись на локоть, вскорѣ уснулъ глубокимъ сномъ челоуѣка, прошедшаго бессонную ночь въ непосильныхъ ощущеніяхъ и тревогъ сердца.

X.

Накѣ Твардовскій возвратился въ Краковъ и что слышалъ въ отголоскахъ нолоколовъ.

Поутру проснулся Твардовскій. Солнце стояло уже высоко, утро было холодное. У ногъ его лежалъ Матюша сиротка и смотрѣлъ ему въ глаза. Твардовскій удивился—откуда онъ появился здѣсь.

Изнуренный въ продолженіе ночи, ученый проснулся съ

тяжелымъ воспоминаніемъ о случившемся... Твардовскій почувствовалъ въ себѣ большую разницу... Онъ смотрѣлъ уже на вещи иными глазами, иначе понималъ свѣтъ, иначе мыслилъ, иначе чувствовалъ. Твардовскій убѣдился въ этомъ при первомъ взглядѣ на Божій міръ... Онъ узнавалъ себя только по прошлому, потому что помнилъ его, и, какъ растеніе, держался той почвы, на которой возросъ, на какой былъ вчера; но между вчерашнимъ и сегодняшнимъ днемъ стояла теперь непреодолимая преграда, которая отдѣляла его отъ двухъ жизней, совершенно различныхъ между собою, ничего общаго не имѣющихъ и не похожихъ другъ на друга... Прошлая жизнь его была полна труда, сомнѣній, горя и шаткой надежды, новая же — ознаменовалась гордою самоувѣренностью, непозволительнымъ желаніемъ зла, высокомернымъ величіемъ, порочнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сладострастнымъ чувствомъ.

Твардовскій задумался надъ своимъ новымъ положеніемъ; его мысли носили свѣжій отпечатокъ дьявольскихъ наводненій, подѣ влияніемъ которыхъ онъ дѣйствовалъ въ прошедшую ночь... Онъ замѣчалъ, что сатана далъ ему, вмѣсто желаемой премудрости, — злобу и гордость... Однако, вникая умомъ своимъ въ законы природы и мысли, онъ видѣлъ всѣ предметы яснѣе, выразительнѣе: ничего не казалось ему теперь тайной, напротивъ, тамъ, гдѣ онъ видѣлъ раньше мракъ неизвѣстности, передъ нимъ открывалась завѣса и все представлялось въ блестящемъ видѣ. Онъ внутренно радовался этому, несмотря на одолѣвавшее его чувство какой-то ненависти, не испытанной и невѣдомой ему до сего времени, — чувство ненависти къ людямъ и свѣту... влеченіе къ непонятной злобѣ...

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? — спросилъ Твардовскій, обращаясь къ Матюшѣ.

— Я безпокоился о тебѣ и думалъ не случилось ли чего съ тобою...

— Развѣ ты считалъ это своею обязанностью...

— Обязанностью?.. — съ удивленіемъ переспросилъ мальчикъ. — Нѣтъ, не обязанностью... мной руководила благодарность къ тебѣ...

— Какая же эта благодарность? — спросилъ съ недоумѣніемъ и улыбкой ученый.

— Это... я не знаю какъ выразиться лучше... Это какое-то чувство, которое сжимаетъ сердце и тянетъ къ своему благодѣтелю, чувство тайнаго влеченія къ самопожертвованію...

— Или искусное забрасываніе удочки на новыя милости и ласки,—съ адской усмѣшкой возразилъ Твардовскій.

— О, нѣтъ, совсѣмъ не то...

— Что слышно въ Краковѣ?

— Всѣ говорятъ о тебѣ.

— Что же говорятъ?

— Очень удивляются, что ты подолгу сидишь на Подгорьѣ, а злые языки утверждаютъ, что ты въ сношеніи съ дьяволомъ.

При этомъ Матюша перекрестился, а Твардовскій разсмѣялся.

— А еще что говорятъ?

— Масса народу приходитъ домой, и, зная, что я служу у тебя, спрашиваютъ, гдѣ ты. Цѣлыя толпы не отходятъ отъ дверей и надоѣдаютъ мнѣ своими разспросами... Я ужъ и не знаю, какъ отдѣлываться отъ нихъ... Имъ кажется, что ты можешь чудеса творить...

— А ты думаешь — нѣтъ?..—гордо возразилъ Твардовскій.

— А если дѣйствительно можешь творить чудеса, то почему же ты не хочешь помочь людямъ?

— Почему? Развѣ ты не знаешь, что я дѣлаю въ этой пустынѣ? Быть можетъ, я здѣсь и творю чудеса...

— Однако, пойдемъ лучше домой, — сказалъ Матюша. — Давно пора... въ твоихъ книгахъ давно крысы завелись и ужъ пылью заросли... Развѣ они больше не нужны тебѣ? Развѣ ты исчерпалъ ужъ всю премудрость изъ нихъ?

— Да, — отвѣтилъ Твардовскій, — источникъ книжной премудрости изсякъ... Теперь можно сжечь ихъ.

— Зачѣмъ же ты прячешься отъ людей съ своею премудростью?

— Я вѣдь сказалъ тебѣ, что ты не знаешь, что я дѣлаю въ пустынѣ, ну и молчи...

Матюша замолчалъ.

Твардовскій и Матюша подходили къ Кракову. Едва только они вошли въ городъ, какъ колокольный звонъ эхомъ разнесся

по пустыннымъ улицамъ, въ которомъ слышалось, что-то жалобное, плачущее...

— Видно, кто нибудь умеръ?—спросилъ Матюша ученаго,— что-то очень жалобно стонуть колокола.

Твардовскій молчалъ... Онъ тоже слышалъ жалобный стонъ колоколовъ, которые отзывались въ его сердце и точно говорили ему:

— Несчастный, горе тебѣ!.. Ты отвергъ Бога ради суеты мірской, ради свѣта и мудрости... Горе душѣ твоей, которую ты продалъ сатанѣ... Вѣчныя мученія ждутъ тебя за эту кратковременную побѣду на землѣ; они раздавятъ тебя, какъ ничтожнаго червя, и покорятъ твою гордость и славу, которой ты жаждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ... Горе тебѣ, Твардовскій... Душа твоя сегодня умерла для неба и начала жить для ада и геенны вѣчной, гдѣ испытаешь ты плачь и скрежетъ зубовъ!..

И всѣ колокола церковей сливались въ одинъ непрерывный унылый звукъ, разносившійся эхомъ надъ городомъ и говорившій ему:

— Горе, горе душѣ твоей, Твардовскій!

Твардовскому казалось, что всѣ, какъ и онъ, понимаютъ вѣщій языкъ колоколовъ. Но, не обращая вниманія на народъ, который останавливался и смотрѣлъ на него съ уваженіемъ, онъ продолжалъ идти, бросая изрѣдка презрительные взгляды вокругъ.

Частыя отлучки изъ дому на Подгорье и долгое тамъ пребываніе дѣлали Твардовскаго въ глазахъ необразованной массы какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ... О немъ говорили, какъ о великомъ волшебникѣ, и каждый считалъ его какимъ-то чудомъ премудрости. Слава его распространилась отъ убогихъ хатъ до царскихъ палатъ... Всѣ говорили о немъ... Твардовскій не зналъ, чему приписать свою извѣстность: вліянію ли дьявола или личнымъ заслугамъ. Несмотря на невѣдѣніе, сердце его радовалось...

Сомнѣніе это однако навело ученаго на грустные размышленія...

Проходя по улицѣ и находясь въ глубокой задумчивости, онъ былъ остановленъ старухой, которая дотронулась до его руки и сказала:

— Мудрецъ, будь благодѣтелемъ, излѣчи мою больную дочь.

Твардовскій, желая испытать свое могущество, въ которомъ онъ не былъ еще убѣжденъ, призадумался на минуту... По странному предчувствію, онъ узналъ въ этой старухѣ женщину, которая жила въ убогой хаткѣ на Клернажѣ, вмѣстѣ съ своею больною дочерью. Онъ никогда не видѣлъ ихъ, но, въ данную минуту, зналъ, что дочь ея больна отъ рожденія и что излѣчить ее могла вода изъ близлежащаго источника.

— Чѣмъ больна твоя дочь?—спросилъ ее Твардовскій.

Старуха съ плачемъ начала рассказывать болѣзнь своей любимой дочери.. Но Твардовскій перебилъ ее:

— Успокойся, старушка, дочь твоя будетъ здоровою черезъ три мѣсяца, три недѣли, три дня, три часа и три четверти. Давай ей пить три раза въ день по три кружки воды, изъ источника, который находится въ трехъ шагахъ отъ твоей хаты, возлѣ третьяго дома твоихъ сосѣдей.

Старушка поблагодарила ученаго и поспѣшно ушла домой, чтобы испытать цѣлительность этого источника на своей дочери.

Твардовскій шелъ дальше. На дорогѣ онъ повстрѣчался съ однимъ италіанцемъ, профессоромъ университета.

— А, здравствуйте, Твардовскій, — привѣтствовалъ его профессоръ по латынѣ.

— Мое почтеніе, — отвѣтилъ Твардовскій на томъ же языкѣ.

— Что васъ такъ долго не видно?—спросилъ италіанецъ. — Про васъ говорятъ такія чудеса, что уму непостижимо: говорятъ, что вы въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Не завидная однако слава для профессора первой школы въ королевствѣ... Хотя этому никто не вѣритъ, но ваше уединеніе и частыя отлучки... избѣганіе общества...

— Я не избѣгаю его, но вы знаете, что мысли требуютъ отдыха и уединенія, особенно, если онѣ утомлены трудомъ и горемъ; минуты уединенія служатъ для свихнувшагося ума прекрасной діетой.

— Правда, правда, — отвѣчалъ профессоръ: — для своего оправданія вы можете привести множество изреченій древнихъ ученыхъ, примѣровъ и мнѣній святыхъ отцовъ, которые уединялись въ пустынѣ; все это правдоподобно, но можно ли до такой степени забывать свои обязанности и пренебрегать свѣ-

томъ! Всѣ ученики и друзья твои ждутъ тебя съ нетерпѣніемъ. Слава твоя заставляетъ насъ скучать, а ты, какъ нарочно, избѣгаешь ее.

— Слава?..—сказалъ Твардовскій:—вы думаете, что у меня есть слава?.. О, нѣтъ, мой другъ, слава одного города не можетъ быть мірской извѣстностью... Она только губитъ насъ. Оставляя свою родину и переселяясь въ другое мѣсто, мы становимся неизвѣстными, ничтожными, и съ новыми усилиями труда должны вновь пріобрѣтать ее.

— Какой же тебѣ еще славы?—спросилъ удивленный профессоръ.

— Какой? Такой, которая бы распространилась по всему земному шару, чтобы имя мое произносилось всѣми народами, какъ устами бѣдняковъ, такъ равно и въ королевскихъ палатахъ, ежедневно, ежечасно, ежеминутно.

— Такой славой пользуется только одинъ Господь,—возразилъ тихо италіанецъ.

— И дьяволъ,—смѣясь, прибавилъ Твардовскій.

Удивленный профессоръ отступилъ на шагъ и призадумался.

— Какъ понимать это?

— Я могу объяснить тебѣ это, какъ философъ. Величайшее добро, какъ равно и величайшее зло могутъ имѣть безграничную абсолютную славу. Слава же есть центръ двухъ противоположныхъ полюсовъ. Скажите же мнѣ, которому изъ нихъ я обязанъ своей славѣ?

— Соединеніемъ обоихъ вмѣстѣ въ одно цѣлое, если хотите знать. Твою мудрость признаютъ всѣ и отасятъ ее къ чернокнижію, которое происходитъ не отъ Бога, начала добра, а внушается духами.

— Духами?—холодно сказалъ Твардовскій.—Но какъ можетъ говорить народъ объ ученыхъ, когда онъ не въ состояніи понять ихъ?..

— Однако, *vox populi—vox Dei*,—возразилъ профессоръ:—гласъ народа—гласъ Божій. Существованіе колдовства и чаръ никто не опровергаетъ, но онѣ происходятъ отъ злого духа.

— Совершенно вѣрно,—возразилъ ученый:—если существуетъ дьяволъ, то существуютъ и чары... До свиданья.

— До свиданья.

На смѣну профессора-италианца къ Твардовскому подошла толпа студентовъ, — толпа, кипучая и жаждущая науки, румяная, свѣжая, хотя голодная и въ рубищѣ. Завидѣвъ Твардовскаго, студенты не могли обуздать своей радости. Они начали подбрасывать шапки на воздухъ и кричать:

— Vivat, Tvardovius! vivat!

Твардовскій самодовольно улыбался, потому что въ этихъ оваціяхъ онъ видѣлъ свое величайшее торжество. Студенты окружали его и привѣтствовали со всею страстью молодости, какъ дѣти, считающія челоѣка величайшимъ мудрецомъ, который превращается для нихъ въ изобрѣтательнаго генія игръ и увеселеній.

Къ студентамъ присоединились и городскіе обыватели, женщины, дѣти, жидаы и жидовки, всегда любопытные, какъ и лакомые (одно другого стоитъ). Твардовскій очутился внутри толпы, которая надвигалась на него со всѣхъ сторонъ съ криками:

— Ура, Твардовскій! ура!

Матюша-сирота плакалъ отъ радости, вытирая слезы рукавомъ своей грязной рубашки. На лицѣ Твардовскаго сіяла улыбка гордости и побѣды.

Между тѣмъ колокола пятидесяти краковскихъ церквей раздавались въ ушахъ ученаго:

— Горе, горе, тебѣ, Твардовскій! горе душѣ твоей несчастной, горе съ твоею славой, съ твоимъ величіемъ, потому что ты запродавъ душу свою сатанѣ, запродавъ за минуту ничтожной жизни жизнь цѣлой вѣчности!.. Горе тебѣ, магистръ, горе душѣ твоей! Лучше бы не родиться тебѣ на свѣтъ или умереть отъ голода и тяжкихъ болѣзней.

Понятны были ему эти стоны колоколовъ, вой собакъ и крикъ народа, двигавшагося толпою за нимъ. Но въ колокольномъ звонѣ онъ слышалъ больше злой прони, чѣмъ побѣдныхъ криковъ радости...

Недовольный Твардовскій остановился и сказалъ:

— Молчите, колокола!

Въ одно мгновеніе веревки оборвались въ рукахъ звонарей и колокола, издавъ унылый звукъ, простили въ воздухъ послѣдній разъ...

Въ эту минуту Твардовскій входилъ въ свое жилище, передъ которымъ еще долго раздавались возгласы народа:
Vivat, Tvardovius! vivat!

XI.

Какъ король посылалъ за Твардовскимъ.

Что такое слава? Гдѣ ея начало? Не похожа ли она на глыбу снѣга, скатывающуюся съ горы и принимающую видъ гигантскаго шара, съ каждой минутой растущаго въ объемъ, захватывающаго за собою все, что попалось ему навстрѣчу не похожа ли она на глыбу снѣга, превратившагося въ громадное облако, несущееся подъ небесами съ быстротою молніи и засыпающее на своемъ пути села, деревни, лѣса и города пока, наконецъ, растаетъ и превратится въ озеро?.. Такъ именно возрождается, растетъ и умираетъ слава. Нерѣдко приходитъ она неожиданно и незаслуженно, и человѣкъ, лежа въ постель, не знаетъ о ней; проснувшись же на слѣдующій день онъ видитъ ее стоящей въ своемъ изголовьѣ, которая столько вѣнчаетъ его голову, сколько обременяетъ ее... Случается, что она такъ же скоро исчезаетъ, какъ и приходитъ.. Ну, что такое, въ сущности, слава?.. Мечта, призракъ чего-то несуществующаго!.. Каждый можетъ дать ее и отнять обратно но никто не знаетъ, гдѣ она, что она и для кого она!..

Слава Твардовскаго была не болѣе, какъ сонный бредъ. Продавъ ночью свою душу дьяволу, онъ ощутилъ ее у себя утромъ въ головѣ и она пришлась ему въ пору, точно шапка сдѣланная по заказу на его голову. Ему казалось, что онъ давно ждалъ ее къ себѣ въ гости; давно надѣялся на нее, точно эта слава была ему обѣщана кѣмъ нибудь, и онъ удивлялся ей; онъ встрѣтилъ славу равнодушно, какъ встрѣчается заимодавецъ съ кредиторомъ, вносящимъ уплату в срокъ по векселямъ.

Однако, слава его была могущественна, для которой существовало ни невѣрующихъ, ни завидующихъ, ни оспаривающихъ ее соперниковъ, такъ какъ Твардовскій стоялъ въ

соко въ мѣстѣ народа, который покорно стибалъ передъ нимъ свою голову и, поэтому, не смѣлъ завидовать его славы. Въ городѣ носились слухи о его чудесныхъ исцѣленіяхъ, совѣтахъ и средствахъ, которые онъ давалъ; о чарахъ, колдовствѣ и заклятіи, которыя онъ производилъ. Повтореніе слуховъ, переходившихъ изъ устъ въ уста, вдвое увеличивало ихъ и разнообразило съ безконечными вариантами. У дверей Твардовскаго толпился народъ съ ранняго утра до поздняго вечера; вельможи присылали за нимъ своихъ лошадей въ раззолоченныхъ коляскахъ и осыпали его золотомъ за каждый визитъ, за каждое лѣкарство, прописанное имъ, а нерѣдко даже за одно его слово. Счастье сопутствовало ему и увеличивало съ каждой минутой его славу; слухи росли не по днямъ, а по часамъ, и каждый слухъ ознаменовывался какимъ нибудь новымъ чудомъ. Слава великаго чародѣя росла, не зная границъ.

И онъ радовался славы, такъ какъ гордость его и жажда были насыщены ею: онъ обладалъ тѣмъ, чего такъ страстно желалъ, испилъ ту чашу сладости, о которой мечталъ и которая струилась теперь черезъ край, какъ неизсякаемый источникъ. Но былъ ли счастливъ Твардовскій—объ этомъ умалчиваетъ его исторія.

Однажды позднимъ вечеромъ Твардовскій сидѣлъ передъ раскрытымъ фоліантомъ, хотя и не читалъ его; на столѣ горѣла лампа. Матюша сналъ въ углу комнаты, опершись рукою въ подбородокъ. Въ комнатѣ царила глубокая тишина... и ничто не нарушало этой торжественной тишины ночи, въ которую погруженъ былъ весь городъ, мирно собравшійся ко сну. На большомъ столѣ покрытомъ толстымъ сукномъ, передъ которымъ сидѣлъ чародѣй, стояли и лежали различные предметы ученыхъ. На немъ находились и черепъ человѣка, и кости, и ребра великановъ; на потолокъ висѣло чучело крокодила, въ углу стояла египетская мумія, завернутая въ пелену и испещренная іероглифическими знаками; въ огромныхъ банкахъ лежали уроды въ спирту; у черной стѣны бѣлѣлся скелетъ человѣка; надъ окномъ находился распятый петюнрь.

Было время, когда Твардовскій изучалъ по нимъ тайны природы, пыталъ прошлое и доискивался будущаго. Теперь все

это оказалось для него не нужнымъ и бесполезнымъ хламомъ, который онъ съ презрѣніемъ готовъ былъ бросить въ печь, какъ огрызокъ плода, изъ котораго онъ высосалъ сокъ.

Вдругъ глубская тишина нарушилась какимъ-то подозрительнымъ шелестомъ; послышался чей-то тихій говоръ. Твардовскій улыбнулся и прищурилъ глаза: посреди мертвой тишины явственно раздались слова; которыя, кромѣ Твардовскаго, едва ли бы кто могъ понять.

Скелетъ. Какая смертная скука стоять у этого безумца, точно на часахъ, безъ всякаго употребленія и пользы. Никто болѣе не считаетъ моихъ реберъ, никто не дотрогивается до моихъ костей, какъ считалъ и дотрогивался къ нимъ прежній господинъ. Только крысы грызутъ у ногъ моихъ пальцы. Лучше бы мнѣ лежать въ сырой землѣ, чѣмъ маяться здѣсь безъ пользы. Тамъ, по крайней мѣрѣ, я выспался бы за всѣ безсонно проведенныя ночи въ жизни. А здѣсь, точно на посмѣшище выставленъ я, и Богъ вѣсть зачѣмъ понацѣпляли на меня разныхъ пружинокъ вмѣсто мускуловъ, которыя немилосердно жмутъ мои когда-то свободно двигавшіяся подъ кожей бѣлыя кости. Чтобъ тебѣ самому, проклятый мудрецъ, служить по смерти пугаломъ и посмѣшищемъ народу! Зачѣмъ ты держишь меня здѣсь безъ всякаго употребленія?

Рука великана. Молчи, сверчокъ! Ты видишь, что я спокойно лежу и не жалуюсь... Ты думаешь, что мнѣ лучше здѣсь, чѣмъ тебѣ; мнѣ, которая была больше, чѣмъ весь ты, ничтожный червякъ!.. Ты думаешь, что пріятно мнѣ слышать, когда всѣ эти пустыя головы съ очками на носсахъ разсуждаютъ обо мнѣ, доказывая, что я никогда не была человѣкомъ, а какимъ-то безсловеснымъ животнымъ или чѣмъ нибудь хуже этого; мнѣ, думаешь, лучше чѣмъ тебѣ? Вѣдь я была членомъ одного изъ допотопныхъ великановъ, сильная и мускулистая рука при жизни!..

Скелетъ. Сильна по величинѣ, да по глупости развѣ...

Уродецъ въ банкѣ. Ай, ай! какъ мучусь я несчастный, но терплю вѣдь, хотя и думаютъ обо мнѣ, что у меня нѣтъ и не было ни жизни, ни души и что я никогда не видалъ свѣта. Пріятно ли мнѣ, сидя въ банкѣ, смотрѣть на этотъ свѣтъ, который описывали мнѣ такъ прекрасно; на эту ком-

нату, въ которой не видно ничего, кромѣ грязи и лысой головы ученаго.

Мумія. Что вы разворчались тамъ, противные олухи, что вы здѣсь, кто вы? люди или рабы? Молчать! Я здѣсь царица.

Всѣ. Ха, ха, ха! Царица!.. Ты царица?.. Да здравствуетъ царица!.. Ха, ха, ха!

Мумія. Развѣ не видите вы на моихъ пеленахъ надписи? Я египетская царица!.. Не понимаю только, какъ смѣетъ этотъ безумецъ рѣзать меня на куски и давать больнымъ вмѣсто лѣкарства. Горе ему въ день моего мщенія.

Всѣ. Горе тому отъ великой царицы, которую рѣжутъ по кусочкамъ и принимаютъ внутрь вмѣсто лѣкарства, у кого отяжелѣетъ голова, заколетъ въ боку или прогнѣетъ утроба!

Мумія. Во всѣхъ гробницахъ Египта не было женщины прекраснѣе меня...

Всѣ. О, великая, прекрасная царица! Какъ жаль, что тебя обкарналъ нашъ общій мучитель! Однако, ты, видно, царица безъ штата и безъ двора, потому что сама себя хвалишь!

Не топырь. Неужели уже ночь?.. Ахъ какъ мнѣ хочется слетѣть изъ этого окна, къ которому прибилъ меня этотъ аспидъ!.. Зачѣмъ я здѣсь, за что прибили меня?.. Что любопытнаго нашли они въ моихъ крыльяхъ?.. Я вѣдь простая мышь, какъ мой отецъ, мать, какъ вся семья моя, только что съ крыльями. Какъ весело теперь жить на свѣтѣ моимъ братцамъ и сестрицамъ!.. То-то радуются они, счастливы. Сколько огоньковъ блеститъ въ окнахъ, сколько прохладныхъ, роскошныхъ гнѣздъ свили они себѣ въ подпольѣ, на чердакахъ и въ подвалахъ!.. О, зачѣмъ я не могу улетѣть къ нимъ?..

Крокодилъ. Висѣть, висѣть и висѣть безконечно въ этой сырой и холодной избѣ! Когда же, наконецъ, окончатся мои мученія!.. Когда издохнетъ этотъ противный лысый налачъ!.. О!.. попался бы ты мнѣ въ зубы на берегахъ Нила, я отомстилъ бы тебѣ за себя!..

Голоса человѣка. Добрый вечеръ, братцы, добрый вечеръ!.. Хорошо ли почивать изволили днемъ?.. Вотъ ужъ проснулась наша лампа и свѣтитъ мнѣ прямо въ глаза... пора вставать, да пойти прогуляться...

И, стуча зубами, черепъ поднимался на столѣ...

Въ эту минуту Твардовскій ударилъ рукою по столу, и таинственный голосъ мгновенно замолкъ.

Матюша проснулся.

За дверью слышались чьи-то шаги, ручка застучала и на порогъ появилась фигура человѣка.

Твардовскій взглянулъ на вошедшаго, безъ удивленія и любопытства, и самодовольно улыбнулся. Вошедшій однако-же не отличался ничѣмъ особеннымъ и приходъ его не предвѣщалъ большой радости. Онъ стоялъ у порога, завернувшись въ черный плащъ; на головѣ его одѣта была шляпа съ чернымъ перомъ, на ногахъ — сапоги съ длинными носами; изъ подъ плаща выглядывалъ конецъ шпаги; на груди блестѣла золотая цѣпь съ такимъ же медальономъ. Фигура молодого человѣка, съ томными, потухшими глазами, со стиснутыми губами, острымъ носомъ и черными усами, изъ подъ которыхъ едва замѣтны были уста, похожа была на самаго обыкновеннаго человѣка, съ небольшою эспаньолкой, какую носили въ то время на западѣ.

Незнакомецъ снялъ шляпу и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Я ждалъ васъ, — сказалъ Твардовскій, вставъ съ кресла.

— Меня? — воскликнулъ удивленный незнакомецъ.

— Да, именно васъ, — отвѣчалъ Твардовскій: — не удивляйтесь; идя сюда, вы должны были знать, что я умѣю угадывать мысли человѣка.

— Ошибаетесь, милостивый государь, — возразилъ съ полунасмѣшкой, съ полупрезрѣніемъ пришедшій незнакомецъ, нѣсколько оскорбленный самоувѣренностью Твардовскаго.

— Я никогда не ошибаюсь, — возразилъ въ свою очередь Твардовскій: — хотите, чтобы я сказалъ: кто вы?

— Очень любопытно, скажите, — сказалъ незнакомецъ, увѣренный, что Твардовскій не знаетъ его, и, указывая на Матюшу, продолжалъ: — но прежде, чѣмъ начать разговоръ, я просилъ бы васъ... выслать этого человѣка.

— Это слуга мой, — отвѣчалъ Твардовскій, и далъ знакъ Матюшѣ, чтобы онъ вышелъ.

Матюша безпрекословно исполнилъ приказаніе.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ.

— Вы придворный его королевскаго величества. Не такъ ли?

— Такъ, но развѣ вы видѣли меня когда нибудь при дворѣ.

— Вы присланы отъ короля, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ лишился любимой жены... Говорить ли далѣе?..

— Довольно,—вскричалъ удивленный придворный, приближаясь къ Твардовскому. Выраженіе презрѣнія и насмѣшки исчезли съ его блѣднаго лица; онъ видимо растерялся. — Но, Бога ради, скажите мнѣ, откуда вы узнали о томъ?.. Вѣдь я тайно говорилъ съ королемъ, и, кромѣ меня, никто не зналъ, что я пойду сюда; могу васъ увѣрить, что въ комнатѣ, кромѣ короля и меня, никого не было, и подслушать насъ у дверей рѣшительно никто не могъ. Къ тому же, я шопотомъ говорилъ съ его величествомъ, а слѣдовательно, никто не могъ знать о чемъ мы шепчемся.

— Но я знаю,—смѣло отвѣчалъ Твардовскій,—потому что все, сокрытое для обыкновенныхъ смертныхъ, открыто для меня, и будущее людей я читаю, какъ въ книгѣ.

— Поэтому, считаю лишнимъ передавать вамъ о томъ, что требуетъ отъ васъ король и что можете ли вы исполнить его просьбу, — продолжалъ придворный, пораженный всевѣдѣніемъ Твардовскаго.

— Что могу, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но сдѣлаю ли—это вопросъ.

— Почему же, если вы имѣете возможность и средства исполнить просьбу короля?

Твардовскій улыбнулся.

— Для меня нѣтъ королей!.. По нѣкоторымъ причинамъ, прежде чѣмъ рѣшиться сдѣлать для него что-нибудь, я долженъ подумать, можно ли удовлетворить его просьбу.

— Какія же это причины?

— Огорченный потерей своей любезнѣйшей жены, король желаетъ видѣть ея тѣнь и проситъ вызвать ея духъ. Не такъ ли?

— Совершенно вѣрно.

— Но хорошо ли будетъ, если король опять увидитъ свою несравненную жену, Варвару?.. Вѣдь раны, которыя начали уже заживать, опять растроятся; увидѣвъ жену, онъ захочетъ обнять ее, прижать къ своей истомленной груди, поговорить съ нею, и сердце его, вмѣсто того, чтобы успокоиться, обольется кровью... Свиданіе это можетъ принести королю

больше вреда, чѣмъ пользы, больше горя, чѣмъ утѣшеній... Каждый прожитый имъ день уноситъ часть воспоминаній, но когда воспоминаніе это оживится призракомъ, наступитъ новое отчаяніе, которое всю тяжестью ляжетъ на все его существо; незабвенный ея образъ отразится на душѣ и грусть овладѣетъ имъ снова съ большею силою и на болѣе продолжительное время. Не есть ли эго желаніе — разстройство его воображенія и не принесетъ ли оно новыхъ страданій, — желаніе испытать во второй разъ тяжкую болѣзнь, которую онъ испыталъ при ея смерти?.. Не правда ли? .

— Я вполне согласенъ съ вами и предоставляю вашей мудрости дѣйствовать по своему усмотрѣнію, — смиренно отвѣчалъ придворный. — Вамъ лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ.

— По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется, — продолжалъ Твардовскій. — Много есть въ мірѣ вещей, которыхъ я не знаю и не вижу, да и не хочу видѣть, и поэтому умышленно отвращаю свой взоръ отъ нихъ. Будущее королевскаго величества есть именно одинъ изъ тѣхъ предметовъ, которыхъ я не смѣю и не хочу изучать и доискиваться.

— Что же вы думаете предпринять?

— Въ данную минуту я не могу вамъ отвѣтить. Мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, три дня на размышленіе, по истеченіи которыхъ вы можете придти ко мнѣ въ такое же время, какъ и сегодня.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, сказать вамъ о томъ, что общаетъ король, если вы исполните его просьбу.

— Интересно знать, — невольно воскликнулъ Твардовскій, — дѣйствительно, зная обо всемъ, я не могу угадать, чѣмъ наградить меня король.

— Его королевское величество вовсе не рассчитываетъ, когда-нибудь вознаградить васъ за эту услугу. Онъ просто хочетъ подарить вамъ на память золотую цѣпь, вѣсомъ въ триста золотниковъ, драгоценный перстень и соболью шубу, которую въ послѣдній разъ привезъ царскій посолъ изъ Москвы, красота которой, до сихъ поръ никто не можетъ надивиться. Повторяю, король считаетъ себя не въ состояніи вознаградить васъ; всѣ эти подарки будутъ служить лишь слабымъ знакомъ его благорасположенія къ вамъ...

— Благодарю за его милости и честь, которыя онъ дѣлаетъ своему ничтожному слугѣ, — отвѣчалъ Твардовскій. — Не забудьте придти въ условленный часъ, черезъ три дня.

Съ этими словами онъ поклонился придворному, который отвѣтилъ ему тѣмъ же и, выйдя изъ комнаты, захлопнулъ за собою дверь.

Твардовскій призадумался, оставшись одинъ; но едва только шаги придворнаго затихли на лѣстницѣ, какъ въ углу комнаты что-то зашевелилось и изъ подъ огромной кучи книгъ вылезъ дьяволъ и, зѣвая во весь широкій ротъ, сказалъ:

— Добрый вечеръ!

— А я только что собирался звать тебя.

— Я этого ждалъ и, какъ видишь, легкокъ на поминѣ. Что нужно?

— Ты вѣдь знаешь въ чемъ дѣло и что занимаетъ меня въ эту минуту?

— Знаю, но не вполне, — равнодушно замѣтилъ дьяволъ.

— Его величество, король нашъ, — по нѣкоторомъ размышленіи началъ Твардовскій, — лишился нѣжно любимой имъ супруги, Варвары *). Она была для него дороже всего на свѣтѣ, потому что онъ женился и жилъ съ ней не какъ съ королевой, а имѣлъ въ ней истинную жену и подругу жизни, и, несмотря на всѣ добродѣтели первой королевы, такъ преждевременно скончавшейся, Варвара, взятая королемъ съ боя, затмила всѣ качества своей предмѣстницы. Огорченный ея смертію, король самъ проводилъ тѣло ея въ Вильну и носилъ всегда портретъ ея на своей груди; при одномъ воспоминаніи о ней слезы душиать его и онъ дѣлается неутѣшнымъ. Вѣсть обо мнѣ достигла и его слуха. Народная молва, разгласившая о моемъ колдовскомъ могуществѣ, посредствомъ котораго я вызываю духовъ, надумила короля увидѣть тѣнь любимой жены. Только сію минуту ушолъ отъ меня королевскій посолъ, который передалъ мнѣ его монаршую просьбу. Дѣло теперь, собственно, въ томъ: могу ли я вызвать призракъ умершей и показать его королю?

— Право, не знаю, гдѣ обрѣтается душа королевы. Если

*) Въ 1551 году.

она тамъ, въ небесахъ, тогда трудненько будетъ вызвать ее обратно на землю.

— Трудно, но полагаю не невозможно?

— Не знаю, какъ отвѣтить тебѣ на этотъ вопросъ. Есть заклѣтія и на добрыхъ духовъ; на злыхъ же ты знаешь самъ, потому что они гораздо сговорчивѣе первыхъ. Поройся въ умъ, авось найдешь средство и на нихъ.

— Знаю, — возразилъ Твардовскій, глубоко призадумавшись.

— Во всякомъ случаѣ, — отвѣчалъ дьяволъ, — старайся показать духъ такимъ образомъ, чтобы онъ больше не влюбился въ него; напротивъ, по возможности, устрой такъ, чтобы призракъ внушилъ ему ужасъ и отвращеніе. Память и любовь къ умершимъ соединяютъ живущихъ съ мертвыми неразрывными и таинственными узами, вслѣдствіе чего они мало грѣшатъ. Многіе, — говорю это по собственному опыту, — удержались на пути добродѣтели, благодаря единственно воспоминанію объ усопшихъ. Мы, какъ тебѣ извѣстно, хлопочемъ только о томъ, чтобы всѣ грѣшили побольше, потому что собственно на этомъ только и держится міръ, и онъ давно бы пошелъ въ преисподнюю, если бы не было этого пресловутаго *malum necessarium*. Поэтому я такъ крѣпко и отстаиваю это, и не безъ причины... Во-вторыхъ, ты долженъ имѣть въ виду, чтобы король не дотрагивался и ни подъ какимъ видомъ не приближался къ вызванному духу, даже не говорилъ съ нимъ, иначе, если бы духу вздумалось отвѣчать на его вопросы, то король непременно умретъ, а тебя сожгутъ, повѣсятъ или расчлениваютъ, какъ колдуна и чернокопѣйника. Впрочемъ, дѣлай, какъ хочешь. Съ своей стороны я предлагаю лишь одно условіе. Вѣдь надобно же и мнѣ чѣмъ-нибудь воспользоваться! Ты долженъ отказаться отъ какого бы то ни было вознагражденія. Я слышалъ вашъ разговоръ насчетъ золотой цѣпи, перетня и соболей шубы; не бери ничего этого, а если тебѣ нужно, то я самъ все предоставляю тебѣ. Проси короля только объ одномъ, чтобы онъ простилъ перваго преступника, котораго на слѣдующій день надлежало повѣсить передъ ратушей. Этимъ ты приобрѣтешь еще большую славу, — славу безкорыстнаго человѣка, — а для насъ ты сдѣлаешь большую услугу, такъ какъ мы заинтересованы въ немъ, по-

тому что чрезъ его посредство увеличится corteжъ преступниковъ. Нужно помнить о себѣ, *primo mihi*. За это и я буду полезнымъ для тебя въ этомъ дѣлѣ. Помни, главное, о двухъ предметахъ: во-первыхъ, для себя, чтобы король во время появленія духа, не трогался съ мѣста и не говорилъ бы съ призракомъ; во-вторыхъ, для меня,—чтобы помпловалъ преступника. Теперь прощай, я тороплюсь въ другую сторону. *Vale et me amare*.

Съ этими словами дьяволъ исчезъ въ той же бипѣ книгъ, изъ которой вышелъ, а Твардовскій бросился на свою жесткую постель, стоявшую въ углу комнаты.

Лампа по прежнему освѣщала своимъ тусклымъ свѣтомъ все предметы ученаго человѣка. Мумія, крокодилъ, скелетъ и уроды въ банкахъ стояли на своихъ мѣстахъ и въ томъ же порядкѣ. Вскорѣ Твардовскій заснулъ крѣпкимъ, могучимъ сномъ. Матюша-сиротка, неустанно наблюдавшій за своимъ господиномъ, тихонько подошелъ къ кровати и покрылъ его одеяломъ, такъ какъ въ комнатѣ чувствовался ужасный холодъ. Онъ погасилъ лампу и, машинально перекрестившись и пробормотавъ что-то про себя, легъ на полу, въ ногахъ своего господина.

XII.

Какъ Твардовскій вызывалъ тѣнь королевы.

По истеченіи трехъ дней, которые Твардовскій долженъ былъ употребить для обсужденія своихъ дѣйствій по порученію короля, вечеромъ, въ тѣ же часы, какъ и три дня тому назадъ, на лѣстницѣ слышались чьи-то шаги и вскорѣ появился на порогъ комнаты Твардовскаго королевскій посолъ (это былъ М..., любимецъ короля Августа). Твардовскій поджидалъ его, и поэтому, едва послѣдній появился въ дверяхъ, ученый сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нему навстрѣчу.

— Какой отвѣтъ я долженъ отнести его величеству?— началъ придворный, послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Желаніе короля можетъ быть исполнено, — отвѣчалъ

Твардовскій, послѣ минутнаго размышленія, — но только съ условіемъ, безъ исполненія котораго ничто не въ силахъ заставить меня быть послушнымъ королю.

— Какія бы ни были ваши условія, я увѣренъ, что король приметъ ихъ, если только они будутъ приличны для его величества. Король такъ горячо любилъ свою супругу, что за одинъ мигъ, въ который онъ увидитъ ее, готовъ пожертвовать своею, дорогою для всѣхъ насъ, жизнью.

— Первое мое условіе: чтобы король, при появленіи тѣни его жены, не пытался приближаться къ ней, не говорилъ бы ни слова и не сходилъ съ мѣста, на которомъ будетъ поставленъ въ минуту появленія; во-вторыхъ, чтобы во время вызова тѣни не присутствовалъ никто, кромѣ меня, короля и васъ; въ третьихъ, — король долженъ помиловать перваго преступника, который будетъ осужденъ на смерть черезъ повѣшеніе на площади передъ ратушей; затѣмъ, я отказываюсь отъ какого бы то ни было вознагражденія.

— Ручаюсь, что всѣ поставленные вами условія будутъ удовлетворены королемъ, — отвѣтилъ придворный, удивленный такими легкими и странными условіями. — Что же касается награды, я не совѣтовалъ бы вамъ отказываться отъ нея: вы много можете выиграть черезъ это. Подумайте хорошенько, не желаете ли еще чего нибудь?..

— Ничего не желаю, — возразилъ Твардовскій, улыбаясь съ ироніей.

Оба замолчали.

Удивляясь безкорыстію Твардовскаго, придворный поспѣшилъ съ радостной вѣстью къ королю. Прошло не болѣе двухъ часовъ времени, какъ тотъ же придворный возвратился къ Твардовскому и, объявивъ ему, что король согласенъ на всѣ условія, просилъ слѣдовать за нимъ во дворецъ.

Твардовскій предвидѣлъ, что король не заставитъ себя долго ждать и не станетъ откладывать испытанія до другого времени; онъ зналъ, что его величество былъ нетерпѣливъ. Гордясь своимъ безкорыстіемъ, Твардовскій собрался въ путь въ минуту. Собравъ всѣ нужныя аппараты для вызыванія духовъ, какъ-то: волшебный жезлъ, свитокъ пергамента, книгу и какой-то ящичекъ, который положилъ подъ мышку, онъ завернулся въ

плащъ и, приказавъ Матюшѣ остаться дома, вышелъ вмѣстѣ съ придворнымъ за дверь.

Темная ночь окутала уже улицы города непроницаемымъ мракомъ; угрюмыя тучи висѣли въ воздухѣ и вѣтеръ изрѣдка свистѣлъ по крышамъ пустынныхъ проулковъ Кракова, защищенныхъ высокими каменными стѣнами домовъ. Улицы были пусты, кое-гдѣ слышенъ былъ жалобный вой собакъ, да нѣсколько отрывистыхъ голосовъ пьяныхъ гулякъ, кутившихъ еще въ кабакахъ, несмотря на неурочный часъ и запрещеніе властей держать открытыми кабаки позже зари. Иногда раздавались звуки сабли, влекущейся по землѣ, на которую набрасывались собаки, и опять все смолкало, и только одинъ вѣтеръ сильно свистѣлъ. Тьма была непроницаемая; надобно было быть опытнымъ человѣкомъ, чтобы не заблудиться въ лабиринтъ краковскихъ улицъ, освѣщаемыхъ лишь небесными фонарями (если таковыя имѣлись только въ скверную осеннюю погоду). Путники наши, повидимому, хорошо были знакомы съ улицами, потому что шли съ увѣренностью и безъ остановокъ, сворачивая то вправо, то влево и пробираясь по разнымъ примѣтамъ на домахъ и колокольняхъ, пока наконецъ добрались къ королевскому дворцу.

Они вошли въ балитку, ключъ отъ которой былъ у придворнаго. Пройдя маленькимъ дворикомъ въ длинную галерею съ тонкими готическими колоннами и нѣсколько корридоровъ, они скоро достигли королевской половины. На крыльцѣ не было никого. Вокругъ царствовала глубокая мракъ и мертвая тишина, и только вдали въ одномъ изъ оконъ замка, за красною занавѣскою, мелькалъ огонекъ. Путники снова начали подыматься по лѣстницѣ и вошли въ корридоръ, гдѣ ихъ встрѣтилъ королевскій придворный и проводилъ до самыхъ королевскихъ покоевъ. Комната, въ которую они вошли, не отличалась особеннымъ блескомъ убранства. Это была караульная. Кругомъ стѣнъ стояли дубовыя лавки, по срединѣ—большой дубовый столъ. Въ углу висѣла огромная печка съ голландскими изразцами. Большія окна съ мелкими стеклами, оправленными въ олово, въ видѣ рамъ, шли по одну сторону. Потолокъ держался на толстыхъ балкахъ съ рѣзными украшеніями. Комната освѣщена была двумя витыми желтыми свѣчами, вставленными

въ огромные мѣдные подсвѣчники. На холодномъ каменномъ полу лежали въ разныхъ мѣстахъ, завернувшись въ плащи, королевскіе солдаты, находившіеся у него на жалованьѣ. Одни изъ нихъ спали на разостланныхъ кожахъ, другіе—просто на связкахъ соломы. Подлѣ каждого лежали сабля и отстегнутый поясъ. У дверей, прислонившись къ стѣнѣ, стоялъ часовой, вооруженный съ головы до ногъ. Не успѣлъ Твардовскій со своимъ спутникомъ войти въ эту комнату, какъ нѣсколько человекъ изъ лежавшихъ на полу приподнялись съ постелей и со всѣхъ сторонъ послышался окликъ:

— Кто идетъ?

— Тсъ!—отозвался придворный, прикладывая палецъ къ губамъ и указывая съ таинственнымъ видомъ на входившаго вслѣдъ за нимъ Твардовскаго. Придворные тотчасъ умолкли. Многіе изъ нихъ, опершись на локтяхъ, съ любопытствомъ осматривали Твардовскаго и проницески перешептывались между собою, какъ это всегда бываетъ между придворными. Никто изъ нихъ никогда не видалъ Твардовскаго, и они напрасно терялись въ догадкахъ, зачѣмъ бы могъ король, въ такую позднюю пору, потребовать къ себѣ незнакомое имъ лицо. Между тѣмъ, придворный который ввелъ Твардовскаго, указавъ ему знакомъ на скамью, отправился доложить королю о его приходѣ. Въ ожиданіи возвращенія придворнаго Твардовскій присѣлъ.

Придворный тихонько, на цыпочкахъ, подошелъ къ другой двери, завѣшанной ковромъ, который онъ приподнялъ, и скрылся. Возвратившись черезъ нѣсколько минутъ, онъ подалъ знакъ Твардовскому, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ. Въ то же время онъ разбудилъ одного изъ стражи и шопотомъ отдалъ ему какія-то приказанія. Другіе начали вставать и надѣвать сабли. Впустивъ Твардовскаго, придворный опустилъ дверной коверъ. Они прошли двѣ темныя комнаты и остановились у полуотворенныхъ дверей, откуда видѣлся свѣтъ.

Это была небольшая комната со сводами и однимъ окошкомъ. Полъ былъ устланъ персидскимъ ковромъ; по угламъ стояли мраморные столы, на которыхъ лежали оправленные въ пергаменъ книги и связки бумагъ. Въ глубинѣ видѣлась кровать, завѣшанная малиновыми занавѣсками; у кровати стоялъ

столъ, покрытый сукномъ и уставленный серебряными кубками для вина и воды, вызолоченными лоханью и рукомойникомъ.

Вокругъ стѣнъ находились скамьи, покрытыя ковромъ; по срединѣ комнаты стояли два кресла, обитыя малиновымъ бархатомъ и золотой бахромой. Въ углу, на столѣ, горѣла лампа.

Неподалеку отъ кровати стоялъ средняго роста, сутуловатый мужчина, въ черномъ платьѣ. Лицо его было блѣдно и брови нахмурены. Длинная, раздвоенная борода его падала на грудь; усы и волосы были немного подстрижены. Едва Твардовскій переступилъ порогъ королевской комнаты, какъ король закричалъ ему:

— Не подходи, не подходи близко!

Смѣшавшійся и изумленный Твардовскій остановился у порога. Придворный сталъ подлѣ него.

Спустя минуту, король бросилъ на него робкій взглядъ и, замѣтно волнуемый страхомъ и нерѣшительностью, продолжалъ:

— Ты общалъ вызвать тѣнь любимой супруги моей, королевы Варвары?

— Да, ваше величество и милостивый государь, — отвѣчалъ, собравшись съ духомъ, Твардовскій: — я общалъ это вашему королевскому величеству, но только съ извѣстнымъ условіемъ.

— Какія-же твои условія? — спросилъ нетерпѣливо Августъ.

— Во-первыхъ, ваше королевское величество, вы не должны говорить съ духомъ, не должны прикасаться къ тѣни и не подходить къ ней.

— Какъ? не сказать ни слова? не выразить и знака чувства? Это ужъ слишкомъ; но если это крайне необходимо...

— Необходимо для безопасности вашей священной особы. Я не прошу у васъ никакой награды, кромѣ помилованія преступника, котораго завтра должны казнить.

— Я уже слышалъ объ этомъ, — сказалъ король, — и желалъ бы знать, почему ты интересуешься этимъ преступникомъ и почему онъ такъ дорогъ тебѣ?

— Я вовсе не интересуюсь имъ и даже не знаю, кто онъ, — отвѣчалъ Твардовскій.

— Но я попрошу тебя, — продолжалъ король послѣ минут-

наго молчанія,— не употреблять заклятій, запрещенныхъ церковію. Они могутъ погубить мою душу. Вызови мнѣ тѣнь королевы простыми заклятіями бѣлой магіи или молитвою, подобающею духу королевы.

Твардовскій, вмѣсто отвѣта, покачалъ головою.

— Намъ надо комнату побольше этой,— сказалъ онъ, помолчавъ.

По знаку короля придворный открылъ другія двери, завѣшанныя тоже ковромъ. Прежде всѣхъ вошелъ Твардовскій; за нимъ вошелъ придворный съ лампою, а затѣмъ король. Пройдя двѣ небольшія комнаты, они вошли въ огромную залу, обитую чернымъ сукномъ, съ тремя окнами и двумя дверьми по обоимъ концамъ залы; кругомъ, по стѣнамъ, тянулись скамьи, посрединѣ стоялъ столъ, покрытый до полу чернымъ сукномъ; на стѣнѣ висѣло распятіе, въ большомъ каминѣ догорали уголья, бросая блѣдный свѣтъ на залу.

Они молча вошли туда. Блѣдный король поодаль, молча, опустился въ кресло; Твардовскій началъ свои приготовленія. Разложивъ на столѣ свои чернокожичные аппараты, онъ осмотрѣлся вокругъ и велѣлъ придворному закрыть распятіе. Король, ничего не возразилъ противъ этого и, казалось, не замѣчалъ или показывалъ видъ, что не замѣчаетъ его распоряженій.

Передъ началомъ заклинаній, Твардовскій отошелъ въ другой конецъ залы и обратился къ королю съ вопросомъ:

— Нѣтъ-ли у вашего королевскаго величества волосъ покойной королевы.

Августъ поспѣшно разстегнулъ грудь и, отыскавъ на ней черную книжечку съ золотыми застѣжками, снялъ съ шеи и, вынувъ волосы покойной, приказалъ придворному передать ихъ Твардовскому.

— Передъ началомъ заклинаній, осмѣливаюсь напомнить вамъ, государь, о нашемъ условіи: сидите тихо и безмолвно, не говорите ни одного слова при появленіи тѣни, иначе и съ вами, и со мной можетъ случиться большое несчастіе.

Король кивнулъ головою въ знакъ согласія. Видно было, что страхъ и радость боролись въ немъ и онъ не могъ пересилить въ себѣ этихъ чувствъ, хотя и старался скрыть ихъ.

Брови его нахмурились еще болѣе, тяжелое дыханіе колебало грудь, лицо блѣднѣло, жилы на вискахъ налились кровью и руки судорожно сжались.

Твардовскій приступилъ къ вызыванію тѣни и началъ жечь на лампѣ волосы королевы. Густой туманъ окуталъ всю комнату. Вскорѣ дымъ началъ разстилаться по землѣ и лампа засвѣтилась ярче, въ то же время противоположная дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату вдвинулась, не прикасаясь къ землѣ, какая-то воздушная фигура, образъ которой, по мѣрѣ приближенія, становился все яснѣе и яснѣе. Фигура эта изображала молодую женщину небольшого роста, съ прекраснѣйшими чертами лица, голубыми, томными глазами и блондинскими волосами, стройная какъ тополь, и въ бѣлой, легкой одеждѣ, подъ которой виднѣлся блестящій, драгоценный уборъ. Она двигалась медленными шагами, останавливаясь на пути, а затѣмъ снова двигалась, точно стрѣлка на циферблатѣ часовъ. Прекрасныя ея глаза, въ которыхъ таилась страстная любовь и чувство невыразимой грусти, обращены были къ королю.

Въ моментъ появленія тѣни Августъ онѣмѣлъ отъ страха и закрылъ глаза; когда же онъ открылъ ихъ,—передъ нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, стояла жена, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ. Король впился въ нее глазами, глазами полными грусти и отчаянія; тяжелый вздохъ вырвался изъ его истомленной груди. Тѣнь придвинулась ближе, вперивъ свой взглядъ въ короля, взглядъ, силѣ котораго онъ не могъ противустоять при жизни; глаза короля встрѣтились съ бесными глазами призрака и онъ не могъ преодолѣть себя. Позабывъ объ условіи и подвергая себя опасности, онъ вскочилъ съ кресла и, протянувъ руки, вскричалъ:

— Это ты, Варвара?!...

Въ ту же минуту, вызванная тѣнь королевы затрепетала и страшно измѣнилась: вмѣсто очаровательнаго призрака король увидѣлъ передъ собою изсохшій трупъ въ истлѣвшей одеждѣ, изъ подъ которой обнаруживалось источенное червями гнилое тѣло... Трупный удушливый запахъ распространился по комнатѣ.

Король вскрикнулъ и упалъ безъ чувствъ. Лампа погасла.

Придворный въ отчаяніи ломалъ руки и проклиналъ черно-книжника. Вскорѣ на крикъ его сбѣжалась королевская стража; безчувственного короля перенесли въ спальню и послали за докторомъ Шнеебергеромъ. Твардовскій же скрылся изъ замка и всѣ поиски остались тщетными.

На слѣдующій день по всему городу ходили самые невѣроятные слухи о случившемся происшествіи. Говорили, что Твардовскій вызывалъ тѣнь умершей королевы и едва не погубилъ короля...

Августъ однако сдержалъ слово и помиловалъ преступника, которого на другой день должны были повѣсить передъ ра-тушей.

ХІІІ.

Канъ дьяволъ объяснилъ Твардовскому, что онъ ввелъ его въ заблужденіе.

Вернувшись домой, Твардовскій разбудилъ Матюшу, и желая подкрѣпить себя сномъ, собирался уже лечь спать, какъ вдругъ явился передъ нимъ дьяволъ.

— Король не сдержалъ слова?—спросилъ сатана.

— Да,—отвѣчалъ Твардовскій и какъ-то растеряно кивнулъ головою.

— Что-же дальше?

— Тѣнь королевы превратилась въ отвратительный трупъ.

— Прекрасно!...—воскликнулъ дьяволъ и засмѣялся.

— Чему же ты смѣешься, сатана?..—сказалъ съ упрекомъ Твардовскій.—Вѣдь ты самъ не желалъ этого, ты вѣдь самъ предостерегалъ меня!..

— Ты старался,—возразилъ дьяволъ,—предостеречь короля всѣми мѣрами, и однимъ этимъ ты заставилъ его поступить совершенно наоборотъ. Ты знаешь, что людямъ все запрещено особенно правится Возбужденное любопытство вѣдь не знаетъ предѣловъ, и тутъ-то люди забываютъ уже всѣ предосторожности. Мнѣ именно того и хотѣлось, чтобы прелестный образъ королевы явился передъ королемъ въ отвратительномъ видѣ въ ту

самую минуту, когда тотъ думалъ уже осязать его. Видѣніе это, вмѣсто того, чтобы усилить любовь короля къ покойной, возбудило въ немъ отвращеніе къ предмету прежняго обожанія. Теперь король начнетъ искать развлеченія среди другихъ женщинъ и вскорѣ совсѣмъ забудетъ свою неоцѣненную Варвару. Этого только мнѣ и хотѣлось. Прощай Твардовскій!

Твардовскій не отвѣчалъ на прощаніе дьявола и крѣпко призадумался.

— Видно,—сказалъ онъ про себя,—что я только орудіе дьявола... и ничто больше!.. Стоило ли мнѣ изъ-за этого связываться съ сатаною!?

XIV.

Какъ Твардовскій уѣхалъ изъ Кракова.

Глубокая задумчивость овладѣла Твардовскимъ, во время его пребыванія въ своемъ волшебномъ кабинетѣ, и ничто ужъ больше не колебало его думы. Достигнувъ желаемого, какъ человѣкъ, не имѣющій ни цѣли, ни надежды, который неожиданно достигъ всего, чего желалъ, Твардовскій не зналъ, чего бы еще пожелать. Все подчинялось теперь его волѣ. Онъ вспомнилъ свое прошлое и глубоко анализировалъ его. Утраченная молодость представлялась ему, какъ сонъ, онъ едва вѣрилъ, что когда-то былъ молодъ. Предметы и люди, окружавшіе его, являлись для него призраками, съ слабымъ подобіемъ дѣйствительности. Среди тяжелой задумчивости о прошломъ, вдругъ дверь открылась и въ комнату вошелъ придворный.

— Магистръ,—сказалъ онъ, войдя въ комнату и бросивъ на столъ тяжелую золотую цѣпь,—король шлетъ тебѣ на память эту бездѣлушку и приказываетъ тотчасъ оставить городъ.

— На память!—воскликнулъ гордо и съ ироніей Твардовскій.—Если на память—беру, а въ подарокъ—не принимаю. Но о какомъ отъѣздѣ говоришь ты?

— Такова воля короля. Ему угодно, чтобы ты сейчасъ же оставилъ Краковъ. Весь дворъ, весь городъ знаютъ уже, что случилось сегодня ночью во дворцѣ. Дворяне подслушали у

дверей, когда король произнесъ имя королевы, видѣли даже тѣнь ея и чувствовали тотъ ужасный трупный смрадъ, который распространился внезапно по комнатѣ. Короля обвиняють въ чародѣйствѣ, увѣряють, что онъ имѣеть сношеніе съ духами при твоёмъ содѣйствіи (при этомъ дворецкій плюнулъ и перекрестился). Я посовѣтовалъ бы тебѣ не медлить отъѣздомъ: до завтра слухи эти примуть ужасающіе размѣры, съ твоимъ же отъѣздомъ они затихнутъ и вскорѣ забудутся совсѣмъ. Если ты не безпокоишься о себѣ, то подумай о его спокойствіи и исполни волю короля; послѣ твоего отъѣзда намъ легче будетъ уничтожить слухи...

— Ты думаешь, — прервалъ его сердито Твардовскій, — что меня, какъ старую беззубую бабу, что на пестѣ летаетъ и помеломъ слѣдъ замечаетъ, можно вытолкнуть за дверь по минованіи надобности? Нѣтъ, дружище, ты ошибаешься!.. Знай же, что тотъ, кто властенъ вызывать тѣни съ того свѣта, сумѣетъ также спровадить туда кого-нибудь...

Придворный поблѣднѣлъ.

— Полно, Твардовскій! Я не думалъ оскорблять тебя; за что же ты хочешь мстить? Вѣдь дѣло идетъ о твоей славѣ, о твоёмъ спокойствіи...

— О слава?.. Моя слава, — отвѣчалъ заносчиво Твардовскій, — не боится ничего. Вѣрь, что глупымъ болтунамъ я сумѣю зажать рты.

— Не думаю, чтобы это было легко... Трудно народу зажать ротъ. Не одна чернь будетъ намекать на сношеніе короля съ духами. Узнають вскорѣ и сенаторы, а еще опаснѣе епископы, — они обвиняютъ тебя въ черноквижніи и взведутъ на костеръ. Вспомни недавніе примѣры.

— Да кто осмѣлится выполнить приговоръ надо мною, кто будетъ судить меня? — спросилъ Твардовскій.

— Власть духовная. Самъ король не въ состояніи будетъ спасти тебя. Ты, вѣроятно, помнишь, что было съ тѣми, которыхъ судили даже не за чародѣйство, а за измѣну вѣрѣ и ересь...

— Ты думаешь, что я позволю судить себя и отдамъ имъ въ руки?

— Я знаю, и потому-то и прошу тебя именемъ короля немедленно выѣхать изъ Кракова.

Твардовскій призадумался.

— Король приказываетъ мнѣ выѣхать?..

— Да, а я совѣтую.

— Приказываетъ! приказываетъ!.. — повторилъ Твардовскій. — Зачѣмъ же ему понадобилась моя помощь, когда власть его сильнѣе моей?

Придворный молчалъ и затѣмъ съ безпокойствомъ произнесъ:

— Впрочемъ, дѣлай какъ хочешь; прощай! — и, не ожидая отвѣта, испуганный вышелъ изъ комнаты.

Твардовскій, въ порывѣ гнѣва, швырнулъ на полъ лежавшую на столѣ пѣсь и началъ топтать ее ногами, но вдругъ одумался и, поднявъ ее, надѣлъ на шею. Затѣмъ онъ позвалъ слугу.

— Матюша, сейчасъ на коня — и за мной! — скомандовалъ онъ.

— На коня? А гдѣ же взять его?.. У насъ нѣтъ коней, — жалобно отвѣчалъ Матюша.

— Какъ нѣтъ коней?

— Да ихъ никогда и не было у насъ.

Твардовскій взялъ изъ камина потухшій уголь и, быстро нарисовавъ имъ на стѣнѣ двухъ лошадей, приказалъ Матюшѣ сѣсть на одну, а самъ вскочилъ на другую и выѣхалъ черезъ окно на улицу, закрывъ предварительно порогъ дома, чтобы никто не могъ переступить ногою въ его отсутствіе. Начинало свѣтать, когда Твардовскій выѣзжалъ изъ окна на своихъ рысакѣхъ... Народъ спѣшилъ на работу. О томъ, что Твардовскій выѣхалъ съ разсвѣтомъ изъ города на рисованной углемъ лошади, узналъ въ тотъ же день весь Краковъ.

XV.

Какъ Твардовскій давалъ людямъ добрые совѣты.

Въ сумерки Твардовскій съ своимъ слугою, пересѣвъ съ измученныхъ лошадей на пѣтуховъ, пойманныхъ ими гдѣ-то въ деревнѣ, въѣзжали въ мѣстечко Быдгошчъ; Твардовскій, въ знакъ привѣтствія, махнулъ рукою городскому валу, воротамъ

и бѣлымъ стѣнамъ домовъ,—и въ то же мгновеніе, какъ бы въ отвѣтъ на привѣтствіе, отозвались пѣтухи и куры всего города, всѣ совы съ колоколенъ и слуховыхъ оконъ и всѣ не-топыри изъ погребовъ и подваловъ. Странный шумъ и пискотня заглушили звуки городскихъ колоколовъ, звонившихъ къ вечерней заупокойной молитвѣ. Твардовскій съ Матюшей въѣхали въ городъ въ сопровожденіи громадной толпы, дивившейся такому чуду и такимъ, никогда невиданнымъ, всадникамъ на пѣтухахъ. Толпа все росла и росла, пока, наконецъ, передвиженіе сдѣлалось невозможнымъ: наши спутники кое-какъ добрались до корчмы, подъ вывѣскою „Винокуръ“, гдѣ, сойдя съ своихъ коней, рѣшили переночевать. Подъ окнами корчмы собрался почти весь городъ. Всѣ толковали и спорили о томъ, кто были удивительные всадники. Твардовскому, наконецъ, надоѣло это любопытство и онъ выслалъ Матюшу заявить толпѣ, что пріѣхалъ великій ученый, чернокнижникъ и чародѣй, что останется въ городѣ недолго, и чтобы толпа разошлась по домамъ. Едва Матюша успѣлъ выговорить послѣднее слово, какъ толпа загудѣла и со всѣхъ сторонъ раздались крики и восклицанія:

— Пусть покажетъ намъ чудо!—кричали одни.

— Пусть меня вылѣчитъ!—кричали другіе.

— Пусть дастъ мнѣ денегъ!—вопили третьи.

— Пусть воскреситъ нашихъ мужей!—кричали женщины.

Матюша заткнулъ уши и скрылся отъ толпы. Между тѣмъ народъ, постоявъ немного и не видя Твардовскаго, началъ расходиться и улицы скоро опустѣли. Толки же о Твардовскомъ не умолкали всю ночь. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали слѣдующаго дня и совѣтовались другъ съ другомъ, о чемъ бы собственно спросить Твардовскаго, и у cadaго, конечно, нашлась цѣлая масса вопросовъ. Любопытство было настолько возбуждено, что никто всю ночь не могъ сомкнуть глазъ, всѣ были въ тревогѣ и ожидали чего-то таинственнаго, сверхъестественнаго.

На слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, корчма наполнилась народомъ. Твардовскій былъ не въ духѣ и вышелъ въ трубу на крышу, чтобы освѣжиться и подышать свѣжимъ воздухомъ. Но его увидѣли и тамъ и обратились съ просьбами со всѣхъ

сторонъ. Твардовскій, наконецъ, сжалился, сошелъ въ корчму и велѣлъ допустить къ себѣ. Началась ужасная давка. Всѣ полы, возрасты и состоянія тѣснились къ Твардовскому; нѣкоторые пришли просто изъ любопытства, другіе ожидали настоящей помощи. Твардовской принималъ каждого по одиночкѣ.

Первою пробралась къ нему старая, беззубая баба, съ палкой и четками въ рукѣ, съ книгой подъ мышкой, съ краснымъ рубцомъ отъ очковъ на носу, въ грязи и лохмотьяхъ.

— Долгія лѣта тебѣ, кормилецъ!—сказала старуха хрилымъ голосомъ. — Найди ты мнѣ мужа, голубчикъ. Жить не могу безъ мужа. Вотъ уже три года, какъ я похоронила его и до сихъ поръ никто за меня не сватается. Теперь уже свѣтъ совсѣмъ не тотъ: только молодые и нравятся.

На просьбу старухи Твардовскій отвѣтилъ:

— То, что спрятано у тебя въ изголовьѣ кровати, положи въ старый сундукъ, и выйдешь замужъ.

Не успѣла старуха выйти изъ корчмы, какъ слѣдомъ за ней ушелъ скорнякъ, прежній подмастерье ея покойнаго мужа. По дорогѣ онъ сдѣлалъ ей предложеніе, а на слѣдующій день они повѣнчались.

Молодому парню, подошедшему къ Твардовскому вторымъ, онъ сказалъ:

— А тебѣ, вѣроятно, надо лѣкарство отъ сердца?

— Вы угадали, — отвѣтилъ парень, почесываясь и вздыхая.—Вотъ уже годъ, какъ я люблю Маргариту, дочь Малькера, золотыхъ дѣлъ мастера, но она и слышать не хочетъ обо мнѣ. Помоги...

— Возьми мертваго нетопыря и въ день полнолунія, ночью, снеси его на кладбище и положи тамъ въ муравейникъ. Когда муравьи оставятъ отъ него одинъ только остовъ, выкопай въ полночь его кости и отыщи въ нихъ двѣ косточки, одну загнутую брючкомъ, другую—въ видѣ вилки. Если хочешь, чтобы женщина полюбила тебя, дотронься до нея одной косточкой, если надоѣстъ—оттолкни другою.

Обрадованный парень побѣжалъ домой и разболталъ объ этомъ лѣкарствѣ Твардовскаго всему городу, а затѣмъ слухи о немъ распространились вскорѣ по всему свѣту и дошли до насъ, по преданію.

Третьимъ подошелъ къ Твардовскому сутуловатый, мужиковатый ремесленникъ, съ шапкою подъ мышкой; переваливаясь съ ноги на ногу и почесывая затылокъ, онъ долго шевелилъ губами, потѣлъ, крихтѣлъ и видимо старался что-то сказать; потъ крупными каплями выступалъ на лбу. Въ смущеніи, онъ не могъ вымолвить слова. Страхъ-ли передъ Твардовскимъ, застѣнчивость, или просто глупость были тому причиною—трудно рѣшить, но безмолвная аудіенція продолжилась бы очень долго, если бы самъ Твардовскій не спросилъ его, что ему нужно?

— Бѣда стряслась,—отвѣчалъ наконецъ ремесленникъ, —меня испортила моя сосѣдка,—околдовала совѣтъ: за что не возьмусь—вездѣ неудача, ничто не идетъ въ прокъ. Погубила меня окончательно.

— Я помогу и твоему горю,—сказалъ Твардовскій.—Закопай у порога хаты перышко съ ртутью и брось туда же горсть чернобыльнику; повѣсь въ хатѣ Ивановой травы, и все какъ рукой сниметь.

Четвертымъ подошелъ къ Твардовскому здоровый краснощекій дѣтина, средняго роста, который обратился къ нему съ привѣтствіемъ на латинскомъ языкѣ.

— Чѣмъ могу служить вамъ, докторъ? —спросилъ Твардовскій.—Какому несчастію вы обязаны, обращаясь съ просьбой ко мнѣ, въ то время, когда вы сами докторъ?

— Большому несчастію, *celebrissime et sapientissime*. Меня сглазили; я чувствую вліяніе чаръ, отнимающихъ мои силы, здоровье, спокойствіе и не нахожу отъ нихъ лѣкарства въ моей аптекѣ. Я искалъ совѣта въ книгахъ мудрыхъ отцовъ медицины—и не нашелъ его. Околдовала меня женщина, которую я не хотѣлъ и не хочу любить, но теперь долженъ поневолѣ полюбить ее, вслѣдствіе чародѣйства. Помогите, учитель!

— Хорошо,—отвѣчалъ Твардовскій, —постараюсь помочь тебѣ... у меня есть вѣрное средство противъ чаръ и колдовства.

„*Si quis ad aliquam vel aliquem, nimis amandum, maleficiatus fuerit, tum sterens recens illius quem vel quam diligit, ponatur mane in ocrea vel calceo dextro amantis et calciet se, et quam primum factorem sentiet, maleficium solvetur*“ *).

*) Взято цѣликомъ изъ одной старинной рукописи. *Примѣч. автора.*

Докторъ записалъ рецептъ и, низко поклонившись, ушелъ. Вслѣдъ за нимъ протѣснилась къ Твардовскому шляхтянка съ всклокоченной головой и въ измятомъ чепцѣ. Ея красное, полное лицо напоминало луну въ полнолуніе, до того оно было кругло. Она была въ грязи и въ лохмотьяхъ.

— Спаси благодѣтель!—взмолилась она:—помири меня съ мужемъ, это вѣдь въ твоей власти, для тебя нѣтъ ничего невозможнаго. Цѣлый годъ уже мы ссоримся и живемъ, какъ кошка съ собакою, какъ пестикъ со ступкою, — бранимся и деремся съ утра до вечера, такъ что и сосѣдямъ отъ насъ немногогу... Кто изъ насъ правъ, кто виноватъ — одинъ чортъ знаетъ. Мнѣ все кажется, что онъ виноватъ во всемъ, а ему, — что я всему причиной. Посмотришь на него, кажется, хорошій человѣкъ и я ничего себѣ бабенка; оказывается, однако, что оба дурны, и едва только сойдемся вмѣстѣ, — ну и бѣда, хоть всѣхъ святыхъ изъ хаты выноси. Помогни мнѣ, голубчикъ, милостивецъ мой; буду вѣчно молиться за тебя, отдамъ все, что только попросишь; потому что больше силъ нѣтъ съ нимъ жить, хотя бы онъ былъ самимъ ангеломъ.

— Могу помочь и твоему горю, — отвѣчалъ Твардовскій. — Достань ворона и ворону и вырѣжь у нихъ сердца. Сердце вороны носи всегда при себѣ, а мужа заставь носить сердце вѣрона. Если въ точности исполнишь мой совѣтъ — не будете больше никогда ссориться.

— А вѣрно-ли это, благодѣтель; не будемъ никогда ссориться?

— Увидишь. Теперь ступай съ Богомъ... Только помни, что въ первую недѣлю ты должна безпрекословно во всемъ уступать своему мужу. Что бы онъ тебѣ ни говорилъ, какъ бы ни бранилъ, какъ бы не колотилъ, но ты молчи, все переноси. Въ концѣ-концовъ — твоя возьметъ.

— Уступать мужу? — вскричала женщина: — и цѣлую недѣлю!

— Да вѣдь только одну недѣлю, — отвѣчалъ Твардовскій.

— Охъ, какъ тяжело, очень ужъ тяжело мнѣ будетъ уступать ему; ну, да дѣлать нечего, попробую.

Сварливую бабу замѣнила другая женщина, протиснувшись чрезъ толпу, со слезами на глазахъ.

— Прощу твоей помощи и я, благодѣтель, — заговорила женщина, вытирая передникомъ слезы. — Мужъ мой обманываетъ меня, скрываетъ отъ меня какую-то тайну и не говоритъ мнѣ ничего... Изныла я, изсохла вся съ горя и досады.

— Ты, видно, очень любопытна? — спросилъ ее Твардовскій.

— А какая-же изъ женщинъ не любопытна, хотѣла-бы я знать? — отвѣчала женщина. — Не лучше ли было, если бы я знала все, что дѣлается въ домѣ? Вѣдь это меня касается!

Твардовскій улыбнулся, какъ улыбался всегда, когда совѣтовалъ что нибудь. «Да, подумалъ онъ: вотъ гдѣ я дамъ дьяволу работу!» — и, подозвавъ женщину, шепнулъ, ей на ухо:

— Разрѣжь живого удода и проглоти его сердце, тогда ты будешь знать все, о чемъ только задумаешь.

Обрадованная женщина бѣгомъ помчалась домой.

— А вотъ у меня, — говорилъ, приблизившись къ Твардовскому какой-то отставной бурмистръ, въ сѣромъ кунтушѣ и грязномъ засаленномъ жупанѣ шафраннаго цвѣта: — у меня, великій благодѣтель, завелись черти въ домѣ... Съ наступленіемъ ночи я слышу вокругъ себя танцы, пляску, крики, пѣсни и хохотъ. Совсѣмъ отъ сна отбился, спать отъ страха не могу; молюсь до самаго разсвѣта, чтобы исчезли нечистые духи... И когда по утру калитка захлопнется, значить, черти ушли... Просто ума не приложу, что этому причиной.

— Вы женаты? — спросилъ Твардовскій.

— Женатъ, — отвѣчалъ отставной бурмистръ.

— А жена молодая?

— Конечно, не старуха, — продолжалъ бурмистръ, охорашиваясь. — А что?

— Ничего! Я понимаю теперь въ чемъ дѣло, если только дѣйствительно черти завелись въ вашемъ домѣ, то стоитъ только окурить его порошкомъ изъ зубовъ мертвеца и всѣ черти исчезнутъ; если же этотъ шумъ, пляска и хохотъ производятся не нечистой силой, то помочь нечѣмъ. Остается одно: или чтобы жена ваша состарилась, или — вы помолодѣли.

— Помолодѣть? Да вѣдь это невозможно, — воскликнулъ бурмистръ, выпучивъ глаза на Твардовскаго.

— Отчего же невозможно?

— Такъ я могу еще помолодѣть?—вскричалъ просіявшій бурмистръ.

— Говоря въ тѣсномъ смыслѣ, можете.

— Но это очень трудно и, пожалуй, очень дорого стоитъ; быть можетъ, это представить для васъ много затрудненій?

— Нисколько, это вовсе не такъ трудно и недорого; но объ этомъ и говорить не стоитъ; мнѣ кажется, что черти пляшутъ, да шумятъ въ вашемъ домѣ. Совѣтую окурить домъ тѣмъ именно средствомъ, о которомъ я говорилъ вамъ.

Бурмистръ ушелъ, почесавъ въ головѣ.

— Довольно на сегодня,—сказалъ Твардовскій, по уходѣ отставного бурмистра, обращаясь къ окружавшей его толпѣ:—отправляйтесь по домамъ; у меня нѣтъ болѣе времени.

Несмотря на замѣчаніе Твардовскаго, толпа не трогалась съ мѣста, напротивъ, все прибывала и тѣснилась. Напрасно Твардовскій выходилъ изъ себя, бранился и грозилъ, но его просили, умоляли, заклинали всеѣмъ на свѣтѣ помочь ихъ несчастьямъ и недугамъ. Въ корчмѣ стоялъ гулъ сотни голосовъ, нестройно смѣшивавшихся съ пскомъ и воемъ; сотни рукъ протягивались къ Твардовскому.

Видя, наконецъ, что просьбамъ не будетъ конца, Твардовскій обратился къ старой истрепанной метлѣ, стоявшей въ углу корчмы, и приказалъ ей выгнать просителей. Метла встрепенулась и, послушная приказу чародѣя, начала прыгать и влѣво, и вправо, сметая въ кучу надоедливыхъ гостей, какъ какой-нибудь соръ. Въ одно мгновеніе публика стушевалась за дверь, которую метла захлопнула за нею и заперла на щеколду. Сдѣлавъ свое дѣло, метла стала передъ Твардовскимъ, въ ожиданіи новыхъ приказаній.

— Маршъ на свое мѣсто!—крикнулъ Твардовскій.

Послушная метла по прежнему заняла свое скромное мѣсто въ углу.

Не успѣлъ еще водвориться порядокъ, какъ послышался сильный стукъ въ дверь. Онъ возросталъ все болѣе и болѣе, такъ что старая дверь едва выдерживала напоръ новаго надоедливаго посѣтителя.

— Кто тамъ?—спросилъ Твардовскій.

— Впустите, ради Бога!—отозвался чей-то плаксивый го-

люсь,—я бѣдный шляхтичъ, ищу вашего просвѣщеннаго совѣта и помощи, и скорѣе умру у дверей, чѣмъ возвращусь домой, не воспользовавшись вашимъ совѣтомъ. Я ужъ давно ищу человека, который бы помогъ мнѣ, и насилу отыскалъ васъ, благодѣтеля... Неужели вы не скалитесь надо мной?..

— Пошелъ къ чорту и не мѣшай мнѣ,—отвѣчалъ Твардовскій.

— Не двинусь съ мѣста, умру на этомъ порогѣ, если не увижу васъ, мой благодѣтель.

Послышались рыданія и мольбы, которыя наконецъ тронули Твардовскаго и онъ приказалъ метлѣ впустить одного только шляхтича, а самой стать часовымъ у дверей и не пускать никого, несмотря ни на просьбы, ни на слезы.

Метла исполнила приказаніе; въ комнату вошелъ блѣдный, худой, высокій мужчина и низко поклонился Твардовскому. Онъ былъ въ потертомъ кунтушѣ неопредѣленнаго цвѣта; въ порывѣлыхъ сапогахъ, зачаканныхъ въ грязи и дыривыхъ; изъ шапки высовывалась клочьями грязная вата, а изъ подъ воротника кунтуша торчали лохмотья рубашки. Желая возбудить сожалѣніе въ Твардовскомъ, бѣдный шляхтичъ поклонился еще разъ, пока тотъ мѣрилъ его пронизательнымъ взглядомъ.

— Что вамъ нужно отъ меня?—спросилъ Твардовскій.

— Бѣдность и нищета заставили меня обратиться къ тебѣ, отецъ и благодѣтель,—отвѣчалъ шляхтичъ.—За богатство я готовъ прозакладывать свою душу дьяволу, — нищета истерзала меня, — ѣсть нечего; приходится умирать съ голоду. Нечѣмъ прикрыть своего брennaго тѣла, — видишь самъ, каковъ я...

Онъ указалъ Твардовскому на свои лохмотья.

— Да ты, любезный, хочешь меня обмануть, — отозвался Твардовскій: —но я вѣдь знаю, что у тебя есть деньги.

Шляхтичъ покраснѣлъ, а затѣмъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и не находилъ словъ для отвѣта.

— Я... я... видитъ Богъ...—въ смущеніи произнесъ онъ, заикаясь.

— Передо мною нельзя ничего скрыть,—сказалъ Твардовскій.—Я могъ бы пересчитать тебѣ до послѣдняго шелега всѣ твои сбереженія, которые ты спряталъ у себя въ сундукъ, въ кладовой и въ постели, подъ изорванными одѣяломъ.

Холодный потъ выступилъ на лбу шляхтича. Онъ пожмалъ плечами и вытиралъ потъ съ лица.

— Ты вовсе не бѣднѣ, но жаднѣ и скупѣ,—продолжалъ Твардовскій.—Развѣ тебѣ мало того, что есть у тебя? Ты жаждешь все больше и больше, и, по жадности своей, бѣдствуешь.

— Ты правъ,—жалобно отвѣчалъ шляхтичъ: — не стану скрывать передъ тобою. Мнѣ хочется сдѣлаться богачемъ и я пришелъ спросить: нѣтъ-ли у тебя какихъ средствъ къ обогащенію?

— Есть много средствъ, но всѣ они очень трудны.

— Трудны?.. Но развѣ при желаніи обогатиться могутъ казаться трудными какія либо средства?

— *Nilhil difficile amanti*,—сказалъ Твардовскій, цитируя слова Цицерона: —твоя правда. Такъ ты желалъ-бы отдать за деньги свою душу дьяволу?

— Съ радостью. На что мнѣ душа?—быстро возразилъ шляхтичъ.—Были-бы деньги, я отдамъ ее тому, кто дастъ мнѣ ихъ.

— Попробуй; я найду тебѣ средство. Найди въ лѣсу пустую избу, до которой бы не доходило изъ деревни пѣніе пѣтуховъ, и запишись въ этой избѣ на цѣлую ночь. Захвати съ собою свѣчку и девять серебряныхъ монетъ. Въ теченіе всей ночи считай безъ устали эти деньги, отъ одного до девяти и отъ девяти до одного. Если ты не ошибешься до зари ни одного разу, то дьяволъ дастъ тебѣ безчисленные сокровища; если-же ошибешься, забудешься, устанешь, заикнешься или одно слово повторишь два раза сряду—наживешь большую бѣду. Хочешь разбогатѣть—попробуй это средство.

Выслушавъ со вниманіемъ Твардовскаго и разспросивъ его подробнѣе, какъ приступить къ этой страшной операціи, шляхтичъ поблагодарилъ его и ушелъ. По уходѣ скряги, Твардовскій расхохотался и, садясь за столъ, сказалъ:

— Я всѣмъ имъ далъ хорошіе совѣты, и, мнѣ кажется, что не всѣ они понравятся дьяволу.

Едва Твардовскій произнесъ эти слова, какъ дьяволъ вылѣзъ изъ-за печи и, весело улыбаясь, произнесъ:

— Добраго утра великому мудрецу и философу... А я

подслушалъ-таки твои добрые совѣты и радуюсь, что нашелъ въ тебѣ достойнаго себѣ сподвижника, ревностнаго и усерднаго къ нашимъ адскимъ дѣламъ. Спасибо, Твардовскій, за все большое спасибо!

— Ты никакъ съ ума сошелъ? — возразилъ Твардовскій. — Я твой усердный помощникъ!.. Видно тебѣ послышалось что другое? Изъ чего же ты заключилъ, что я сталъ твоимъ помощникомъ.

— Изъ всѣхъ твоихъ совѣтовъ я убѣдился, что ты имѣешь очевидно намѣреніе услужить намъ вообще, а мнѣ — въ особенности. Ты великолѣпно напутствуешь людей прямо въ адъ, совѣтуя имъ самыя невинныя средства, но, въ дѣйствительности, они-то и поведутъ ихъ къ гибели.

— Совѣтуя имъ, я вовсе не думалъ о томъ, клянусь тебѣ, сатана, моею душою, и говоря мнѣ это, ты, вѣроятно, шутишь надо мною... Тебѣ, повидимому, хочется помучить меня.

— Думай, что хочешь, а я тѣмъ временемъ, если угодно, докажу тебѣ справедливость моихъ словъ.

— Умоляю...

— Поди за мной; я покажу тебѣ послѣдствія твоихъ добрыхъ совѣтовъ.

XVI.

Какъ дьяволъ показывалъ Твардовскому послѣдствія его совѣтовъ.

На плечахъ своихъ дьяволъ принесъ Твардовскаго въ избу той старухи, которая просила его дать ей мужа и которой онъ посовѣтовалъ вынуть изъ-подъ изголовья кровати, что у нея было спрятано. Женившійся на старухѣ подмастерье ея прежняго мужа началъ ее бить и вообще позволялъ себѣ въ отношеніи ея разныя жестокости. Старуха только теперь поняла все свое несчастіе: она проклинала свой легкомысленный поступокъ и совѣтъ Твардовскаго.

— Развѣ я не правъ? — спросилъ дьяволъ Твардовскаго. — А знаешь чѣмъ это кончится?

— Не догадываюсь даже. Конечно, всѣ побои обыкновенно заканчиваются синяками.

— Но здѣсь они закончатся преступленіемъ, — сказалъ дьяволъ. — Увидишь, если желаешь посмотрѣть, — конецъ очень близокъ. Старуха уже ищетъ зелье, которое развяжетъ ей руки и приведетъ молодого мужа къ вѣрной смерти.

Оставивъ первую избу, они отправились въ хату того парня, которому Твардовскій далъ совѣтъ снискать любовь Магдалины, дочери золотыхъ дѣлъ мастера Малькера. Парень сіялъ и готовился ужъ къ свадьбѣ. Магдалина влюблена была въ него по уши.

Смотря на счастливую пару, Твардовскій спросилъ:

— Неужели и тутъ ты предвидишь дурной конецъ?

— Да, — отвѣчалъ дьяволъ: — я предвижу здѣсь хорошую жатву для ада. Они обвиняются, — это такъ, но любовь ихъ не искренна, она вынуждена дѣйствіемъ чаръ и скоро послѣ свадьбы исчезнетъ. Молодая жена вспомнить о прежнемъ подмастерьѣ своего отца, — и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого воспоминанія явится: во-первыхъ, паденіе, во-вторыхъ — убійство, и въ третьихъ — проклятіе. Всего бы этого, конечно, не случилось, если бъ она вышла замужъ за дѣйствительно любимого ею человѣка; они искренно любили бы другъ друга и жили въ полномъ спокойствіи и счастіи. Виною всему этому опять же ты, Твардовскій, и я благодаренъ тебѣ за это, отъ лица цѣлаго ада.

Твардовскій задумался.

— Все это одни парадоксальныя предположенія, — замѣтилъ онъ.

— Ошибаешься, это только математическія истины, — прервалъ дьяволъ и повелъ Твардовскаго къ избѣ крестьянина, которому онъ далъ совѣтъ, какъ противоядіе, отъ колдовства. — Здѣсь самъ Твардовскій увидѣлъ, что старая колдунья, удостоившись въ бездѣйствіи своихъ чаръ, приготовляла своему сосѣду болѣе радикальное средство, которое непременно должно было подѣйствовать на него, а именно — ядъ.

— Смотри чѣмъ кончается и здѣсь? — сказалъ дьяволъ. — Отъ колдовства было гораздо меньше вреда, но ты посоветовалъ лѣкарство противъ него, и теперь пусть пеняетъ на себя.

Они пошли далѣе, къ жилищу доктора, которому Твардовскій далъ совѣтъ какъ избавиться отъ любви дѣвушки,

которая опостылѣла ему. Лѣкарство уже было принято докторомъ и подѣйствовало, какъ онъ и ожидалъ, но бѣдная дѣвушка съ отчаянія сдѣлалась развратною.

— Если бы докторъ не послушался твоего совѣта, — сказалъ дьяволъ, — онъ, волей-неволей, обвинчался бы съ дѣвушкой и они оба были бы счастливы; а теперь — одна душа на пути къ аду. И за этотъ совѣтъ спасибо тебѣ, Твардовскій.

— Не торопись выводить свои адскія заключенія. Посмотримъ сначала на тѣхъ двухъ супруговъ, которымъ я далъ совѣтъ помириться. Неужели, по твоему, и это пошло во зло.

— Изволь; да, кстати, вотъ ихъ изба, — отвѣчалъ, ухмыляясь, дьяволъ, указывая на небольшой домикъ.

Сквозь узкое окно Твардовскому представилась большая выбѣленная комната, въ одномъ концѣ которой сидѣла и зѣвала женщина, а въ другомъ — спалъ мужчина.

— Полюбуйся на ихъ согласіе, — шепнулъ дьяволъ Твардовскому: — онъ пьянствуетъ, а она обкрадываетъ его. Они дѣйствительно уступаютъ другъ другу и прощаютъ обоюдно грѣхи. Они живутъ очень согласно, это правда; но согласіе это пагубно для нихъ. Въ то время, когда они ссорились, они смотрѣли зорко другъ за другомъ; онъ боялся пить и обязанъ былъ работать; она была честной женщиной и никогда не воровала, не наряжалась въ ленты и кружева, не подстригала чолку и не дѣлала никакихъ глупостей, ведущихъ... извѣстно къ чему.

— Въ этомъ ужъ я не виноватъ; а если кто виноватъ, такъ это ты, потому что мои намѣренія были чистыя, добрыя.

— Не я мирилъ ихъ! — отвѣчалъ, пожимая плечами, сатана.

— Дѣйствительно, теперь я прихожу къ такому заключенію, — грустно замѣтилъ Твардовскій, — что всѣ мои совѣты принесли скверные плоды. Я припоминаю еще одно средство, которое посовѣтовалъ женщинѣ, чтобы узнавать тайны своего мужа, которыя онъ тщательно скрывалъ отъ нея.

— Въ ту минуту, когда мы говорили съ тобою, на городскомъ рынкѣ палачъ, вѣроятно, отрубилъ ему голову, — хладнокровно отвѣчалъ дьяволъ. — Тайна его, такъ тщательно скрываемая отъ жены, заключалась въ томъ, что онъ дѣлалъ фаль-

шивую монету, съ двумя своими товарищами. Узнавъ тайну, жена проболталась, какъ вообще бываетъ, своей сосѣдкѣ; сосѣдка же, по секрету, сказала женѣ лавочника, а та, по секрету, женѣ бургомистра, а послѣдняя, въ минуту откровенности, рассказала все своему мужу. Бургомистръ счелъ своимъ долгомъ сообщить, — но уже не по секрету, — извѣстіе это войту, и, такимъ образомъ, *finis bonus*, дѣло дошло до казни. Этотъ совѣтъ, Твардовскій, удался тебѣ лучше всѣхъ и за это приношу тебѣ глубочайшую мою благодарность.

— Ну, а этотъ, бурмистръ, которому я посовѣтовалъ выкурить нечистую силу зубомъ мертвеца?

— Твоимъ спасительнымъ ладономъ?.. Напрасны были его труды. Жена бурмистра, узнавъ, что мужъ приписываетъ ея проказы, т.-е. шумъ, хохотъ и пляску, заводимые ея любовниками, — нечистой силѣ, сдѣлалась еще смѣлѣе и проказить теперь подъ самымъ носомъ мужа, въ увѣренности, что онъ не посмѣетъ высунуть его изъ подъ одѣяла, отъ одного страха увидѣть нашего брата на яву. Онъ собирается обратиться къ тебѣ съ другою просьбою: помолодить его, или сдѣлать жену старухю. Но объ этомъ мы поговоримъ потомъ.

— Отчего же? Я охотно попробую на немъ дѣйствіе элексира, который возвращаетъ старикамъ молодость, — сказалъ Твардовскій.

— Это твое дѣло, — возразилъ дьяволъ, — воля твоя, результаты — наши, которые, надѣюсь, будутъ удовлетворительны.

— Что же, наконецъ, вы хотите сдѣлать меня своимъ слугою, невольникомъ? — вспыхнулъ разсерженный Твардовскій.

— Нисколько. Мы воли твоей не отнимаемъ; ты дѣлаешь все, что угодно.

— Однако все, что совершается по моей волѣ, вы обращаете въ свою пользу.

— Ты воображаешь, что на свѣтѣ найдется хотя одинъ человѣкъ, который бы могъ по своему желанію управлять своими поступками? Ошибаешься. Поступки и послѣдствія ихъ, это то же, любезный другъ, что прицѣлъ и выстрѣлъ. Не всегда же выстрѣлъ попадаетъ въ цѣль, куда стрѣлокъ его мѣтитъ, даже опытный стрѣлокъ никогда не можетъ поручиться головой за вѣрность выстрѣла.

Твардовскій молчалъ. Опроверженія на доводъ дьявола онъ не могъ придумать.

— Безъ сомнѣнія,—помолчавъ съ минуту, сказалъ Твардовскій,—шляхтичъ, которому я далъ вѣрное средство обогатиться, находится теперь въ самомъ тартарѣ.

— Сомнѣваюсь,—сказалъ сквозъ зубы сатана,—надъ этимъ субъектомъ еще надо поработать.

— Ты всегда мнѣ противорѣчишь и дѣлаешь все наперекоръ!.. Но, ручаюсь головою, что теперь онъ находится уже на большой дорогѣ къ вашему царству.

— Ты думаешь?—возразилъ дьяволъ. — Вы, люди, всегда судите о вещахъ по ихъ наружному виду; а мы, черти, смотримъ на вещи съ иной точки зрѣнія. Шляхтичъ этотъ охраненъ отъ насъ, и охрана эта въ его душѣ.

— Въ его душѣ, кромѣ жадности, я ничего не замѣтилъ: алчность къ деньгамъ и ужасная скупость...

— Ты упустилъ изъ вида—трусость,—перебилъ дьяволъ.— Хорошо, что ты напомнилъ мнѣ объ этомъ шляхтичѣ. Пойдемъ, посмотримъ на него. За нимъ нужно наблюдать.

Наступила темная ночь и дьяволъ; обнюхавъ воздухъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, почуялъ по вѣтру то мѣсто, которое было выбрано шляхтичемъ испытать совѣтъ, данный ему Твардовскимъ. Въ сѣверо-западной сторонѣ лѣса стояла нежилая изба лѣсничаго, который погибъ со всей семьей своей во время свирѣпствовавшей въ послѣднѣе годы моровой язвы. Онъ занесъ ее изъ города, куда ходилъ за мукою. Съ тѣхъ поръ изба опустѣла, и хотя вѣтеръ и непогода сдѣлали свое дѣло, разгуливая въ ней на свободѣ, и порастрясли ся старыя стѣны и кровлю, но она все еще держалась и могла служить убѣжищемъ для совѣ. Она стояла въ самой глуши лѣса, далеко отъ большой дороги; тропинка, ведшая когда-то къ ней, успѣла зарости быльемъ и крапивой. Столѣтнія березы, калина и ивы, составлявшія когда-то садикъ лѣсничаго, покрыли теперь хату своими густыми лиственными вѣтвями, такъ что ее едва можно было разглядѣть вблизи... Заборъ давно уже сгнилъ и свалился; въ избѣ не было ни оконъ, ни дверей; развалившаяся печь, загромодила избу своими обломками. Хата, въ свое время, была просторная и заключала въ себѣ

двѣ комнаты. Вторая комната была поменьше первой и окошко въ ней было забито полусгнившими досками. Въ этой-то комнатѣ и пристроился смѣлый скряга. Разбитая старая бочка и обломки двери составляли всю незатѣйливую его мебель, которая послужила смѣльчаку столомъ; на немъ онъ принялся, съ сумерокъ, считать свои девять шелеговъ при свѣтѣ огарка, принесеннаго имъ съ собою. Твардовскій и дьяволъ застали его за работой. Его блѣдное, искаженное ужасомъ лицо, было все въ поту, глаза искрились; казалось, жизнь оставляла его: онъ дрожалъ, какъ осиновый листъ, и считалъ свои шелеги безъ передышки.

Глубокая тишина нарушалась только воемъ вѣтра, да крикомъ совъ, долетавшимъ изъ чащи лѣса. Самый отчаянный смѣльчакъ почувствовалъ бы невольный страхъ, очутившись въ такомъ безлюдномъ мѣстѣ въ глубокую ночь. Твардовскій изумился рѣшимости шляхтича, котораго сатана называлъ трусомъ. И дѣйствительно, старый скряга превозмогъ себя и забылъ свою трусость: онъ такъ погрузился въ свою работу и такъ былъ ею занятъ, что не спускалъ своего взора съ денегъ ни на одно мгновеніе, не оглядывался и не поправлялъ даже волосы, спускавшіеся длинными космами на глаза; онъ только считалъ, считалъ и считалъ.

— Надо бы помѣшать ему немного,—сказалъ дьяволъ.

Спустившись въ избу черезъ трубу, онъ забрался въ уголъ и началъ кричать по совиному.

Дрожь пробѣжала по тѣлу несчастнаго шляхтича, но онъ продолжалъ считать. Когда же дьяволъ началъ кричать и плакать, какъ малое дитя, шляхтичъ ужасно поблѣднѣлъ, но ни на секунду не отрывался отъ своей работы. Раздосадованный его неуязвимостью, дьяволъ оторвалъ уголъ крыши и съ невѣроятною силою бросилъ его въ лѣсную чащу. Трескъ и гулъ разнеслись по лѣсу; на импровизированный столъ полетѣла земля и обломки дерева, но скряга не прекращалъ своей работы, хотя видимо едва держался на ногахъ отъ страха. Послѣ этого испытанія, дьяволъ успокоился на минуту, а затѣмъ по прежнему забился въ уголъ и началъ подражать однообразному счету шляхтича смѣхомъ беззубой старухи.

— Разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь,

девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, одинъ,—впадая въ тонъ дрожавшаго голоса скряги, вторилъ ему дьяволъ.

Потомъ дьяволъ придумалъ новое испытаніе и, махнувъ хвостомъ, погасилъ свѣчу. Несмотря на это, работа скряги не остановилась: онъ продолжалъ считать и въ темнотѣ.

— Погоди же ты, упрямое животное, я сломлю твою настойчивость,—сказалъ дьяволъ и снова зажегъ свѣчку. Шляхтичъ обмеръ со страху, но дѣла не бросилъ. Внезапное гашеніе и зажженіе свѣчи нисколько не повліяли на его трудъ, онъ безошибочно продолжалъ считать: разъ, два и т. д.

Твардовскій съ дьяволомъ провели въ избѣ почти всю ночь, наблюдая надъ работой скряги. Съ разсвѣтомъ, промучивъ порядкомъ шляхтича, дьяволъ подошелъ къ окошку и во всю свою дьявольскую глотку крикнулъ:

— Варѣоломей! не ошиблись-ли какъ нибудь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ скряга.

— А скажите-ка на какой монетѣ вы остановились? Продолжайте-ка считать,—приказалъ дьяволъ. Шляхтичъ снова принялся было за работу, но языкъ не повиновался ему, точно присталъ къ гортани: онъ позабылъ послѣднюю, сказанную цифру и, переворачивая монеты, не зналъ съ чего начать. Придя немного въ себя, онъ снова сталъ перебирать пальцами деньги и, дрожа, бормоталъ безсвязныя рѣчи. Всѣ усилія цѣлой ночи превратились для него въ ничто, а впереди, кромѣ того, по словамъ Твардовскаго, его должна была постигнуть страшная кара. Отъ этого можно было сойти съ ума.

— Два, три, девять...—бормоталъ онъ, заикаясь и вперивъ глаза въ землю.

Дьяволъ между тѣмъ тѣшился за окошкомъ.

— Сбился съ дороги почтеннѣйшій,—проговорилъ онъ,—теперь ужъ трудно набрести на нее.—И едва успѣлъ онъ говорить эти слова, какъ вся изба затряслась въ основаніи, готовая разсыпаться въ прахъ, а изъ всѣхъ отверстій и щелей повылѣзали и повыскакивали черти во всей своей страшной причудливости адскихъ нарядовъ. Всѣ они были вооружены: кто метлой, кто лопатой, кто пестомъ, кто раскаленнымъ до красна половникомъ... Черти набросились на обезпаятѣвшаго

шляхтича, который безъ чувствъ и почти замертво упалъ подъ ихъ ударами, не зная, что сдѣлать для своего спасенія.

Твардовскій изъ сожалѣнія къ шляхтичу или съ досады на дьявола крикнулъ скръгъ:

— Зови кого нибудь на помощь!

Приведенный въ себя словами Твардовскаго, шляхтичъ вспомнилъ Пречистую Мать Богородицу и заступницу, Спасителя и всѣхъ святыхъ, къ которымъ съ мольбою воззвалъ:

— Спаси меня, Мать Богородица, и помилуй! Святые угодники Божіи! спасите меня, несчастнаго.

Едва онъ выговорилъ спасительныя слова, какъ, пораженные ихъ силою, нечистые духи провалились сквозь землю съ крикомъ, свистомъ и гиканьемъ.

Шляхтичъ, освобожденный отъ окружавшей его нечистой силы, схватилъ со стола свои монеты и пустился, безъ оглядки, бѣжать по лѣсу.

— Теперь и ты убѣдился,—сказалъ Твардовскій сатанѣ,—что не всѣ мои совѣты идутъ въ вашу пользу. Если бы я не напомнилъ ему о Богѣ, онъ палъ бы жертвою вашего изувѣрства; теперь же, спасенный Богомъ, онъ позабудетъ о деньгахъ и обратится на путь истинный.

— Ха, ха, ха! — захохоталъ дьяволъ.—Забудетъ о деньгахъ! Посмотримъ, забудетъ ли онъ о нихъ... Впрочемъ, ты правъ, онъ обратится къ Богу... И знаешь ли, куда онъ пошелъ теперь?

— Думаю, что прямо въ Быдгошчъ, гдѣ, уразумѣвъ свое заблужденіе, поступить въ монастырь, къ реформатамъ.

— Вѣрно!.. Именно въ монастырь,—отвѣчалъ дьяволъ.—Но думаешь ли ты, что отъ этого будетъ легче?

— Думаю, что онъ все таки избавится отъ вашихъ когтей.

— Ошибаешься,—вѣрнѣе попадетъ въ наши руки. При нашемъ содѣйствіи, онъ никакъ не позабудетъ о золотѣ, и я заранѣе вижу, какъ онъ двигается по пути къ аду. Для него было бы гораздо лучше, если бы онъ не прибѣгалъ къ помощи святыхъ, а шелъ бы прямымъ путемъ въ адъ. Меньше жизни, меньше грѣха.

Твардовскій злобно посмотрѣлъ на дьявола и, отвернувшись отъ него, молча пошелъ домой, въ корчму въ Быдгошчѣ. Замкнувшись въкомнатѣ, онъ приказалъ Матюшѣ не пускать къ нему никого.

XVII.

Что видѣлъ Твардовскій въ четвергъ на Лысой горѣ.

Задумчивый, грустный и беспокойный былъ Твардовскій. Въ первый разъ онъ почувствовалъ, что душа его не можетъ насытиться тѣмъ всевѣдѣніемъ, которое ему далъ дьяволъ. Ему мало было того могущества, которымъ онъ обладалъ; казалось, многого не доставало ему. Были минуты, въ которыя онъ видѣлъ могущество свое фальшивымъ, недолговѣчнымъ и безцѣльнымъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ себѣ:—я, вѣроятно, не испыталъ еще всѣхъ своихъ силъ; я только еще вхожу въ фазисъ моего могущества и начинаю чувствовать его въ себѣ... Тысячу употребленій я могу сдѣлать изъ моей науки, которыхъ я еще не успѣлъ испытать, тысячи удовольствій, которыми я желалъ окружить себя, не знакомы мнѣ, но по одному мановенію моей руки, все явится къ моимъ услугамъ. Я не успѣлъ еще испить сладкой чаши до дна, къ которой едва прикоснулся устами, и мой послѣдній часъ далекъ еще отъ меня. Попробую еще сдѣлать что могу... поѣду на Лысую гору.

Твардовскій хлопнулъ въ ладоши и крикнулъ:

— Ёду на Лысую гору!

Это былъ именно четвергъ, когда на Лысой горѣ собираются всѣ вѣдьмы и колдуньи совѣщаться по разнымъ дѣламъ.

Черезъ минуту Твардовскій сидѣлъ уже на своей, нарисованной на стѣнѣ, лошади и, бросивъ *горсть сна* на Матюшу, который дремалъ въ углу, выѣхалъ черезъ трубу. Уже смеркалось, когда Твардовскій выѣхалъ въ путь-дорогу. Вѣтеръ дулъ съ полуночи; красный мѣсяцъ, окутанный сѣрою пеленою тучъ, выглядывалъ изъ-за дальняго лѣса. Вокругъ Твардовскаго летѣла его свита, состоящая изъ совъ, нетопырей,

адскихъ духовъ и разныхъ допотопныхъ чудовищъ. Въ воздухѣ слышался какою то глухой шумъ таинственнаго разговора чудовищъ на понятномъ для него одного языкѣ.

Съ Твардовскимъ повстрѣчалась кукушка, любимая предвѣстница деревенскихъ бабъ и прорицательница будущаго, которая сказала ему:

— Добрый вечеръ, Твардовскій! Куда ты сѣдшишь? Куда ѣдешь и зачѣмъ? Что возбуждаетъ такъ сильно твое любопытство, за которымъ всегда слѣдуютъ скука и грусть? Въ добрый часъ; побѣзжай прямо; за калиновымъ мостомъ, за тремя стогами, за тремя могилами и тремя крестами ты найдешь то, чего ищешь, но не отыщешь того, чего искалъ.

И кукушка полетѣла дальше.

Вскорѣ надъ головою Твардовскаго закаркалъ воронъ.

— Кру, кру! Здравствуй, Твардовскій!.. А я только что съ пира, на которомъ клевалъ съ моими братьями и сестрами человѣческое мясо... Мы живо справились съ казненнымъ человѣкомъ, котораго четвертовали по твоей милости... На мою долю досталось сердце, жирное, сочное сердце, просто объяденье. Спасибо тебѣ, Твардовскій,—насытился, благодаря тебѣ, по горло!.. Кру! кру-у!..

— Кто-же это погибъ по моей милости?—задалъ себѣ вопросъ Твардовскій.—Не тотъ ли ужъ молодецъ, который подбавлялъ фальшивую монету?.. А если такъ—не бѣда. Впередъ, касатикъ!..

Позади Твардовскаго летѣлъ нетопырь, который, стараясь перегнать его, хлопалъ своими кожаными крыльями.

— Что, не узналъ меня, докторъ?—запищалъ онъ.—Вѣдь я тотъ самый нетопырь, который висѣлъ распяленнымъ и прибитымъ надъ твоимъ окномъ въ Краковѣ и который охранялъ тебя своими крыльями отъ вліянія вражьей силы. Я освободился на минутку и лечу теперь на Лысую гору, посмотреть на вѣдьмъ и колдуній.

Нетопырь обогналъ Твардовскаго и скрылся въ темнотѣ.

За нетопыремъ летѣла сова.

— Угу-гу-угу!.. — кричала она. — Я прилечу къ домамъ, ударюсь въ окна и скажу имъ: подите, подите!..

За нею летѣла вторая сова и тоже кричала.

— Угу-угу!.. Чую, что родится дитя; полечу къ окну и закричу родителямъ: будетъ дитя, будетъ, и крикъ мой такъ испугаетъ ихъ, какъ будто я предвѣщаю имъ смерть!.. Родится дитя на горе, на слезы!.. Не надо было влюбленнымъ сидѣть въ зеленомъ саду, при блѣдномъ свѣтѣ луны:—холодны лунныя ночи, не здорова роса... за наслажденіями слѣдуетъ болѣзнь!..

Въ воздухѣ чирикали воробы; уразумѣвъ ихъ щебетъ, Твардовскій началъ вслушиваться.

— Полетимъ въ житницу богача, выключемъ колосья, выпьемъ всю воду въ прудахъ и рѣкѣ... подастъ же онъ наконецъ милостыню...

На изгороди стрекотала сорока:

— Гости ѣдутъ, гости ѣдутъ! Ёдетъ вельможа на черной колесницѣ, на немъ бѣлый крестъ; везутъ колесницу четыре коня, а провожаютъ — четыре попа!.. Встрѣчай гостя, хозяинка... Ёдетъ званый гость, котораго ты ждешь и не дождешься!...

Все это слышалъ Твардовскій и все понималъ... Всѣ эти вѣсти были грустны и печальны и всѣ они запали глубоко въ его сердце.

Между тѣмъ его обгоняли стаи духовъ и чудовищъ, лѣтѣвшихъ, какъ и онъ, на Лысую гору.

На горѣ уже толпились старыя вѣдьмы и колдунья, горбатыя, беззубыя, съ растрепанными волосами и раскрытыми грудями. Нѣкоторыя сидѣли на лопатахъ, а нѣкоторыя на помелахъ; многія прискакали на козлахъ и черныхъ кошкахъ, на гадахъ и летучихъ мышахъ.

Изъ темныхъ дремучихъ русскихъ лѣсовъ, прилетѣла баба-яга; она прилетѣла въ ступѣ съ помеломъ, которымъ замечала свои слѣды; у пояса былъ привязанъ горшечекъ, какъ и у всѣхъ другихъ вѣдьмъ.

Одну изъ бабъ везла жаба, другую—черная корова; каждая изъ нихъ гнула себѣ подъ носъ какую-то пѣсню; за каждой разносился по воздуху дымъ отъ сожженного зелья, которое горѣло въ горшкѣ у пояса и заражало воздухъ удлинною вонью.

Вдругъ мимо Твардовскаго промелькнулъ бѣлый скелетъ

повѣшеннаго, съ веревкой на шеѣ; за нимъ летѣли стада черныхъ вороновъ.

— Отдай намъ остатки твоего тѣла,—каркали они:—вонъ еще висятъ куски на бедрахъ твоихъ не исклеванными; отдай намъ ихъ, вѣдь они наши!

Вслѣдъ за воронами летѣли Филимонъ и Бавкида, разлученные злыми людьми посредствомъ чаръ.

За ними летѣла стая маленькихъ совъ, за совами летѣли вампиры, блѣдные и въ саванахъ; за вампирами летѣли оборотни и выли, какъ голодные волки; за оборотнями летѣло много разныхъ невиданныхъ имъ чудовищъ... Наконецъ онъ увидѣлъ Лысую гору, у подножія которой двигались, мелькали и прыгали разные огоньки. На горѣ, на ясномъ горизонтѣ неба, обрисовывалось темное зданіе церкви. Съ тѣхъ поръ, какъ храмъ Божій занялъ мѣсто на горѣ, всѣ вѣдьмы, колдуньи и духи начали слетаться къ ея подножію, уступивъ прежнее мѣсто своего сборища блестящему кресту на куполѣ.

Чѣмъ ближе Твардовскій подъѣзжалъ къ Лысой горѣ, тѣмъ яснѣе представлялось ему скопище вѣдьмъ и чудовищъ, освѣщаемыхъ какими-то волшебными огнями, разложенными въ чашѣ зарослей. Летая надъ ихъ головами на своемъ волшебномъ конѣ, Твардовскій всматривался въ этотъ необыкновенный шабашъ вѣдьмъ и колдуній, слышалъ ихъ дивныя рѣчи и пѣсни. Время отъ времени вѣдьмы брались за руки и производили бѣшенную пляску, подобно конвульсивнымъ пляскамъ прокаженныхъ или умирающихъ людей. Въ кругу ихъ, какъ вихрь, вертѣлись черти, которыхъ обличалъ огонекъ, кружившійся надъ ихъ головами и сердцемъ, но не тотъ огонекъ, который пылаетъ въ видѣ ореола надъ геніями, а черный, дымящійся, смоляной огонекъ, выдающій нечистую силу, отъ котораго смрадный воздухъ распространялся за нѣсколько верстъ.

— Ладо-Ладо, Дидъ-Ладо!—кричали нечистая сила, колдуньи и вѣдьмы.

Нѣкоторые изъ вѣдьмъ готовили себѣ похлебку: огромный котелъ пыхтѣлъ на угляхъ, распространяя непріятную вонь.

Съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ Твардовскій на это зрѣлище, тихонько и съ грустною думою кружась въ воздухѣ

вокругъ горы; дико звучали въ ушахъ эти пѣсни безобразныхъ вѣдьмъ и глубоко отзывались въ его сердце.

Страшное это было веселье, сквозь лохмотье котораго проглядывали отчаяніе, мука и смерть.

Вскорѣ Твардовскій наткнулся на тайный совѣтъ вѣдьмъ.

На семи надмогильными плитами сидѣли семь вѣдьмъ, вокругъ которыхъ стояла молодежь. Каждая изъ семи бабъ говорила поочередно, научая, какъ вызывать злыхъ духовъ, какъ задерживать дождь, какъ отнимать молоко у коровъ, какъ навредить тяжкія болѣзни на людей, портить хлѣбъ на гумнѣ и въ полѣ, насылать на дѣтей плачъ и т. д., и т. д. Молодежь слушала ихъ съ жадностью, внимая каждому ихъ слову и принимая сказанное близко къ сердцу, потому что ни одинъ добрый совѣтъ не прививается такъ скоро къ уму и сердцу, какъ прививается зло.

Далѣе Твардовскій попалъ на новое зрѣлище: вѣдьмы составили хороводъ и затянули плясовую пѣсню, значеніе словъ которой онъ не могъ понять; нѣкоторыя изъ вѣдьмъ приготовляли любовный напитокъ, подъ названіемъ „любчикъ“, примѣшивая къ нему дѣвичьи волосы, дѣвичью кровь и слезы, пѣну съ котораго снимали лапой нетопыря.

„Кто отвѣдаетъ этого зелья, — пѣли они хоромъ, — будетъ жить и дышать только тою, которая поднесетъ напитокъ къ его губамъ; будетъ ходить за нею какъ тѣнь и слушаться во всемъ, положить за нее голову и дастъ съжечь себя за нее, не пожалѣетъ для нея ни отца, ни матери родной...“

„Кипитъ и варится напитокъ, а надъ нимъ поднимается пѣна, какъ любовь надъ сердцемъ дѣвушки, подъ нимъ же осадокъ и гуща, какъ горе и раскаяніе послѣ любви. Верхъ его сладокъ, какъ первыя минуты любви, а низъ — горекъ, какъ горькая любовь, когда минетъ счастье.“

„Шумитъ вѣтеръ, огни блещутъ, совы кричатъ: поди! поди! но ни вѣтеръ не унесетъ, ни огонь не сожжетъ, и ни совы не вызовутъ влюбленнаго, и не придетъ онъ до тѣхъ поръ, пока сама милая не поднесетъ ему зелья!..“

„Растетъ трава на берегу ручья; цвѣтетъ трава только въ полночь, цвѣтетъ она только разъ въ годъ, наканунѣ Иванова дня, и цвѣтъ ея розовый... Сынте въ котелъ цвѣтъ, лѣвою

рукой; долго носила его на груди дѣвица и сожгла во пламени огня.

„Бросьте въ котель сердце голубя, у котораго охотникъ застрѣлилъ голубку. Тоскуеть голубь, сохнетъ по голубкѣ, пусть онъ такъ иссохнетъ, отвѣдавъ любовнаго зелья“.

Неподалеку отъ этихъ вѣдьмъ и колдуній, другія старухи варили второй напитокъ, они сидѣли вокругъ котла, покачивая головами, помахивая руками и протяжно приговаривая, бросали въ котель разные снадобья.

«Бросаю кость человѣческую, взятую на кладбищѣ, пусть тотъ, кто отвѣдаетъ нашего снадобья, иссохнетъ, какъ эта кость.

«Бросаю воскъ отъ свѣчи покойника, пусть ему будетъ такъ скучно, какъ было на кладбищѣ, когда она догарала.

«Бросаю горсть соломы изъ подъ крыши церковной; пусть въ его душѣ гнѣздится скука, какъ гнѣздились воробыи подъ церковной крышей.

«Бросаю сердце висѣльника, высохшее на висѣлицѣ; пусть и ему будетъ такъ, какъ было тому, при цѣлованіи креста изъ рукъ пона передъ смертію; пусть погибнетъ онъ, какъ погибъ и тотъ; пусть сердце его достанется воронамъ на ужинъ, легкія и тѣло коршунамъ и ястребамъ на завтракъ.

«Бросаю гнилушку отъ гроба, пусть въ немъ гниетъ веселье и радость, какъ сгнилъ трупъ въ томъ гробѣ.

«Ростетъ цвѣтокъ надъ могилой, цвѣтетъ въ поминальный день чернымъ и бѣлымъ цвѣтомъ. Бросаю цвѣтокъ въ котель, пусть отвѣдавшій этого зелья испытаетъ черныя мысли, горе и отчаяніе.

«Бросаю сердце той совы, которая прячется днемъ и плачетъ ночью, которую преслѣдуютъ и птицы, и люди; пусть и тотъ, кто напьется зелья, будетъ гонимъ всю жизнь!

Напитокъ этотъ вѣдьмы помѣшивали костями мертвецовъ и изливали въ него всю желчь и злобу, которую носили въ своихъ сердцахъ. Книжѣлъ и шумѣлъ напитокъ, вздымаясь и пѣнясь черезъ край. Упавшая капля на землю оставляла послѣ себя кровавое пятно.

За этимъ кружкомъ вѣдьмъ Твардовскій замѣтилъ еще кружокъ, но тутъ, среди смѣха и шепота, онъ ничего не слышалъ и, не удовлетворивъ любопытства, отправился дальше.

Далѣ старый вампиръ училъ молодого вампира высасывать кровь у человѣка во время сна; еще далѣ увидѣлъ онъ старую стречу (кошмаръ во снѣ), которая учила молодую садиться на грудь спящимъ людямъ и душить ихъ.

Потомъ онъ замѣтилъ свадьбу стараго козла со старухой. Впереди ихъ шли музыканты, игравшіе на костяныхъ пищалкахъ и барабанившіе на барабанахъ, обтянутыхъ человѣческою кожей. Постель для нихъ послали на могильной плитѣ, а надъ ними разбили шатеръ изъ савановъ.

По горѣ шлѣлись духи и привидѣнія, то по одиночкѣ, то попарно съ дьяволами. Нѣкоторые изъ нихъ отыскивали себѣ товарищей и приставали къ безстыжимъ распутницамъ, которыя гримасничали, подражая влюбленнымъ. Между ними были старые и молодые, старухи и молодицы, монахи и солдаты, шляхта и мужики, купцы и мѣщане. Всѣ они ходили взадъ и впередъ, толкались, шумѣли, пѣли и кричали, смѣялись и плакали, ссорились и мирились, проклинали и вызывали нечистую силу.

Кое-гдѣ гусляры наигрывали старымъ бабамъ пѣсни и танцы; нѣкоторые пили и ѣли; многіе бесѣдовали, расположившись въ кустахъ и пересыпая свои рѣчи „громкими словами“.

Все это видѣлъ Твардовскій, ко всему присматривался, во все вслушивался, но не вмѣшивался въ ихъ общество. Грустные думы овладѣвали имъ и волновали его душу...

Вдругъ онъ почувствовалъ, что чья-то рука опустилась на его плечо и въ то же время Твардовскій услышалъ знакомый ему голосъ.

— Кого созерцаешь здѣсь, Твардовскій? — спросилъ его дьяволъ.

— Ты какъ узналъ, что я здѣсь? — спросилъ въ свою очередь удивленный Твардовскій.

— Какъ всегда, я летѣлъ слѣдомъ за тобой, и не мудрено, что я открылъ твое уединеніе подъ облаками.

— Какъ всегда, говоришь ты? — переспросилъ Твардовскій.

— Конечно, какъ всегда.

— Такъ ты слѣдишь за мной, какъ за своимъ рабомъ?

— Напротивъ, я слѣжу за тобой, какъ за сыномъ, какъ за дроздомъ.

— Благодарю за откровенность, но, признаюсь, я не желалъ бы быть ни тѣмъ, ни другимъ.

Сказавъ это, Твардовскій замолчалъ.

— Отчего же ты не присоедилишься къ нашему веселью? — спросилъ дьяволъ.

— Я не люблю веселиться, — отвѣчалъ серьезно Твардовскій, — а научиться здѣсь нечему.

— Всегда эти науки въ твоей башкѣ!.. Долго ли ты будешь портить свой мозгъ этой несчастной наукой? Развѣ человѣкъ только и долженъ учиться?..

— Да чтобы я дѣлалъ съ вами?.. Полезнымъ я здѣсь не могу быть, — прервалъ Твардовскій.

— Неужели человѣкъ созданъ только для того, чтобы всегда думать о пользѣ?

— Что же ты хочешь, чтобы я сдѣлалъ?

— Мнѣ хочется, чтобы ты веселился, какъ веселятся другіе, чтобы ты пользовался жизнью, покуда она твоя.

— Пользовался жизнью?.. Ну, для этого я найду получше мѣстечко, чѣмъ твоя Лысая гора, и лучшее общество, чѣмъ твои вѣдьмы и колдуны.

— Да вѣдь ты скучаешь и въ другихъ мѣстахъ.

— Еще не пришла моя пора, — возразилъ Твардовскій. — Благоразуміе требуетъ избѣгать свѣтскихъ удовольствій, прежде чѣмъ не изучишь свѣтъ настолько, чтобы позволить себѣ съ нимъ нѣкоторыя вольности.

— Но, прежде чѣмъ изучить свѣтъ, можно совершенно состарѣться, а тогда ужъ поздно будетъ пользоваться удовольствіями свѣта, — тихо шепнулъ дьяволъ.

Эти слова заставили призадуматься Твардовскаго.

— Такой человѣкъ, какъ я, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — всего можетъ достигнуть, стоитъ только пожелать.

Вмѣсто отвѣта дьяволъ захохоталъ.

Наступило молчаніе.

Между тѣмъ, шабашъ вѣдьмъ подходилъ къ концу. Многія вѣдьмы, не дожидаясь пѣнія пѣтуховъ, начали оставлять Лысую гору; мало по малу погасали огни и пустѣла гора: въ воздухѣ раздавался свистъ отъ улетающихъ духовъ и разныхъ чудовищъ.

Минуто спустя, раздався бой часовъ и вдали послышалось урочное пѣніе пѣтуховъ. Гора мигомъ опустѣла, и Твардовскій возвратился въ Быдгошчъ, гдѣ засталъ своего Матюшу спавшимъ богатырскимъ сномъ.

ХІІІ.

Какъ Твардовскій помолодилъ бурмистра Сломку.

Было еще слишкомъ рано, какъ-кто-то постучался къ Твардовскому, который, возвратясь съ своей поѣздки на Лысую гору, еще не ложился спать и сидѣлъ у стола, считаясь съ своими чувствами, тѣснившимися въ душѣ и волновавшими его кровь.

Дверь открылась и въ комнату вошелъ тотъ же бурмистръ, которому Твардовскій посовѣтовалъ выкуривать изъ дому нечистую силу зубомъ отъ мертвеца. Средство это, какъ извѣстно читателю, не помогло бурмистру, такъ какъ въ его домѣ вовсе не было нечистой силы или домового, а вмѣсто него проказничала его жена съ своимъ любовникомъ. Дѣло понятное и весьма естественное: жена его была молода, а онъ старъ; поэтому и не мудрено, что она позволяла себѣ нѣкоторыя, быть можетъ и не невинныя шалости. Крайности не сходились. Бургомистръ смекнулъ наконецъ въ чемъ дѣло и опять обратился за помощью къ великому магу и волшебнику Твардовскому.

— Sapientissime!—сказалъ онъ, являсь къ нему:—теперь я узналъ, какая сила проказить у меня дома; напрасно я утверждалъ, что это шалилъ домовой, — увы, оказывается, что этимъ домовымъ была моя жена, которая, повидимому, сходитъ съ ума... Если хочешь сдѣлать доброе дѣло, то или меня помолоди, или состарь мою жену, сдѣлай ее лучше беззубою старухою, какъ и я. Конечно, я предпочиталъ бы первое; не даромъ же существуетъ пословица: „сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро“; вѣдь старую печь дьяволъ нагрѣваетъ... Жена моя еще не перебѣсилась, и если молодость моя не придется ей по вкусу, то, по крайней мѣрѣ, ей хахали будутъ бояться

меня... Я знаю, что для тебя нѣтъ ничего невозможнаго, сдѣлай же ты для меня доброе дѣло, за что вѣкъ буду благодаренъ тебѣ.

— Не особенно легко это устроить, — отвѣчалъ Твардовскій, — помолодить человѣка — вещь нелегкая; на это понадобится много времени, энергіи, трудовъ и издержекъ... Легко сказать — помолодить человѣка...

— Я не пожалѣю на это никакихъ средствъ и издержекъ, — возразилъ бурмистръ: — я заложу, продамъ все свое имущество, только бы достигнуть желанной цѣли... Молодость стоитъ того, чтобы лишиться нажитаго добра... Вѣдь два раза въ жизни никто не бываетъ молодымъ. Однако, какъ велики должны быть издержки по этой операціи?.. — спросилъ, оживляясь, бурмистръ, почесавъ въ затылкѣ.

— Значительныя, — отвѣтилъ Твардовскій: — для этого понадобится мнѣ рѣдкія и дорогія зелья и заморскія мази, къ тому же одно приготовленіе этого лѣкарства отниметъ, по крайней мѣрѣ, годъ времени.

— Неужели годъ! — съ ужасомъ воскликнулъ бурмистръ. — Почему же такъ долго?

— Годъ, сравнительно недолгое время; стоитъ подождать и болѣе, чтобы помолодѣть: лучше поздно, чѣмъ никогда.

— Конечно, конечно, — пробормоталъ Сломка; — но вѣдь я могу и умереть въ продолженіе года: вѣдь я, какъ видишь, уже дряхлый старикъ.

— Кромѣ того, — продолжалъ Твардовскій, — мнѣ надо подыскать надежнаго и вѣрнаго человѣка, чтобы довѣриться ему безъ опасенія. Впрочемъ, такого человѣка я найду въ моемъ слугѣ. Но прежде, чѣмъ приступить къ исполненію вашего желанія, вы должны привести всѣ свои дѣла въ надлежащій порядокъ и собраться на продолжительное путешествіе. Между тѣмъ, я принцу въ сторонѣ домикъ-особнякъ, подальше отъ взоровъ человѣческихъ, и тамъ примусь за дѣло. Если вы дорожите своею жизнью, вы должны хранить секретъ свой въ тайнѣ и никому не проговариваться ни полусловомъ, такъ сказать, превратиться въ молчаніе...

— Буду имѣть, какъ рыба, — кланяясь, сказалъ бурмистръ. — Что же касается путешествія, я расскажу о своей поѣздкѣ въ

Вильну для покупки кожъ, куда я уже ѣздилъ много разъ... Домъ, для совершенія вашей операціи, мы найдемъ за городомъ, въ уединенномъ мѣстѣ, я самъ подыщу его, а покуда, надѣюсь, что этой суммы достаточно будетъ на первое время...

Съ этими словами онъ вынулъ кису, набитую золотомъ, и положилъ ее на столъ передъ Твардовскимъ.

— Хорошо,—сказалъ Твардовскій,—теперь можете идти домой и исподволь приготавливаться въ путь; но раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ не беспокойте меня, потому что и мнѣ нужно приготовиться къ этой операціи.

По уходѣ бурмистра, Твардовскій улыбнулся и про себя сказалъ:

— Первый опытъ я произведу на этомъ ослѣ, и если, въ случаѣ чего, онъ и не удастся мнѣ, то все-таки не жалко будетъ искромсать для этого кусокъ сырого мяса этой откормленной свиньи; попробую...

Твардовскій провелъ рукою по лбу и какъ бы соображаясь съ чѣмъ-то, крикнулъ:

— Матюша!

Матюша проснулся и быстро всталъ на ноги.

— Зная твою преданность ко мнѣ,—сказалъ Твардовскій,—я хочу употребить тебя для одного очень важнаго дѣла. То, что ты узнаешь отъ меня, можетъ тебѣ современнымъ пригодиться. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, ты будешь имѣть возможность доказать мнѣ твое усердіе и искреннюю преданность.

— Исполню все въ точности, что прикажешь,—возразилъ Матюша.

— Дѣло въ томъ, что мы должны съ тобою сдѣлать изъ старика молодого человѣка.

— Молодого человѣка изъ старика?! Какъ же это такъ? Не понимаю!..

— Это ужъ не твое дѣло, только ты помоги мнѣ. Съ завтрашняго дня мы примемся искать разныя зелья, нужныя для нашей операціи, и приготовимъ мазь, которая понадобится намъ.

Матюша почесалъ затылокъ.

И дѣйствительно, на другой день Твардовскій и Матюша, одѣвшись пустыnnиками, отправились на поиски развѣхъ

травъ и корней. Не особенно-то легко было собрать массу травъ, по рецепту Твардовскаго, который онъ написалъ на длинномъ лоскутѣ бумаги. Нѣкоторыя травы и корни нужно было искать при свѣтѣ луны; всѣ остальные—на новолуніи и только часть—въ полнолуніе; нужно было искать: одни въ цвѣту, другіе въ сѣменахъ, третьи—завядшими; одни до зари, другіе днемъ. Главнымъ затрудненіемъ представлялось: сбереженіе ихъ отъ порчи.

За нѣкоторыми матеріалами Твардовскій вынужденъ былъ посылать Матюшу очень далеко, снабдивъ его нужнымъ рецептомъ, по которому требовались кокосовые орѣхи, кишки носорога, извѣстныя частицы мумій и много разныхъ дорогихъ и рѣдкихъ вещей. Все это однако отыскалъ и купилъ преданный Матюша.

Для таинственнаго превращенія стариковъ въ молодыхъ Твардовскому понадобились многіе члены рѣдкихъ звѣрей, обитающихъ въ другихъ странахъ свѣта; но съ помощью собственныхъ усилій и труда, посредствомъ дьявольской силы, Твардовскій досталъ всего, даже живительной и молодой воды, которая была ключемъ вверхъ въ одномъ изъ семи источниковъ на высокой, недоступной горѣ, въ которомъ онъ зачерпнулъ ее съ опасностью для собственной жизни.

Долго продолжались приготовленія Твардовскаго къ таинственной операціи. Наконецъ онъ увѣдомилъ бурмистра, что все готово и можно приступить къ дѣлу. Бурмистръ, какъ обѣщалъ, собрался уже въ путь; простившись съ женою и поручивъ свою лавку и домъ брату, онъ ночью, никѣмъ незамѣченный, перешелъ въ новое жилище, откуда долженъ былъ выйти молодымъ человѣкомъ.

Для своей операціи Твардовскій избралъ ночь въ новолуніе и принялся за работу. Прежде всего онъ усыпилъ бурмистра снотворнымъ зельемъ, чтобы послѣдній не чувствовалъ боли. Потомъ онъ положилъ его, съ помощью Матюши, въ огромный котелъ и началъ варить подъ звуки какой-то волшебной пѣсни; затѣмъ онъ вынулъ бурмистра изъ котла, натеръ его разными мазями и покропилъ чудодѣйственной водою.

Операція эта продолжалась болѣе десяти дней; много стоила ему труда эта работа, и только сила воли, энергія и

присутствіе духа помогли ему въ этомъ... Много опытности приобрѣлъ онъ посредствомъ этой умственной практики. Твардовскій не отчаявался и не унывалъ, предвидя близкій и благополучный конецъ своей работѣ. Во все время страннаго процесса, которому подвергалось тѣло, душа бурмистра, вынутая изъ него, заключена была Твардовскимъ въ банку, закупоренную и забинтованную со всѣхъ сторонъ. Когда операція надъ тѣломъ была уже совершена, т. е. когда тѣло было переварено и отполировано мазями, Твардовскій осторожно началъ вдвигать душу въ уста бурмистра, который мало по малу началъ оживать и шевелиться; яркій румянецъ выступилъ на его лицѣ и разлился по всему тѣлу; кровь разлилась по жиламъ и забился пульсъ; бурмистръ началъ дышать; грудь подымалась и опускалась; наконецъ глаза открылись, и бурмистръ поднялся со стола, на которомъ лежалъ.

Сломка ожилъ.

Исполняя безпрекословно приказанія великаго волшебника, Матюша остолбенѣлъ отъ удивленія... Самъ Твардовскій восхитился дѣломъ своихъ рукъ и не чувствовалъ себя отъ радости. Ошеломленный бурмистръ стоялъ передъ нимъ, точно проснувшись отъ продолжительнаго сна, не помня, гдѣ онъ и что случилось съ нимъ.

Щедрое вознагражденіе было благодарностью и прекратило сеансъ, и бурмистръ, распростившись съ Твардовскимъ ушелъ домой.

Отпуская бурмистра и давъ ему наставленіе, какъ поступать дальше, Твардовскій однако былъ неспокоенъ и послалъ Матюшу вслѣдъ за нимъ домой, чтобы узнать, какое дѣйствіе произведетъ появленіе омоложеннаго мужа на жену.

Вскорѣ Матюша возвратился обратно и разсказалъ Твардовскому слѣдующее:

Было уже темно, когда Сломка постучался въ дверь своего дома. Въ окнахъ блестѣли многочисленные огни и слышались звуки веселой музыки; у подъѣзда стояли коляски и экипажи, дожидаясь своихъ господъ и свидѣтельствовавшія о шумномъ собраніи гостей. — „Странно, сказалъ онъ про себя, слегка постучавшись въ дверь, — кажется, нынче не именины, ни день рожденія жены, ни масленица. Удивительно, право... Что за

причина?.. Впрочемъ, все это теперь перемелется и мука будетъ; все пойдетъ, какъ по маслу, продолжалъ онъ ворчать и опять постучалъ.

Наконецъ открыли дверь и старый слуга, не узнавъ бурмистра, спросилъ:

— Что вамъ угодно, сударь?

— Что мнѣ угодно!.. ха, ха, ха! Ты не узнаешь меня, Оаддей?—Видишь, я вернулся съ дороги.

Я незамѣтно втиснулся въ дверь прислушивался къ ихъ разговору.

Оаддей выпучилъ на него глаза и стоялъ, какъ вкопанный, не признавая бурмистра.

— Проводи меня въ ту комнату, отъ которой ключи у барыни, — продолжалъ Сломка.

— Что вы говорите, я не понимаю, — бормоталъ слуга, всматриваясь въ бурмистра... Мой баринъ старикъ и годится вамъ въ дѣдушки, тогда какъ вы, сударь... въ цвѣтѣ лѣтъ и полной силѣ... Въ одно брюхо моего барина влѣзетъ полдесятка такихъ, какъ вы, сударь... Куда же дѣвалось его брюхо?

Съ этими словами онъ приподнесъ свѣчу къ самому носу бурмистра, и тутъ только, казалось, началъ замѣчать сходство и что-то припоминать.

— Дѣйствительно, — продолжалъ онъ, — въ вашемъ лицѣ имѣется какое-то сходство съ моимъ баринѣмъ; такимъ я видѣлъ его, когда онъ былъ молодъ... и носъ, и глаза, кажется, тѣ же... Странно, однако, откуда же взялась эта молодость?.. Никакъ кошмаръ на меня нашелъ, — сказалъ онъ, протирая глаза. Кажись, не пьянъ и не сплю, хоть ущипнуть, не сплю... Съ нами крестная сила! никакъ нечистые духи опутали меня!.. или чары какія насланы на мою сѣдую голову!..

— Ни то, ни другое, — возразилъ бурмистръ, входя въ переднюю: — перемѣнился немного, вотъ и все.

— Да какимъ же образомъ вы могли такъ перемѣниться? — все еще не довѣряя своимъ глазамъ, говорилъ Оаддей.

— Ну ужъ, этого-то я не скажу тебѣ, мой другъ, — это секретъ, — подумавъ, отвѣчалъ бурмистръ и вошелъ въ залу.

Въ это время жена его, молодая, красивая, свѣжая и румяная, танцевала мазурку. Музыка гремѣла, какъ говорится,

„во всю Ивановскую“, однако, когда открылась тяжелая дверь, всеобщее вниманіе было обращено на бурмистра и многіе начали подходить къ нему съ вопросами:

— Вѣроятно, вы близкій родственникъ бурмистра, — спросилъ у него подошедшій франтъ, — или сынъ, что такъ сильно похожи на него?

— Имѣю честь быть имъ самимъ, — отвѣчалъ онъ, смѣясь, — я самъ, только немного моложе, чѣмъ былъ прежде.

— Вы бурмистръ Сломка! — воскликнулъ одинъ старикъ: — шутить изволите... Я съ бурмистромъ Сломкой двадцать лѣтъ знакомъ, а у васъ еще на губахъ молоко не обсохло... Вы сумасшедшій!..

— Голосъ, дѣйствительно похожъ, черты лица — тоже, но фигура... какъ хотите, не подходящая, — сказала третій, мѣрая глазами бурмистра...

Въ толпу любопытныхъ вмѣшалась жена бурмистра и внимательнымъ взоромъ начала осматривать мужа.

Вотъ красавецъ!.. — сказала она кому-то, прищуривая въ то же время глаза, а затѣмъ, обращаясь къ бурмистру, продолжала:

— Кого имѣю удовольствіе видѣть у себя въ домѣ?

— Родного мужа, моя крошка, моя рыбка, моя ненаглядная! — отвѣчалъ бурмистръ.

— Мужа!.. Ха, ха, ха! О, если бы мой мужъ былъ, хотя отчасти, похожъ на васъ!.. Дѣйствительно, одежда, голосъ... мужа, но фигура... въ этомъ позвольте съ вами не согласиться, — кокетничая говорила жена бурмистра.

Изумленные претензіей омоложденного бурмистра, гости бросили танцы и выпучили на него глаза. Музыканты побросали свои инструменты и окружили незнакомца, перешептываясь между собою.

— Ужъ если вы претендуете на меня и утверждаете, что вы мой мужъ, такъ неужто ли вамъ будетъ сказать, — продолжая кокетничать, сказала жена, — какой у меня знакъ на лѣвой рукѣ?

— Краснаго креста, — отвѣтилъ безъ запинки бурмистръ, — выжженный твоею покойною матерью, Катериной, въ память избавленія отъ нашествія татаръ, когда она оставила тебя на рукахъ няни. Не такъ-ли?..

— Это вѣрно. Но вы могли узнать объ этомъ отъ другихъ, — возразила она, прищуривая глазки и улыбаясь. — Нѣтъ, вы лучше скажите, какой сюрпризъ сдѣлалъ мнѣ мужъ на другой день свадьбы?

Бурмистръ шепнулъ на ухо, не желая конфузить ее въ присутствіи гостей:

— Десять ударовъ плетью, — сказалъ онъ.

Бурмистерша покраснѣла, какъ піонъ, но, оправившись, произнесла:

— Какой же бѣсъ возвратилъ тебѣ молодость?!!

— А вотъ ты только послушай, — отвѣчалъ бурмистръ, садясь на стулъ.

Все окружили его плотною стѣной и бурмистръ рассказывалъ имъ всю исторію своего перерожденія, взявъ съ нихъ слово и заклиная именемъ Святой Троицы, не рассказывать объ этомъ никому. Онъ рассказывалъ, какъ уговорился съ вами, какъ заснулъ и какъ проснулся, что стоило ему это перерожденіе, потомъ началъ превозносить вашу великую мудрость. Гости не вѣрили ушамъ своимъ... Нѣкоторые считали его самозванцемъ и обманщикомъ, пока, наконецъ, убѣдились, что они видятъ передъ собою настоящаго бурмистра Сломку, которому вы возвратили молодость...

Видя, что это дѣйствительно бурмистръ, гости начали поздравлять его съ омоложеніемъ, а жену его съ молодымъ мужемъ, точно на свадьбѣ; вино полилось рѣкой за здоровье помолодѣвшаго Сломки; начались снова танцы и веселье, которыя продолжались до разсвѣта, послѣ чего бурмистра съ женой, какъ новобрачныхъ, гости проводили въ спальню и разбѣхались по домамъ...

Радовалась и жена бурмистра, что ея мужъ помолодѣлъ, но долго ли продолжалась эта радость и не помрачали-ли ее спокойствія воспоминанія о своихъ друзьямъ и пріятеляхъ — объ этомъ умалчиваетъ преданіе.

Что же касается брата бурмистра, который, въ ожиданіи кончины Сломки, захватилъ въ свои руки бразды правленія его имуществомъ, — онъ волей неволей долженъ былъ уступить власть законному владѣльцу и отдать книги и отчетъ по лавкѣ и дому, хотя, къ слову сказать, ему не хотѣлось расставаться съ ними.

На слѣдующій же день послѣ происшествія, вѣсть о чудесномъ перерожденіи бурмистра Сломки обѣжала все окрестности Быдгошча. Можно себя представить, какую тревогу произвела эта вѣсть между стариками... Конечно, слухи комментировались на все лады и вскорѣ разнеслись по всему краю. Старики толпами тащились къ волшебнику, но Твардовскій, предвидя это, счелъ лучшимъ избѣжать докучливыхъ просителей и исчезъ.

У дверей его опустѣлой избы сидѣлъ грустный Матюша и отвѣчалъ приходящимъ.

— Доктора нѣтъ дома!..

Никто не зналъ, куда уѣхалъ Твардовскій; по всей вѣроятности, сойдя на время съ арены своей дѣятельности, онъ наблюдалъ, какое дѣйствіе произведетъ молодость бурмистра на стариковъ.

XIX.

Какъ Матюша наказанъ былъ за свою алчность къ деньгамъ.

Великое дѣло, совершенное Твардовскимъ, навело равнодушнаго до этого времени Матюшу на серьезные размышленія. Мысли, одна другой несообразнѣе, группировались въ его головѣ. Онъ припоминалъ все средства, употребленныя Твардовскимъ для омоложенія Сломки и неоднократно приходилъ къ заключенію, что и онъ можетъ сдѣлать то же, что дѣлалъ Твардовскій, т. е. совершать тѣ же чудеса, какія совершалъ его господинъ.

— Великолѣпно,—говорилъ, онъ про себя,—я помню все, что и какъ дѣлалъ магистръ: знаю зелья, время ихъ сбора, приготовленіе лѣкарствъ; слѣдовательно, ничто не помѣшаетъ мнѣ испытать свое могущество и силу.. Я сдѣлаюсь тогда богачемъ, куплю деревню подъ Браковомъ и заживу бариномъ... Потомъ... а потомъ женюсь на дочери воеводы, которую видѣлъ на дняхъ, когда она ѣхала въ королевской коляскѣ изъ костела Пречистой Дѣвы въ королевскій замокъ... Почему знать? Быть можетъ и мнѣ улыбнется счастье, быть можетъ, мнѣ

удастся, какъ удалось моему барину. Вѣдь все, что онъ дѣлалъ, я знаю, какъ онъ дѣлалъ, и сдѣлаю то же, что и онъ, стоитъ только взяться за дѣло и припомнить всѣ слова и магическія заклятья, чародѣйскія навѣты и нашептыванья.

И Матюша усиленно работалъ мозгами, припоминая малѣйшія подробности волшебства Твардовскаго и повторяя съ апломбомъ:

— Да, да, я все знаю, мнѣ тоже удастся!..

И отъ радости Матюша потерялъ себѣ руки.

Его удивляло однако то обстоятельство, что, хотя онъ и помнилъ всѣ дѣйствія Твардовскаго, но не понималъ многого къ чему собственно клонились они, что, впрочемъ, нimalo не беспокоило его; онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые принимаютъ видъ и форму за сущность предмета и на остальное не обращаютъ никакого вниманія и считаютъ все мелочами.

Во время подобныхъ размышлений, у воротъ дома, гдѣ жилъ Твардовскій, остановился гонецъ и, привязавъ коня за кольцо подошелъ къ нему.

Судя по одеждѣ, посоль былъ, повидимому, отъ короля или отъ какого нибудь знатнаго магната. Одежда его, покрывшаяся густымъ слоемъ пыли, доказывала, что онъ издалека; пара пистолетовъ торчали изъ-за пояса, сбоку висѣла сабля, на головѣ надѣта шапочка съ сѣренькимъ перышкомъ, отороченная мерлушкой, а на сапогахъ, съ сафьянными отворотами, торчали огромныя шпоры.

— Здорово!—сказалъ прибывшій, соскочивъ съ коня и привязывая поводъ къ кольцу у воротъ.—Мнѣ сказали, что этотъ домъ принадлежитъ извѣстному магу Твардовскому, уроженцу Кракова... Такъ ли это?..

— Васъ не обманули.

— Значить, онъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь,—отвѣчалъ Матюша.

— Много лѣтъ здравствовать имъ за вѣрное указаніе его жилища,—сказалъ посоль, вынимая письмо изъ-за пазухи.—А дома его милость?

— Нѣтъ.

— А скоро вернется?

— Не думаю, чтобы скоро. Что же вамъ угодно отъ него?

— У меня есть важное порученіе къ нему... отъ старосты... я имѣю письмо... Но если его нѣтъ и если онъ не скоро вернется, значить, я понапрасну пріѣхалъ и не могу ничего отвѣтить моему господину...

— Быть можетъ, я могу быть чѣмъ нибудь полезнымъ,— сказалъ Матюша дрожащимъ голосомъ, поднимаясь на ноги.— Я ученикъ Твардовскаго и въ отсутствіе доктора заступаю его мѣсто,. Что онъ дѣлаетъ, то могу сдѣлать и я,—добавилъ онъ тихо и нерѣшительно.

— Въ самомъ дѣлѣ! — пробормоталъ съ недовѣріемъ посолъ.— Въ такомъ случаѣ, прочтите это письмо.

Съ этими словами нарочный отъ старосты подалъ Матюшѣ письмо.

Матюша взялъ пергаменный свертокъ, раскрылъ его и быстро пробѣжалъ глазами. Въ письмѣ излагалась просьба старосты о помощи въ одномъ важномъ дѣлѣ, которое онъ поручилъ послу лично передать Твардовскому.

Матюша спряталъ письмо за пазуху и смѣло спросилъ посланнаго:

— Разскажите мнѣ въ чемъ дѣло? Въ письмѣ говорится, что вамъ все извѣстно и что вы скажете все, что касается этого дѣла?

— Мнѣ строго приказано держать это дѣло въ тайнѣ и передать его на словахъ только лично Твардовскому. Но если вы ученикъ его и заступаете его мѣсто...

— Если не вѣрите мнѣ, можете спросить у кого угодно изъ здѣшнихъ жителей, которые могутъ только подтвердить мои слова,— возразилъ Матюша, махнувъ рукой въ сторону города.

— О, нѣтъ, я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ и передамъ просьбу старосты,— помолчавъ, сказалъ посолъ.— Дѣло въ томъ, продолжалъ онъ,—что староста боленъ ужъ нѣсколько лѣтъ. Ноги отказываются служить, глаза—смотрѣть, голова и руки трясутся, зубы повыпали и душу червякъ гложетъ. Несмотря на свою дряхлость, старику вздумалось жениться...

— Жениться, становясь ногой въ могилу!—вскричалъ изумленный Матюша.

— Именно, жениться,—продолжалъ посолъ,—и жениться

на молодой дѣвушкѣ, дочери каштеляна, близкаго своего со-
сѣда и даже родственника, въ надеждѣ оставить послѣ себя
потомка, такъ какъ онъ послѣдній въ родѣ и ему не хотѣлось
бы, умирая, просить изломать надъ могилой своей фамильный
гербъ, не желая оставлять его въ пользованіе другимъ. Дочь
каштеляна заливается слезами... ей очень не хочется выходить
за старика, который годенъ отцу ея въ дѣдушки, и говоритъ,
что подобный бракъ прогнѣвить Бога, да и людей насмѣшить.
Ксендзы держатъ ея сторону; повидимому, они подучены ба-
рышней... Мы не знали, что дѣлать и какъ пособить горю; но
вѣсть о чудесномъ перерожденіи бурмистра Сломки вскорѣ
распространилась повсюду и достигла старосты... Сначала онъ
не вѣрилъ ушамъ своимъ, потомъ послалъ за бурмистромъ,
котораго когда-то зналъ, и, конечно, увидѣвъ его, онъ повѣ-
рилъ слухамъ. Съ этой минуты въ голову его запала мысль
помолодѣть: — «Чего бы не стоило мнѣ это средство — сказалъ
онъ потомъ, — а я долженъ испытать его на себѣ; за это я
не пожалѣю всего моего богатства». И вотъ онъ позвалъ меня
и послалъ къ Твардовскому съ порученіемъ: не возьмется ли
онъ помолодить и его, за что предлагаетъ ему значительную
сумму.

— А, примѣрно, какъ значительна эта сумма? — спросилъ
любопытный Матюша.

— Тысяча венгерскихъ червонцевъ, — отвѣчалъ посолъ: —
часть этой суммы при мнѣ за поясомъ, а часть въ сѣдлѣ, и
если Твардовскій согласится на предложеніе старосты, я дол-
женъ отдать ихъ подъ его росписку.

— А, а! — воскликнулъ Матюша, качая головой: — если угодно
помолодѣть вашему старостѣ, то я могу сдѣлать это и безъ
доктора; вѣдь и бурмистра Сломку помолодилъ, собственно, не
Твардовскій, а я.

Тысяча несчастныхъ червонцевъ такъ соблазняли Матюшу,
что онъ въ первый разъ въ жизни позволилъ себѣ солгать;
корыстолюбіе овладѣло всѣмъ существомъ его и онъ рѣшился
на ужасный подвигъ.

— Если вамъ угодно, — продолжалъ онъ, — то, не теряя вре-
мени, я могу ѣхать съ вами къ старостѣ. Кстати, у меня
вѣсь зелья и мази уже готовы. Пока я приготовлю, что нужно,

вы потрудитесь прискаты для меня въ мѣстечкѣ хорошаго коня.

— Но... но увѣрены ли вы,—недовѣрчиво заикнулся посланный, — что вы можете исполнить то, за что беретесь... Дѣло идетъ вѣдь о жизни извѣстнаго магната и... старосты, а быть можетъ и о вашей...

— Увѣренъ ли я?—съ нѣкоторою проніей переспросилъ Матюша.—Конечно, увѣренъ, если берусь. Дѣло мастера боится; не впервой мнѣ орудовать такія дѣла,—говорилъ онъ, жадно поглядывая на сѣдло, къ которому привязанъ былъ мѣшокъ съ золотомъ, а затѣмъ, покачавъ головою и какъ бы нехотя прибавилъ. — Дѣлывалъ я и не такія чудеса, а это что... пустяки!..

— Но вы должны помнить, что прежде, чѣмъ приняться за эти «пустяки», за неуспѣхъ этого дѣла вы отвѣтите своею головою.

— Хорошо, хорошо! Буду имѣть въ виду; но вы все-таки подите за лошадю въ мѣстечко.

Случилось именно такъ, какъ мечталъ Матюша. Рѣшившись на ужасное дѣло, онъ не хотѣлъ оставлять своего намѣренія и, собирая всевозможные флаконы съ маслами, банки съ мазами и зельями, онъ припоминалъ подробности дѣйствій въ этомъ случаѣ своего господина. Сборы, конечно, были коротки, во время которыхъ посланный подыскалъ для него лошадь и поставилъ ее у воротъ.

Захвативъ съ собою все необходимыя для этой операціи снадобья, Матюша отправился съ послымъ въ путь.

Къ вечеру того же дня они пріѣхали въ замокъ старосты.

Окруженный глубокимъ рвомъ и каменными стѣнами, отчасти красными, отчасти же сѣрыми, замокъ стоялъ на песчаной горѣ; по угламъ его находились четыре остроконечныя круглыя башни съ бойницами. На валахъ видѣлись орудія; пушки и бомбы; изъ стѣнъ выглядывали въ узкія отверстія жерла смертоносныхъ орудій. Изъ-за стѣнъ видѣлись высокія дымовыя трубы замка. Подъ горою располагалось мѣстечко, застроенное крестьянскими и жидовскими хатами, наполовину каменными, наполовину деревянными; посреди мѣстечка протекала грязная рѣченка, надъ которою свѣшивались густыя

вѣтви плакучихъ ивъ съ тихо колеблющимися на нихъ листьями отъ легкаго прикосновенія вѣтерка.

На рыночной площади мѣстечка возвышалась старая деревянная церковь, а за нею вдали бѣлѣлись стѣны епархіальнаго костела; далѣе виднѣлась еврейская синагога съ изорванною крышей и блестящимъ шаромъ на плоскомъ куполѣ.

Такою-то представилась Матюшѣ столица староства, когда онъ вѣзжалъ въ нее, утопая по колѣно въ грязи въ сопровожденіи посланнаго старосты.

Проѣхавъ подъемный мостъ, который былъ опущенъ до ихъ прибытія, они торжественно вѣхали во дворъ замка, и хотя староста не могъ показаться въ этотъ вечеръ, но Матюша былъ принятъ придворными старосты съ подобающими почестями и гостепріимствомъ. Наѣвши и напившись вдоволь, Матюша легъ спать, но, несмотря на свою усталость, онъ не могъ заснуть: тяжелая работа, предстоявшая ему, и неувѣренность въ своихъ силахъ и опытности волновали кровь и мѣшали заснуть. Матюша раскаивался въ своей смѣлости, но отказаться было поздно; оставалось только бѣжать, но объ этомъ онъ и не думалъ пока и, рѣшивъ, что смѣлость города беретъ, онъ не унывалъ, къ тому же мысль о богатомъ вознагражденіи подкрѣпляла его.

На другой день Матюша потребовалъ для себя отдѣльную комнату, ванну, большой столъ и началъ дѣлать разныя приготовленія къ операциі. Матюша варилъ зелья, растиралъ мази, ѣлъ и пилъ вкусно, но не могъ заснуть, мучимый сомнѣніемъ и неувѣренностью въ успѣхѣ.

Прошло два дня въ приготовленіяхъ къ операциі; но староста все еще не показывался и Матюша, проходя мимо его комнатъ, слышалъ только удушливый кашель старика.

На третій день, окончивъ приготовленія, Матюша объявилъ, что все уже готово и пошелъ осматривать замокъ. Теперь ему невольно приходило на мысль, что, въ случаѣ неуспѣха, онъ долженъ приготовиться къ побѣгу, и съ этою цѣлью вышелъ на рекогносцировку замка. На бѣду его, замокъ, охраняемый стражею, снабженный подъемными мостами и окруженный глубокимъ ровомъ, не представлялъ возможности бѣжать; нужно было имѣть крылья, чтобы перелетѣть препятствія, представ-

лявшіяся ему въ видѣ желѣзныхъ воротъ и высокихъ стѣнъ. Матюша былъ пораженъ результатомъ своихъ разслѣдованій, однако не унывалъ.

Въ назначенный часъ, дряхлый старикашка, опираясь на плечи своихъ слугъ, вошелъ въ лабораторію Матюши. При видѣ дряхлаго старика, который отдавалъ себя въ жертву шарлатанства Матюши, лихорадочная дрожь пробѣжала по его тѣлу; онъ готовъ былъ отказаться отъ операціи, но стыдъ съ одной стороны, жажда обогащенія—съ другой и глупое упорство—съ третьей—превозмогли его колебанія, и онъ рѣшился не отступаться отъ страшнаго предпріятія.

Когда придворные удалились, Матюша далъ старику уснительнаго зелья, которое и подѣйствовало на него моментально. Онъ уже приготовился бросить тѣло въ котелъ, какъ вспомнилъ, что нужно прежде извлечь душу... Эта операція удалась ему блистательно, но, къ несчастью, въ попыхахъ, Матюша позабылъ закупорить сосудъ, въ который заключилъ душу старика и, очутившись на свободѣ, душа улетѣла.

Дальнѣйшія операціи Матюши шли благополучно и весьма удачно, но когда коснулось дѣло послѣдней операціи: впусканія души въ помолодѣвшее тѣло, Матюша замѣтилъ свой промахъ: души какъ не бывало. Напрасно онъ пытался розыскать ее, звалъ, сердился и выходилъ изъ себя, душа не возвращалась, и онъ готовъ былъ вложить ему свою душу, если бы видѣлъ, какъ дѣлаетъ это Твардовскій. Всѣ усилія оказались безуспѣшными. Страшный укоръ прочелъ онъ на молодомъ лицѣ старосты. Нѣсколько дней провелъ онъ въ ужасной ажитаціи, оставаясь наединѣ со своею жертвой и наконецъ, видя, что его неудавшееся шарлатанство можетъ быть открыто, рѣшился спастись бѣгствомъ. Изнуренное лицо его, убитое горемъ и отчаяніемъ, не предвѣщало ничего хорошаго, и слуги, замѣтивъ это, начали слѣдить за нимъ... Срокъ, назначенный для этой операціи, давно уже кончился, а это собственно и дало поводъ наблюдать за настроеніемъ его фізіономіи и увеличило подозрѣніе. На всѣ вопросы придворныхъ, когда окончится операція, Матюша отвѣчалъ неопредѣленно и уклончиво; отлагая со дня на день представленіе молодого старосты двору и измышляя неожиданныя пренятствія, Матюша посылалъ за

новыми зельями, чтобы какъ нибудь выиграть время для своего побѣга и при первомъ удобномъ случаѣ дать стрелка, хоть въ оврагъ, наполненный грязною водою.

— Лукавый попуталъ меня взяться не за свое дѣло,—говорилъ онъ самъ себѣ, приходя въ отчаяніе и ломая руки.— Лучше бы я спалъ у себя спокойно дома... Это несчастное золото будетъ стоять мнѣ собственной жизни.

Не видя никакого исхода, Матюша покорился своей судьбѣ и готовился къ вѣрной смерти. Одно чудо могло только спасти его...

Однажды вечеромъ, когда дворня, утомленная безсонно проведенными ночами, предалась сладкому сну, Матюшѣ какъ-то удалось улизнуть за ворота замка, которыя усиленно охранялись въ это время, и павѣрное онъ скрылся-бы отъ погони, если бы пошелъ окольными путями; но, потерявъ присутствіе духа, онъ направился по большой дорогѣ, и это его погубило.

Проснувшаяся дворня помчалась въ погоню и вскорѣ настигла его. Скрутивъ руки, Матюшу бросили въ сырой подвалъ.

Извѣстіе объ ужасной смерти старосты подняло тревогу во всемъ староствѣ и облетѣло все прилежавшія къ нему окрестности. Дали знать роднымъ и властямъ. Вскорѣ съѣхались все наслѣдники большихъ помѣстій и богатствъ старосты, ждавшіе съ нетерпѣніемъ его смерти. Фальшивыми вздохами они выражали свое горе по поводу постигшаго ихъ несчастья, но въ душѣ радовались и благословляли Матюшу.

Въ то время, когда съѣхавшіеся священники служили панихиды, въ другой комнатѣ происходилъ судъ надъ Матюшей, который приговаривался имъ, какъ чародѣй, на медленное сожженіе на кострѣ.

Похороны старосты, конечно, были торжественны. За гробомъ шелъ виновникъ смерти старосты, Матюша, закованный въ цѣпи, съ факеломъ въ рукѣ и одѣтый въ сѣрый саванъ. Не менѣе торжественную казнь готовили родственники покойника человѣку, которому обязаны были своимъ обогащеніемъ, наслѣдствомъ... Но спасти его было не въ ихъ власти.

Такимъ образомъ алчность къ деньгамъ вела неопытнаго Матюшу на костеръ.

Наканунѣ казни на площади рынка начали дѣлать при-

готовленія, возили дрова и укладывали ихъ въ огромный костеръ. Палачъ уже былъ привезенъ изъ ближайшаго города и находился при Матюшѣ.

Это было въ субботу, ровно черезъ недѣлю послѣ похоронъ старосты; въ воскресенье утромъ назначена была казнь.

Къ счастью, Матюша былъ набоженъ; воспитывался въ Краковѣ, гдѣ набожность онъ всосалъ съ молокомъ матери, хранимый Богомъ, онъ избѣгалъ всѣхъ колючихъ шиповъ жизни и въ данную минуту обращался съ горячею мольбою ко Господу и просилъ простить его прегрѣшенія. Наканунѣ заслуженной имъ смерти онъ предался размышленію о готовящейся ему вѣчной жизни на томъ свѣтѣ, гдѣ за столь святотатственное дѣло онъ будетъ горѣть въ гееннѣ вѣчной, какъ чародѣй и убійца. Хотя онъ и былъ соучастникомъ тайныхъ дѣлъ своего учителя, но самъ никогда не видѣлъ черта, не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній и не отрекался отъ Бога. Раскаваніе его поэтому было неподдѣльно и искренно въ послѣднія минуты.

— Прости меня, великій Боже, и помилуй! Я заслужилъ то, что меня ожидаетъ, по глупости и неразумію моему,— говорилъ Матюша, заливаясь горькими слезами.

Въ то время, когда Матюша, стоя на колѣняхъ въ углу темницы, взывалъ ко Господу, дверь тюрьмы заскрипѣла на заржавленныхъ петляхъ и въ темницу вошелъ какой-то странствующій монахъ, потому что мѣстный настоятель и викарій не возвратились еще съ похоронъ старосты, тѣло котораго провозжали въ фамильный склепъ, находившійся въ монастырѣ августинцевъ въ Брестъ-Литовскѣ.

Матюша рыдалъ, ставъ на колѣни передъ священникомъ и готовясь къ исповѣди.

— Согрѣшилъ, отецъ духовный,— всхлинувъ, проговорилъ онъ.

Въ отвѣтъ на свое признаніе онъ услышалъ сардоническій смѣхъ монаха; въ эту минуту лучъ свѣта, прорывающійся чрезъ рѣшетчатое окно въ тюрьму, освѣтилъ его лицо... Матюша вздрогнулъ, услышавъ знакомый ему смѣхъ и узнавъ лицо: передъ нимъ стоялъ Твардовскій.

Матюша едва не лишился чувствъ и упалъ къ ногамъ

учителя, мщенія котораго боялся больше, чѣмъ казни на кострѣ. Твардовскому сдѣлалось жаль несчастнаго, но вѣрнаго слугу.

— Славную же ты заварилъ кашу!..—сказалъ Твардовскій.—Видишь, куда привела тебя безразсудная глупость... Что дѣлать?.. Теперь ты на одинъ шагъ отъ костра и никакая человѣческая сила не въ состояніи освободить тебя.

— Знаю и каюсь въ своихъ прегрѣшеніяхъ; но эти несчастные червонцы искусили меня, благодѣтель мой. Изъ-за нихъ я погибну по неразумѣнію своему. Каюсь!..

— Ты всегда былъ порядочнымъ малымъ и добрымъ слугою,—сказалъ Твардовскій,—зачѣмъ же ты взялся не за свое дѣло, которое выше человѣческихъ понятій?..

— Не укоряй меня, благодѣтель,—отвѣчалъ Матюша со слезами:—я безропотно подвергнусь своей участи и искупаю вину мою смертію на кострѣ; не напоминай мнѣ моей черной неблагодарности, которую я учинилъ за тысячу червонцевъ и рѣшился промѣнять твое благодѣяніе на презрѣнный металлъ.

— А чѣмъ бы ты мнѣ отплатилъ теперь, если бы я спасъ тебя отъ казни?—спросилъ Твардовскій рыдающаго Матюшу.

— Чѣмъ?—вскричалъ обрадованный Матюша, въ мысляхъ котораго мелькнулъ лучъ надежды на спасеніе...—Чѣмъ же я могу отплатить тебѣ, кромѣ вѣчной преданности?.. Душа моя и тѣло будутъ вѣчно принадлежать тебѣ, которыми ты распоряжайся по своему усмотрѣнію. Я буду твоимъ невольникомъ, рабомъ, всѣмъ, чѣмъ ты прикажешь быть...

— Поклянись, что ты свято будешь исполнять всѣ мои приказанія, какъ бы они тяжелы и суровы ни были для тебя.

— Блянусь!—вскричалъ Матюша,—и сдержу свою клятву свято и нерушимо, пойду за тобою всюду, хотя бы въ самый адъ, во всякую минуту жизни.

— Помни же, что ты присягнулъ мнѣ. Теперь встань и слѣдуй за мною... Повторяю, однако, что при первой попыткѣ измѣнить мнѣ, тебя ждетъ жестокая смерть.

— Да поразить меня рука твоя при одной мысли объ измѣнѣ тебѣ, моему благодѣтелю!..

— Теперь молчи и слѣдуй за мною.

Съ этими словами Твардовскій взялъ его за руку и, отворивъ дверь, вышелъ изъ темницы. Матюша съ удивленіемъ

смотрѣлъ на стражу, которая пропустила ихъ... Тѣмъ болѣе онъ былъ пораженъ, когда Твардовскій, выйдя изъ темницы, указалъ ему чрезъ бойницу на площадь рынка, полную народа, ожидавшаго казни преступника.

— Смотри, сказалъ онъ, — минута твоей смерти ускорена, и преступникъ идетъ на костеръ.

Матюша смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Онъ видѣлъ собственную свою фигуру, идущую на костеръ, и чувствовалъ себя безпечнымъ и невредимымъ; онъ плакалъ надъ собственной своей фигурой, и ничего не понималъ и боялся разспросить о томъ Твардовскаго. Онъ видѣлъ, какъ народъ двигался за осужденнымъ, чтобы посмотреть на его мученическую смерть, видѣлъ, какъ палачъ взвелъ его на костеръ, какъ подложилъ огонь и какъ поднялись огненные языки пламени, достигавшія ногъ преступника; видѣлъ наконецъ, какъ фигура его ежилась и корчилась на костре, какъ пламень объедалъ его... Между тѣмъ онъ стоялъ рядомъ съ своимъ избавителемъ и убѣжденъ былъ, что онъ живъ, что онъ не спитъ и все это видитъ на яву. Но вдругъ, когда пламя поднялось высоко и охватило приговореннаго на казнь, фигура измѣнилась и вмѣсто настоящаго преступника оказался кулъ соломы, который вѣтеръ подхватилъ и, разнося по крышамъ мѣстечка, превратилъ его въ сплошную массу огня. Теперь только понималъ Матюша, чѣмъ былъ обязанъ своему спасителю и какъ долженъ былъ онъ цѣнить его защиту отъ вѣрной и неминуемой смерти. Народъ, увидѣвъ такое чудо, началъ креститься и разбѣжался по домамъ спасать свое имущество; между тѣмъ Твардовскій и Матюша бѣжали изъ замка, оставляя позади себя озеро пламени и шумъ и крикъ плачущаго народа.

— Помни, Матюша, — сказалъ Твардовскій, — держи свое слово крѣпко, потому что мы возвращаемся теперь въ Краковъ, гдѣ вскорѣ понадобятся мнѣ твои услуги.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Часть II.

I.

Какъ Твардовскій задумалъ пуститься въ свѣтъ.

Твардовскій по прежнему сидѣлъ у себя въ кабинетѣ въ Краковѣ, и по прежнему, какъ бывало на Кржеменкахъ, тревожили его мрачныя мысли. Онъ чувствовалъ опять, что ему многого недоставало для того, чтобы вполнѣ быть счастливымъ и великимъ человѣкомъ, извѣстнымъ не только въ своемъ краѣ, но и всему свѣту.

— Чего, собственно, недостаетъ мнѣ? — спрашивалъ онъ себя. — Я имѣю власть, науку, которой такъ горячо желалъ, все поворачивается и преклоняется мнѣ. Чего же еще?

И со смѣлостью мудреца, который не боится углубляться и созерцать свою душу, Твардовскій заглядывалъ въ нее, какъ докторъ, который смотрѣлъ на больного, стонущаго отъ тяжелой болѣзни, стараясь проникнуть въ его тѣло и извѣдать причину болѣзни, скрытую отъ глазъ неопытныхъ людей.

— Что же наконецъ со мною? Что мнѣ надобно? — продолжалъ онъ про себя. — Вѣдь достигъ я знанія и власти. Есть-ли въ мірѣ еще такое счастье, которое переходило бы предѣлы власти и науки?.. Можетъ ли быть что нибудь выше этого счастья?..

При этомъ вопросѣ онъ становился втупикъ, а дьяволъ между тѣмъ шепталъ ему на ухо:

— Есть иное счастье, котораго ты не успѣлъ испытать. Ты знаешь свѣтъ, многое имѣешь въ своей власти, но больше

еще скрыто отъ тебя, чѣмъ ты видѣлъ и чѣмъ до сихъ поръ не успѣлъ воспользоваться.

При этой мысли, мелькнувшей, какъ молнія, въ его головѣ, Твардовскій задрожалъ, потому что эта мысль была *всѣхъ мыслей мать*, отъ которой происходили тысячи разнообразныхъ мыслей, другъ друга краше и соблазнительнѣе.

— Нужно ли, — говорилъ онъ про себя, — обладать знаніемъ и властью для того, чтобы пользоваться жизнью и счастьемъ наравнѣ съ людьми, съ этого чернью, которая живетъ и пользуется счастьемъ, не понимая свѣта и жалуясь на него? Не лучше-ли, зная все, не прикасаться ни къ чему, не смѣшиваться съ толпою, не пятнать себя ея слабостями и стоять выше всѣхъ свѣтскихъ удовольствій и наслажденій, которыя дѣлаютъ человѣка невольникомъ своего тѣла и свѣта? Нужно ли мнѣ, человѣку отдѣленному отъ людей наукой и властью, соединиться съ низкими инстинктами массы, равняться съ нею въ ея глупой разнузданности и пить мутную воду изъ одного источника жизни?.. Кто, наконецъ, увѣритъ меня, что, соединившись съ людьми, я буду счастливъ и доволенъ, что это соединеніе составитъ для меня все, удовлетворитъ мое самолюбіе, жажду знанія и власти, словомъ, всѣ мои желанія?.. Кто увѣритъ меня въ томъ, что, разъ я выпущу изъ рукъ своихъ бразды, не удержусь на всѣмъ бѣгу на мѣстѣ и не захочу выпить мутной чаши до дна съ осадкомъ и подонками?.. Стоитъ — ли, въ такомъ случаѣ, унижать себя ради глупыхъ, безцѣльныхъ животныхъ наслажденій?.. Но это-ли, въ сущности, безпокоитъ и мучитъ меня, или что другое?..

Разсуждая такимъ образомъ, Твардовскій былъ увѣренъ однако въ противномъ: испытывая земное счастье, ему хотѣлось испытать жизнь, со всѣми ея удовольствіями и наслажденіемъ, распусить возжи и мчаться въ міръ, шумящій и клокочущій свѣтъ, въ водоворотъ жизни со всѣми ея невзгодами, счастьемъ и горемъ.

— Мнѣ нетрудно воспользоваться свѣтомъ, изучить его подробно и сдѣлаться счастливымъ, — сказалъ про себя Твардовскій.

Рѣзкій ироническій смѣхъ былъ отвѣтомъ на эти слова; позади него стоялъ дьяволъ, слѣдившій за его мыслями.

— Опять ты здѣсь, сатана?

— Всегда и вездѣ съ тобою, другъ мой, отвѣчалъ дьяволъ.— Могу ли я разстаться съ тобою?.. Я слѣдилъ за душевною твоею борьбою съ тѣломъ и расхохотался, потому что ты увѣрено сказалъ, что будто бы тебѣ легко воспользоваться свѣтомъ и изучить его.

— Чтожъ тутъ смѣшного?.. Мнѣ кажется, что желаніе мое очень естественно!..

— Потому что оно пришло къ тебѣ не своевременно, какъ я и предсказывалъ тебѣ. Оглянись кругомъ, посмотри на себя, каковъ ты есть: вѣдь наука и трудъ обезсилили тебя, истощили, изломали, исковеркали и изуродовали; душа твоя, какъ левъ, запертый въ кліткѣ, рвется на свободу, жаждетъ ея, стремится всѣми своими помыслами. Но не забудь, что не отъ преклонныхъ лѣтъ забѣлѣлись твои волосы, не отъ дряхлости и хилости рѣдѣютъ они и падаютъ, какъ перезрѣвшій плодъ; не отъ старости провалились твои глаза и окаймлены багровыми кругами, точно отъ усиленнаго труда и разврата; лицо сморщилось и высохло, какъ пергамень, фигура согнулась, точно подъ тяжестью непосильной ноши. Все это не отъ старости и дряхлости, Твардовскій. Ты сжился, сроднился съ твоей научной тишиною, знаешь книги; но знаешь ли ты людей. знаешь ли женщинъ, безъ которыхъ нельзя воспользоваться благами свѣта? Сумѣешь ли ты, мудрецъ, помочь себѣ въ минуты испытанія свѣта, который извѣстенъ тебѣ только по книгамъ? Я увѣренъ, что первая крестьянская дѣвушка проведетъ тебя въ практической жизни; тогда какъ ты знаешь ее только по теоріи.

Твардовскій, увѣренный въ себѣ, въ свою очередь разсмѣялся.

— Смѣйся, смѣйся, — сказалъ дьяволъ, поднимая хвостъ, — увидимъ, кто изъ насъ послѣднимъ будетъ смѣяться. Но предупреждаю тебя, что знать свѣтъ по теоріи и на практикѣ, какъ знаютъ живущіе въ немъ — двѣ вещи разныя. Возьми, напримѣръ, цвѣтокъ, названіе котораго ты можешь сказать на всѣхъ языкахъ, исчислишь всѣ его цѣлительныя свойства и качества, но тебѣ не вплести его въ вѣнокъ съ такою ловкостью, какъ вплететъ его деревенская дѣвушка; ты не сдѣ-

лаешь изъ него вкусную приправу къ кушаньямъ, какъ сдѣлаетъ это поваръ или кухарка... Точно также и со свѣтомъ, какъ съ этимъ цвѣткомъ: ты ничего не сдѣлаешь съ нимъ по теоріи, а нужно изучить его на практикѣ, прежде чѣмъ пускаться въ этотъ водоворотъ, узнать, какъ знаютъ его всѣ, вращающіеся уже въ немъ и держащіе его въ своихъ рукахъ; каждый изъ живущихъ долженъ смотрѣть на него не только съ теоретической точки зрѣнія, но и съ практической, потому что, одинъ человѣкъ наблюдаетъ за свѣтомъ, а другой пользуется имъ.

— Повидимому, не особенно свѣтъ мудренъ, когда столько глупцовъ пользуются имъ, — возразилъ Твардовскій.

— Глупцовъ? Пожалуй, ты правъ, но эти глупцы оказываются на практикѣ мудрецами въ сравненіи съ тобою, — сказалъ дьяволъ. — Они весь вѣкъ вращаются въ немъ и служатъ ему; они увѣрены въ томъ, что дѣлаютъ; знаютъ его въ малѣйшихъ подробностяхъ не по одному только скотскому инстинкту; угождая своему тѣлу и пользуясь благами свѣта, они, слѣдовательно, изучили его. Повторяю, что слишкомъ поздно пришла тебѣ мысль пользоваться жизнью, о которой я давно намекалъ тебѣ, потому что жить и не пользоваться свѣтомъ, хотя бы такъ, какъ пользуются имъ глупцы, значитъ, не знать свѣта и самого себя.

— Но развѣ нельзя добраться до этихъ тайнъ посредствомъ разсудка, проникнуть въ нихъ и усвоить инстинктивно?..

— Все это возможно по теоріи, но на практикѣ не примѣнимо. Теорія отъ практики такъ далека, какъ небо отъ земли, и только неопытный человѣкъ можетъ выводить начала жизни и науки изъ теоріи. Разсужденіе надъ дѣйствіями человѣка въ жизни, не испытавъ эту жизнь на практикѣ, это — умышленная порча и искаженіе самого себя. Теоріей служить человѣку его собственный врожденный инстинктъ, и всякая другая теорія — смѣшна, бесполезна и даже вредна.

— Все это одни парадоксы, — возразилъ Твардовскій; — впрочемъ, посмотримъ.

Дьяволъ улыбнулся и исчезъ, а Твардовскій опять углубился въ размышленія. Его сердце и раздражало постоянное шпіонство дьявола. Желая избавиться отъ несноснаго свидѣ-

теля невольныхъ мыслей и словъ, онъ рѣшился предаваться размысленіямъ въ тиши, бесѣдуя только внутренно съ своей душою, тайны которой недоступны дьяволу.

Размысленія эти вскорѣ привели его къ самому плачевному результату; онъ начиналъ сожалѣть о прошедшихъ годахъ своей юности, проведенной въ наукѣ. Дьяволъ зналъ, что этимъ собственно и должно кончиться.

— Что я выигралъ! — спрашивалъ онъ себя. — Немного славы!.. Но, что такое слава?.. Ароматъ, который распространяется въ воздухѣ отъ выдыханія цвѣтовъ и затѣмъ поглощается какою-нибудь вонью изъ помойныхъ ямъ... Что мнѣ въ славу, когда она не удовлетворяетъ требованій моей души?.. Послѣдній глупецъ чувствуетъ себя счастливѣе въ объятіяхъ женщины, чѣмъ я въ вѣнцѣ славы!.. Жаль мнѣ потеряннаго времени, ясныхъ юношескихъ дней, исполненныхъ жизненной силы и предназначенныхъ для удовольствій свѣта, тѣхъ свѣтлыхъ весеннихъ дней моей жизни, которые я провелъ въ трудѣ науки, и что же получилъ я въ награду?.. Разстроенное здоровье, блѣдныя воспоминанія и славу, — смѣшное слово, изобрѣтенное людьми отъ бездѣлья, фальшивая монета, на которую можно приобрести многое, если бъ ее принимали въ обращеніе... Религія славы — это одно изъ древнихъ вѣрованій человѣка... Каждая же религія должна вознаграждать вѣру какими-нибудь обѣщаніями, тогда какъ слава не обязана ничѣмъ, — хуже, она вовсе не вознаграждаетъ, а платитъ обманомъ. Какая же это слава и въ чемъ она состоитъ? Не въ томъ ли, что на меня указываютъ пальцами, какъ на чудо, что шепчутся между собою дураки, что всѣ обращаютъ на меня вниманіе, когда я иду?.. Однако, сколько такихъ, которые меня не знаютъ и никогда не слыхали обо мнѣ; сколько есть такихъ, которые не думаютъ и не говорятъ о моей славу?.. О, какъ много забвенія на одну унцію воспоминаній!.. Стоить ли ради такого миниатюрнаго вознагражденія жертвовать собой?

Волнуемый подобными мыслями, Твардовскій вздыхалъ, сожалѣя о потерянной жизни и рисуя себѣ лучшую будущность. Онъ рѣшился идти другимъ путемъ и испытать все, что до сихъ поръ не успѣлъ испытать. Въ успѣхѣхъ онъ не сомнѣ-

вался; онъ былъ увѣренъ, что свѣтъ преклонится передъ нимъ, откроетъ ему свои дружескія объятія и приготовитъ ему ложе изъ розъ. Однако, онъ горько ошибся, полагая, что время еще не ушло для пользованія жизнью, несмотря на то, что большая ея половина проведена имъ въ трудъ и наукъ, истощившихъ всѣ его силы.

Твардовскій разсердился и пошвырялъ всѣ книги въ уголь; онъ пошелъ въ свѣтъ, увѣренный, что проникнетъ въ него сквозь призму своей науки, мудрости и славы... Но, увы! Когда онъ вошелъ въ него, передъ нимъ открылся новый и совершенно ему невѣдомый свѣтъ, о которомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія... Глаза мудреца видѣли только скелетъ свѣта, но нужно было видѣть его глазами влюбленного и быть любимымъ, чтобы проникнуть въ жизнь, движеніе и душу этого свѣта. Каждый предметъ, на который падалъ его неопытный глазъ, представлялся ему въ иномъ видѣ; во всемъ онъ искалъ удовольствій и наслажденій, и тогда только открылась передъ нимъ таинственная завѣса, обнаружившая передъ нимъ всѣ прелести свѣта. Но въ то же время онъ почувствовалъ себя неспособнымъ пользоваться прекрасными дарами жизни и понялъ что устарѣлъ для нихъ, а чувства его притупились, заглохли, какъ фіалка между крапивой. Напрасно онъ подстрекалъ себя къ жизненной дѣятельности: состояніе его органовъ уподоблялось человѣку, разбитому параличемъ, который, несмотря на свою неспособность къ движенію, желаетъ пуститься въ плясъ.

Грустно было его положеніе, а грустиѣ—мысли, которыя возбуждались вліяніемъ наркотическихъ впечатлѣній шумной и жизненной дѣятельности.

Онъ видѣлъ женщинъ, настоящихъ херувимовъ, къ которымъ никогда не прикасался, и чувствовалъ, что онѣ не могутъ полюбить его, потому что не существуетъ безкорыстной любви, потому что, отдавая все, нельзя не взять что-нибудь. Что же онъ могъ дать взаменъ молодой, дышащей жизнью жертвѣ? Иссохшее тѣло, сердце безъ огня и потухающій взглядъ, желаніе безъ удовлетворенія.

Неоднократно онъ видѣлъ женщинъ, при взглядѣ на которыхъ невольно вспоминались ему ангелы на небѣ, къ кото-

рымъ бы онъ вознесся и съ ними парилъ тамъ, какъ орелъ, но въ то же время онъ чувствовалъ себя безсильнымъ, безкрылымъ и стоящимъ одной ногой въ... аду.

Видѣлъ онъ сладострастныхъ женщинъ съ полуоткрытыми устами къ поцѣлюю, съ роскошною бѣлою грудью и пылающими глазами—и не могъ назвать ихъ своими. Какую цѣну могъ имѣть для нея ветхій, худой, согбенный мудрецъ?.. Кромѣ раскаянія—ничего!.. А гдѣ раскаяніе — любовь далека и неприступна.

Видѣлъ онъ дѣвушекъ, при взглядѣ на которыхъ возбуждается мысль о первой любви, о раѣ, о цѣломудріи. Но какая связь могла быть между нимъ и ими?..

Видѣлъ онъ взрослыхъ дѣвицъ, которыя смѣло глядятъ на свѣтъ, чувствуя, что онѣ необходимы ему, какъ насущный хлѣбъ; но могли ли надежды ихъ согласоваться съ его холодною мудростью?..

Видѣлъ онъ и полуувядшихъ женщинъ, которыя, сидя на огненномъ конѣ любви, находятся, такъ сказать, на перепутьѣ, между молодостью и старостью, но еще не старухи; онъ смотрѣлъ на нихъ взглядомъ желанія, потому что они имѣютъ свою цѣнность въ глазахъ мужчинъ; но могла ли и такая женщина избрать для себя слабаго старика, высохшаго надъ книгами, которой нужно, какъ Давиду, освѣжиться молодыми силами человѣка, подышать его дыханіемъ, напоминающимъ ей тѣ лѣта, о которыхъ онъ не смѣетъ вспомнить.

Видѣлъ Твардовскій счастье богачей, пышность, роскошь и жизнь,—жизнь сибаритовъ нероновскаго Рима, проведеншаго въ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ различнаго рода, и хотѣлъ испытать эту жизнь, перечувствовать ее всѣми своими помыслами, но сознавалъ, что чувства его негодны для такого счастья, съ которымъ сродняется сибаритъ съ колыбели, для которыхъ онъ рожденъ.

Видѣлъ онъ столы, гнувшіеся подъ тяжестью яствъ и напитковъ и хотя чувствовалъ ихъ щекочущій запахъ, раздражающій вкусъ, но въ то же время былъ увѣренъ, что онъ не можетъ воспользоваться и этимъ наслажденіемъ, что онъ привыкъ къ обыкновеннымъ блюдамъ, которыя лишь поддерживали его существованіе.

Такъ мелькали передъ Твардовскимъ всѣ наслажденія жизни и свѣта, и, мелькая мимо него, казалось, плевали ему въ глаза и кричали съ укоромъ:

— „Прочь, негодный старикашка: скройся подъ свой дырявый плащъ гордой науки и живи съ нею въ своемъ книжномъ хламѣ!.. Не прикасайся къ нашей святынѣ, ибо ты старъ для насъ!“

Такимъ образомъ Твардовскій убѣдился, что время удовольствій давно миновало для него и что дьяволъ былъ правъ, говоря, что онъ негоденъ для свѣта; онъ убѣдился теперь, что для удовольствій и наслажденій необходимы свѣжія силы, чувства и сердцѣ, неизрасходованное въ борьбѣ съ наукой; что съ началомъ его знанія, начинали расходоваться силы и чувства; что въ то время, когда одна половина начинала дѣйствовать, вторая находилась безъ движенія, въ полубытіи.

Грустный и унылый Твардовскій, повѣсивъ голову, смотрѣлъ и думалъ.

— Что же еще дать мнѣ свѣтъ?.. Что еще осталось для меня въ немъ? Нѣтъ ли какого исхода выкарабкаться изъ этого положенія?.. Я продалъ душу мою за желаніе быть счастливымъ, но ошибся въ выборѣ: меня ослѣпила наука!.. Неужели же я долженъ остаться такъ на всю жизнь, не испытавъ удовольствій свѣта и не удовлетворивъ себя, какимъ остался, испытавъ науку?.. Да, это большой вопросъ! Неужели жизнь—одна горькая иронія?

Въ первый разъ Твардовскій вдавался въ подобныя мысли и чувствовалъ себя уничтоженнымъ сверхъестественною, непонятною для него силою; передъ нимъ возставали, покрытыя дымкою тумана, отрадныя воспоминанія молодости и проходили мимо, какъ призракъ. Онъ видѣлъ въ синѣющей туманной дали свои дѣтскія лѣта, невинныя чувства и вѣрованія, съ которыми былъ такъ счастливъ, и теперь невольно сожалѣлъ, что не могъ возвратиться къ минувшимъ днямъ; онъ чувствовалъ, что это была лучшая минута жизни, — минута счастья и надеждъ!.. За эту минуту онъ готовъ былъ пожертвовать своей душой, если бы имѣлъ вторую въ своемъ распоряженіи.

Злая иронія судьбы!

— Значить, и ничего не осталось для меня; только одна надежда?..—воскликнулъ онъ въ душѣ.—Но не умиѣ ли тотъ, кто живетъ надеждами, не касаясь дѣйствительности?.. Впрочемъ, и у меня есть надежда воспользоваться благами свѣта, и, въ ожиданіи лучшаго, буду жить ею!..—рѣшилъ онъ, ради успокоенія своей совѣсти.

II.

Какъ Твардовскій влюбился и какъ удовлетворилъ свою любовь.

Одинъ изъ профессоровъ медико-хирургической академіи жилъ въ Краковѣ, который случайно женился и имѣлъ прехорошенькую дочь, такъ же, быть можетъ, случайную, какъ и его женитьба. Ганна была ангельской красоты, съ блѣдноватымъ личикомъ, золотистыми волосами и черными глазами, прожигавшими насквозь. На устахъ ея играла плутовская улыбка, не знающая, что такое завтрашній день, увѣренная во всемъ, начиная съ людей и кончая добродѣтелью; она не знала эгоизма, но понимала самопожертвованіе и знала цѣну ему въ жизни.

Такою была Ганна, которую Твардовскій избралъ для себя предметомъ любви. Глупый старикъ думалъ, что сойдется съ нею во всемъ, что они поймутъ другъ друга, тогда какъ ихъ раздѣляло цѣлое море препятствій, цѣлые вѣка.

Прелестная Ганна, чувствовавшая на себѣ взглядъ не менѣе прекраснаго юноши, который при встрѣчѣ съ нею покрывался румянцемъ стыдливости и говорилъ ей глазами: «я люблю тебя», — прелестная Ганна отскочила отъ мудреца, который осмѣлился приблизиться къ ней и отъ котораго нахло затхлостью книжной премудрости, гордой славой и ученостью, холодною и сухостью формализма; она отскочила отъ изсохшаго и морщинистаго старикашки, думая, что столкнулась съ нимъ случайно. Но когда Твардовскій подошелъ къ ней во второй и третій разъ, когда въ потухающемъ взорѣ Твардовскаго она угадала его стремленіе, она начала бояться его и сильно призадумалась.

— Неужели это мой суженый? — съ ужасомъ подумала она, вспомнивъ при этомъ поговорку: «Богъ предназначаетъ дѣвущѣ мужа, мужчинѣ — жену, а обоимъ — смерть».

Однако Твардовскій не унывалъ и не приходилъ въ отчаяніе отъ холодности Ганны, которая хоть и оскорбляла его самолюбіе, но онъ надѣялся расположить къ себѣ молодую дѣвущку, покоряющуюся одному взгляду какого нибудь молодкососа и не сдававшуюся побѣдителю науки и человѣческой мудрости. Теперь только онъ замѣтилъ, что мудрость его не совершенна, потому что мнѣніе свѣта называетъ мудрецомъ лишь того, кто извѣдалъ и испыталъ жизнь, кто жилъ въ свѣтѣ и понималъ его. Твардовскій же зналъ о немъ только по слухамъ, по теоріи.

Между тѣмъ онъ шелъ далѣе и не терялъ надежды со временемъ понравиться молодой красавицѣ. Напрасно сидѣлъ онъ по нѣсколько часовъ возлѣ Ганны и говорилъ о своей премудрости, — она слушала и зѣвала. Ганна смотрѣла на него не-то съ изумленіемъ, не-то читая на его морщинистомъ лицѣ о великой славѣ; дивилась его уму, уважала, но любить не могла. Потухающимъ взоромъ онъ далеко не могъ выразить ей свою любовь, не осмѣливаясь въ то же время высказать ее на словахъ, которыя сдѣлали бы его въ ея глазахъ смѣшнымъ. И несмотря на все это, Твардовскій однако не терялъ надежды, хотя это было простое ослѣпленіе эгоизма, но онъ утѣшалъ себя софизмами любовника, который вѣритъ въ свою счастливую звѣзду.

— Не сегодня, такъ завтра она сдастся на капитуляцію, — твердилъ онъ себѣ, и отходилъ отъ молодой дѣвущки безъ надежды, а затѣмъ снова возвращался къ ней.

Наступало и ожидаемое «завтра», а Ганна дѣлалась холоднѣе и равнодушнѣе, боясь въ то же время, чтобы отецъ не выдалъ ее за Твардовскаго противъ ея воли. Холодность и равнодушіе, наконецъ, перешли въ презрѣніе и ненависть, но она молчала. Сначала Ганна была довѣрчива, какъ дитя, но, обдумавъ свое положеніе, начала избѣгать его; передъ нимъ розовыя губки ея складывались въ гримасу, морщилось бѣлое чело... Бесѣдуя съ нимъ, она отмалчивалась и, вмѣсто отвѣтовъ, съ недовѣріемъ и грустью качала головой.

Несмотря на видимую холодность, Твардовскій ходилъ къ ней ежедневно и просиживалъ долгіе часы, откладывая со дня на день рѣшительное объясненіе, которое казалось ему преждевременнымъ и смѣшнымъ.

Наконецъ онъ рѣшился объясниться и выпалилъ залпомъ все, что чувствовалъ къ молодой дѣвушкѣ. Ганна разсмѣялась ему въ глаза, просила не шутить съ нею такъ жестоко и, оставивъ растерявшагося Твардовскаго, убѣжала.

Пристыженный и озлобленный Твардовскій проклялъ всѣхъ женщинъ и заперся у себя въ комнатѣ, обдумывая средство, которое могло бы приворожить къ нему молодую дѣвушку, которое онъ совѣтовалъ многимъ и хотѣлъ теперь испытать на ней. Но, находя себя еще недостаточно влюбленнымъ, онъ не желалъ прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, которыя могли пригодиться ему только въ крайнемъ случаѣ. Ему хотѣлось только испытать себя, могъ ли онъ возбудить любовь въ женщинѣ, не прибѣгая ни къ какимъ постороннимъ вспомогательнымъ средствамъ. Убѣдившись въ противномъ, онъ бросилъ Ганну, не жалѣя потеряннаго времени, проведеннаго съ нею въ безцѣльной бесѣдѣ, и потраченныхъ понапрасну словъ, которыя расточалъ на любезности и восхваленія красоты женщинъ; не жалѣлъ потому, что любовь его находилась не въ сердцѣ, а въ головѣ, откуда ее такъ легко вытѣснить.

Онъ разсудилъ потомъ, что Ганна была слишкомъ молода для него и рѣшился искать зрѣлой женщины, которая бы любила его.

Конечно, найти было не трудно. У краковскаго бурмистра и ратмана Вейгеля была дочь, немного похуже Ганны, но зато умнѣе и постарше первой: ей считалось не болѣе двадцати трехъ лѣтъ, но, по всей вѣроятности, родительская любовь со-бращала ея годы лѣтъ на пять, тѣмъ болѣе, что жена бурмистра имѣла претензію на молодость.

Твардовскій предсказывалъ себѣ здѣсь большій успѣхъ, но горько ошибся. Дочь бурмистра была смѣлѣе Ганны, а такъ какъ за нею (то есть, за отцовскими талерами) ухаживала молодежь, то она рѣшилась сразу «срѣзать» старика, вы-сказавъ ему истину.

— Напрасно вы стараетесь покорить сердце женщины;

ваша пора давно прошла. Вы не можете ужъ нравиться имъ: слишкомъ стары для этого; ваша мысль сгорбилась надъ книжною мудростью, которая замѣняла вамъ жену... Поздно равняться съ юношествомъ и ухаживать за женщинами. Скажите сами, положивъ руку на сердце, не смѣшно ли въ такія лѣта думать о женитьбѣ и о любви?..

Горька была эта истина и тяжело было выслушивать ее Твардовскому... И отъ этой дѣвушки убѣждалъ онъ, какъ и отъ Ганны.

— Вейгель богатъ, — подумалъ Твардовскій, возвращаясь домой, — и голова ея набита отцовскими червонцами. Нужно поискать бѣдную, которая, вѣроятно, будетъ сговорчивѣе.

Но и бѣднымъ не хотѣлось идти за Твардовскаго, потому что и онѣ умѣютъ цѣнить цѣломудріе, этотъ единственный цвѣтокъ и богатство молодости, который мы называемъ любовью. Если нѣкоторыя и «играли въ любовь», въ надеждѣ на какойнибудь выигрышъ, то Твардовскій не вѣрилъ въ эту любовь; онъ зналъ, что подъ этою маскою скрывается интересъ другого рода.

Испытывая такимъ образомъ и себя, и другихъ, Твардовскій убѣждался, что поздно началъ искать сочувствія и любви, и терялъ надежду когда нибудь покорить сердце женщины.

Но въ эту именно минуту ему мелькнула блестящая мысль.

— Пора подумать о перерожденіи, чтобы потомъ съ новыми силами начать новую жизнь.

Тогда онъ позвалъ къ себѣ Матюшу и, запершись у себя въ комнатѣ, сказалъ:

— Ты клялся мнѣ вѣрностью, когда я избавилъ тебя отъ вѣрной смерти, клялся, что ты пожертвуешь для меня душою и будешь слушаться во всемъ. Помнишь ли свое обѣщаніе?..

— О, какъ не помнить!.. Помню и сдержу свою клятву.

— Поклянись еще разъ! — сказалъ Твардовскій.

— Достаточно одной, благодѣтель. Кто пожелаетъ сдѣлаться клятвопреступникомъ, тотъ сдѣлаетъ это и послѣ десяти клятвъ.

— Хорошо. Выслушай же меня, — продолжалъ Твардовскій, послѣ нѣкотораго молчанія. — Я постарѣлъ и чувствую необходимость въ молодыхъ силахъ, — охоту къ новой жизни. Я хочу возвратить свою молодость. Я довѣряю тебѣ мое тѣло и душу;

онѣ въ твоихъ рукахъ. Я дамъ тебѣ наставленіе, какъ долженъ ты дѣйствовать во время операціи; но помни, что довѣріе мое ты долженъ сохранять въ глубокой тайнѣ. Секретъ возвращенія мнѣ молодости отличается многимъ отъ прежняго секрета, который ты видѣлъ и такъ неудачно испыталъ на старостѣ. Слушай же меня внимательно. На этомъ пергаменѣ написана инструкція, по которой ты долженъ дѣйствовать, согласно моимъ наставленіямъ. Прежде всего, въ день новолунія ты дашь мнѣ усыпительнаго зелья, потомъ обмоешь мое тѣло и натрешь его приготовленными мною мазями, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они указаны въ моемъ росписаніи и въ какомъ разставлены на полкахъ. Въ теченіе двухъ недѣль, черезъ день, ты будешь натирать меня этими мазями. Послѣ каждаго натиранія ты долженъ обмывать меня водою изъ семи источниковъ и затѣмъ, положивъ тѣло мое въ гробъ, похоронишь его на освященной землѣ на кладбищѣ. Стереги мою могилу въ продолженіе трехъ лѣтъ, семи мѣсяцевъ и семи дней, чтобы тѣло мое не вырыли дикіе звѣри, иначе мы погибнемъ безвозвратно. По истеченіи этого времени, ты отроешь могилу и вынешь меня изъ земли при свѣтѣ семи свѣчей, которыя сдѣлаешь изъ человѣческаго сала.

Давъ наставленія, Твардовскій повторилъ ихъ еще два-три раза, а затѣмъ проэкзаменовалъ Матюшу, чтобы убѣдиться самому въ пониманіи его распоряженій. Неудовольствовавшись полнымъ пониманіемъ Матюши, онъ спокойно повторилъ еще разъ и оставилъ ему подробное росписаніе, написанное имъ симпатическими чернилами, — во избѣжаніе, чтобы Матюша какъ нибудь не выдалъ этой тайны, — которые можно было прочесть только при особенномъ средствѣ.

Обѣщавъ ему несмѣтныя награды, въ случаѣ исполненія въ точности его предписаній, Твардовскій безпрекословно отдалъ себя въ распоряженіе Матюши, предупредивъ его, что въ случаѣ измѣны, его ждетъ неминуемая и мучительная смерть.

Матюша исполнилъ свое обѣщаніе, согласно предписаніямъ Твардовскаго.

III.

Какъ Твардовскій помолодѣлъ и что было потомъ.

По истеченіи трехъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ вѣрный Матюша стерегъ могилу своего господина, съ каждымъ днемъ зароставшую все болѣе и болѣе крапивою и быллемъ, на седьмой день, въ седьмое новолуніе, Матюша зажегъ семь свѣчей, сдѣланныхъ имъ изъ человѣческаго сала, и отправился на кладбище.

Воткнувъ свѣчи вокругъ могилы, Матюша принялся копать яму; вскорѣ заступъ ударился о крышку гроба. Вынувъ Твардовскаго изъ могилы и отворивъ замокъ, которымъ запертъ былъ гробъ, онъ раскрылъ его. Можно представить себѣ его изумленіе, когда онъ нашелъ въ немъ вмѣсто тѣла Твардовскаго, какъ ожидалъ — крошечнаго ребенка, который игралъ и улыбался въ гробу!..

Матюша засыпалъ яму землею и, взявъ на руки малютку, понесъ его домой, гдѣ накормилъ и уложилъ спать.

Теперь Матюшѣ предстояла новая работа: нужно было прискаты мамку для новорожденнаго; но такъ какъ дѣло происходило вечеромъ, то онъ рѣшился отложить свои хлопоты до завтра, самъ же между тѣмъ, усталый отъ непривычной работы, послѣдовалъ примѣру малютки и легъ спать.

Каково же было его удивленіе, когда, проснувшись, онъ увидѣлъ, что мальчикъ самъ всталъ съ постели и началъ ходить по комнатѣ, какъ полуторагодовой ребенокъ...

Твардовскій росъ, какъ пирогъ на дрожжахъ, не по днямъ, а по часамъ. Въ продолженіе семи дней, ребенокъ сдѣлался настоящимъ юношей, въ которомъ Матюша узнавалъ своего господина, несмотря на его возрастъ: тѣ же черты лица, тотъ же характеръ, что и у Твардовскаго, память, знаніе и все, все, что видѣлъ онъ у своего господина, съ тою лишь разницею, что тѣло его теперь было молодое, здоровое, упругое и полное жизненныхъ силъ и страсти, которая, видимо, рвалась наружу, жаждая жизни и удовольствій.

Матюша смотрѣлъ и удивлялся.

Прежніе знакомые Твардовскаго однако узнали его, несмотря на перерожденіе, хотя и видѣли въ немъ какую-то удивительную перемену; но онъ такъ искусно „отводилъ имъ глаза“, что они, видя его молодымъ, не вѣрили своимъ глазамъ и думали, что онъ такой же, какъ былъ и прежде.

Жизнь Твардовскаго совсѣмъ измѣнилась. Нанявъ большую квартиру на Краковскомъ рынкѣ, онъ окружилъ себя многочисленною прислугой, купилъ серебряной и золотой посуды, дорогой мебели, выписалъ изъ-за границы золоченную коляску, наполнилъ конюшни чистокровными персидскими и арабскими лошадьми и погреба — дорогими заморскими винами. Запыленные книги брошены были въ уголъ.

Съ холодною расчетливостью и предусмотрительностью старика и съ жаромъ юноши, Твардовскій готовился къ новой жизни, окружая себя всѣмъ, что могло усладить его молодые чувства. Въ друзьяхъ и пріятеляхъ, какъ и прежде, не было недостатка. Со стола не сходили серебряныя вазы и блюда съ разными изящными и тонко-гастрономическими яствами. Въ деньгахъ тоже не было недостатка, потому что дьяволъ приносилъ ему изъ Олькуша то золото и серебро, которое, по распоряженію Твардовскаго, собрано было въ олькушскія копи.

Такое богатство возбудило зависть въ Матюшѣ. Несмотря на урокъ, данный ему Твардовскимъ, онъ задумывалъ снова помолодить кого-нибудь вновь пріобрѣтеннымъ опытомъ и средствами, которыя испыталъ на своемъ господствѣ.

Твардовскій, зорко слѣдившій за поведеніемъ Матюши, угадалъ его мысль и рѣшился на этотъ разъ не быть снисходительнымъ...

Однажды утромъ Твардовскій позвалъ Матюшу къ себѣ, и, заставивъ признаться въ своемъ намѣреніи, превратилъ его въ паука.

Бѣдный Матюша, переселился на окно, и разставивъ тамъ свои сѣти, опутывалъ ими ни въ чемъ неповинныхъ мухъ.

Между тѣмъ Твардовскій, какъ мы сказали, продолжалъ готовиться къ новой жизни. Домъ его сдѣлался вскорѣ первымъ во всемъ Краковѣ. Аристократія и вельможи завидовали его лошадямъ и роскошной упряжи. Прислуга — камердинеры,

лакеи, швейцары, бучера и фореиторы — всѣ были подобраны, точно по ранжиру, молодецъ къ молодцу, рослые, здоровые, статные. Стѣны комнатъ оклеены были дорогими матеріями и бархатомъ, украшены картинами и рѣзбой изъ слоновой кости, полы — устланы пушистыми коврами. Столъ не уступалъ королевской кухнѣ, куда свозили возами заморскія пряности. Все это ему стоило громаднхъ денегъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничего не стоило, потому что все доставалось ему легко. Стоило только ему сказать: «хочу», и все было къ его услугамъ, если только требуемое можно было получить за деньги.

Не мудрено поэтому, что въ народѣ разнесся слухъ о помощи дьявола, съ которымъ онъ въ дѣйствительности былъ въ связи. И народъ, конечно, не ошибался, потому что дьяволъ, видя его на настоящемъ пути, усердно помогалъ ему во всемъ, внушая мысль къ роскоши и сибаритетву.

Несмотря однако на всѣ развлечения и удовольствія, которыя онъ устроилъ для себя, чтобы вполне насладиться жизнью, Твардовскій, однако не забывалъ науку и, встрѣчаясь съ знакомыми академиками, не упускалъ случая подиспутировать съ ними; по прежнему онъ завязывалъ съ ними продолжительныя бесѣды и выходилъ торжествующимъ побѣдителемъ на всѣхъ пунктахъ; всѣ аргументы, приводимые ими, были такъ сильны и неоспоримы, что академики съ покорностью признавали себя побѣжденными; цитаты разныхъ ученыхъ сыпались изъ устъ, точно изъ рога изобилія, и онъ засыпалъ ими своихъ противниковъ съ величайшимъ наслажденіемъ.

Вся эта мудрость оставалась за нимъ, какъ прошлое, которое онъ однако не могъ позабыть и къ которому немислимо было возвратиться, какъ изъ ада въ рай. Онъ покончилъ съ нимъ безвозвратно и заперъ за собою ворота. Теперь онъ сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ и ученость свою оставлялъ на второмъ планѣ. Съ пустыми людьми, которыми обыкновенно запруженъ свѣтъ и которые только и говорятъ, что о кухнѣ, лошадахъ и женщинахъ, онъ дѣлался такимъ же пустымъ, какъ и они, отнюдь не доказывая, что его занимаетъ что нибудь другое, помимо этихъ элементовъ жизни. Друзья и пріатели, принадлежавшіе къ тому кругу людей, о которыхъ мы только что упоминали, ужасно удивлялись, не слыша отъ него

прежнихъ глубокомысленныхъ сужденій о наукѣ. Твардовскій далекъ былъ теперь отъ тѣхъ педантовъ, которые любятъ пересыпать свою рѣчь трескучими фразами и вводить въ самый легкій разговоръ свою эрудицію, отъ которыхъ вѣтъ ужаснымъ педантизмомъ и сухою схоластикою. И въ серьезно-научномъ разговорѣ, въ который неособенно охотно вмѣшивался Твардовскій, если разсуждали о наукѣ невѣжды и профаны, онъ умѣлъ быть умѣреннымъ и ловко приспосаблился къ понятіямъ и требованіямъ тѣхъ, съ которыми вступалъ въ разговоръ, касаясь лишь поверхностно науки, настолько, насколько видѣлъ понятія вступающихъ съ нимъ въ споръ. Въ этомъ именно и заключалась дипломатическая тонкость его метаморфозы и превосходства передъ другими, потому что въ немъ жили теперь два существа и два лица: онъ оставлялъ прежнюю свою науку для мудрецовъ и заимствовалъ у молодыхъ характеромъ свѣтскаго человѣка. Слава его сдѣлалась теперь двуличною, какъ его характеръ и наклонности. Одни видѣли въ немъ богача и сибарита, умѣвшего пожить, въ пространномъ смыслѣ слова, другіе — непобѣдимаго мудреца. Твардовскій не оставлялъ даже своей докторской практики, которая привлекала къ нему много народа и приносила существенную пользу.

Все эти качества дѣлали Твардовскаго въ глазахъ народа какимъ-то чудовищемъ, о которомъ ходили самые разнорѣчивые и нелѣпѣйшіе толки: каждый цѣнилъ и хвалилъ его по своему.

— О, это рѣдкій человѣкъ, — говорилъ молодой гуляка, постоянный посѣтитель Твардовскаго, встрѣтаясь съ однимъ пріателемъ, ученымъ и серьезнымъ академикомъ. — Какой веселый, какъ живетъ великолѣпно!.. А какія у него вина и кухня!..

— Что за несравненный философъ, что за умный человѣкъ! — прерывалъ его академикъ.

— Но о комъ вы говорите? — спрашивали они другъ друга.

— Ну, о комъ? Конечно, о Твардовскомъ, извѣстномъ свѣтилѣ краковской академіи, счастливой *almae matris*, произведшей его на свѣтъ.

— А я говорю о Твардовскомъ, богатомъ докторѣ, который живетъ лучше короля и домъ котораго открытъ для всѣхъ... Неужели это тотъ же Твардовскій?

— Конечно!.. Двухъ Твардовскихъ нѣтъ да и не будетъ на свѣтѣ.

Имя его имѣло поэтому двѣ славы, различныхъ между собою, и въ двухъ разныхъ сферахъ, выдавая его за два различныхъ лица, — славы, достаточной для двоихъ.

Несмотря на желаніе испытать жизнь, Твардовскій, бросившись въ омутъ наслажденій и удовольствій, едва успѣлъ коснуться только одной ея стороны. Общество молодыхъ людей, балы, обѣды, веселыя развлеченія и забавы далеко еще не исчерпывали собою всѣхъ удовольствій свѣта: онъ не испытывалъ еще женской любви, а что можетъ назваться вѣнцомъ всѣхъ удовольствій и наслажденій, если не женщина, или вѣрнѣе, любовь женщины, — любовь, всегда разнообразная, чарующая, роскошная, пламенная любовь? Твардовскій доволенъ былъ всѣмъ и ему не доставало только любви женщины; дѣло заключалось собственно въ выборѣ, но выборъ этотъ представлялъ для Твардовскаго немало затрудненій. Теперь, когда онъ былъ молодъ, когда его со всѣхъ сторонъ преслѣдовали пламенные взгляды, страстные рѣчи, и очаровательныя улыбки, теперь онъ становился равнодушнымъ и холоднымъ; онъ хотѣлъ, чтобы женщина, въ объятія которой онъ отдаетъ себя, какъ жертву на закланіе, была достойна его, чтобы, такъ сказать, божество, которому онъ намѣренъ былъ курить олимпійскія, достойно было этого воскуренія.

Теперь ни Ганну, ни дочь бурмистра Вейгеля, ни прочихъ женщинъ, отвергнувшихъ его любовь, Твардовскій не желалъ даже удостоить взглядомъ, хотя онѣ съ удовольствіемъ согласились бы быть его любовницами, рабами... Онъ проходилъ мимо нихъ веселый, беззаботный и равнодушный, показывая видъ, что не узнаетъ ихъ, но, между тѣмъ, смотрѣлъ имъ въ глаза нахально и съ иронической насмѣшкой.

Твардовскій мечталъ положить первую любовь свою у ногъ дѣвушки, которая была бы идеаломъ женщины, чистой, какъ солнце, и невинной, какъ день. Въ этой дѣвушкѣ онъ желалъ найти сгруппированными всѣ совершенства души и тѣла, ума и чувства, разсудка и страсти, найти всѣ качества идеальной женщины, которая бы льстила его самолюбію, занимала извѣстное положеніе въ свѣтѣ. Кто бы могъ ожидать этого?

Но это было такъ. Крестьянка не могла бы удовлетворить его; ему хотѣлось благороднаго совершенства; онъ только и думалъ теперь, какую разницу составляютъ между собою женщины благороднаго происхожденія, воспитанныя и занимающія видное мѣсто въ свѣтѣ, съ женщинами безъ воспитанія, простыми крестьянками, привыкшими къ грубой пищѣ и обращенію съ ними мужчинъ. Прелести простой деревенской дѣвушки, не покрытой роскошною пеленою достатка и образованія, казались для него кускомъ красиваго мяса.

Твардовскій искалъ; долго и напрасно искалъ онъ небывалаго идеала женщины, которую создавало его фантастическое воображеніе. Между тѣмъ, въ сердце его творились чудеса! Нерѣдко замѣчали, что мимо дома его пробѣгали женщины, извѣстныя своею красотою и поведеніемъ... Молодежь водила къ нему своихъ временныхъ женъ, и Твардовскій не противился этому; прежде чѣмъ приготовиться въ душѣ къ настоящей идеальной любви, онъ предавался скотской, видя въ ней свою прелесть, и въ минуты страстнаго влеченія тѣла, превращался въ зауряднаго звѣря.

Однако онъ чувствовалъ, что минутныя страстныя увлеченія не удовлетворяютъ его, ему нужна была живая, всепоглощающая страсть, которая бы прошла по всему организму, какъ гладильный рѣзецъ скульптора при полировкѣ мраморной статуи. Но, увы, какъ ни отыскивалъ Твардовскій своего идеала, но ни въ одной изъ женщинъ онъ не видѣлъ того, чего искалъ, что бы вызвало его на всѣ пожертвованія; не нашелъ онъ такой, которая бы могла вести его за собою на ниткѣ, какъ послушнаго, кроткаго ребенка, и это приводило его въ отчаяніе.

— Что такое сидитъ во мнѣ, — спрашивалъ онъ себя, — что я замѣчаю только одни недостатки и ни къ одной изъ женщинъ не чувствую любви, о которой мечталъ, къ которой стремлюсь и которая потребна для моей жизни, какъ необходима пища для желудка? Неужели наука имѣетъ пагубное вліяніе на мой разумъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, я еще не встрѣчалъ достойной себѣ?.. Быть можетъ, быть можетъ!.. Въ сущности, кто можетъ поручиться за то, что происходитъ внутри человѣка; кто знаетъ себя настолько, чтобы отвѣтить

на этотъ вопросъ?.. Однако, неужели я никогда не найду достойной себя?!

Великій мудрецъ сокрушался, что ожидаемая любовь не приходила къ нему. Но гдѣ же онъ искалъ ее?.. Конечно, гдѣ: на улицѣ, въ домахъ съ позорнымъ именемъ, тамъ, гдѣ царствовала безнравственность, гдѣ женщины сами навязывались ему и, цинично улыбаясь, манили къ себѣ. Но не этой любви нужно было Твардовскому, и хотя онъ принималъ улыбки циничныхъ женщинъ за чистую монету любви и приносилъ себя въ жертву на алтарь безнравственности и разврата, душа его стремилась однако въ тотъ уголокъ, гдѣ чувства его хотѣли найти спокойную пристань.

Въ такомъ состояніи находился Твардовскій въ первые годы своего перерожденія.

Между тѣмъ Матюша ткалъ на окнѣ свою паутину и опутывалъ ею мухъ.

IV.

Какъ Твардовскій воскресилъ воеводу и ного увидѣлъ въ его домѣ.

Въ холодный декабрьскій вечеръ, съ міриадами звѣздъ на темно голубомъ фонѣ неба, морозная мгла покрыла крыши каменныхъ домовъ Кракова. Дымъ, выходившій столбомъ изъ бѣлыхъ трубъ зданій, высоко поднимался къ небу, точно смерчъ въ песчаныхъ дѣвственныхъ стенахъ. Въ многочисленныхъ окнахъ столицы мелькали огоньки. Глубокая тишина, царствовавшая въ опустѣлыхъ улицахъ, нарушаясь лишь опоздалыми пѣшеходами и пѣснями весельчаковъ, возвращавшихся изъ кабаковъ. На башнѣ ратуши пробилъ урочный часъ, возвѣщавшій о времени тушенія огней, которыхъ однако никто и не думалъ тушить, и только окна прикрывались ставнями. Ночной патруль вышелъ изъ гауптвахты на обычный дозоръ; кое-гдѣ слышались громкіе раскаты колясокъ и топотъ лошадей, отвозившихъ своихъ загостившихся господъ по домамъ.

Яркій свѣтъ, выходившій изъ винныхъ погребовъ, кабаковъ, трактировъ и банъ доказывалъ, что не всѣ еще веселые

посѣтители думали объ успокоеніи и что разгульная бесѣда была въ самомъ разгарѣ.

Во многихъ домахъ, сквозь открытыя двери сѣней, виднѣлись группы прислуги, играющей въ кости; слышалась шумная бесѣда, нерѣдко крики и брань. У воротъ домовъ кучера и лакеи дожидались своихъ господъ съ экипажами и зажженными факелами въ рукахъ.

Такъ именно было и передъ домомъ Твардовскаго, окна котораго были освѣщены яркимъ огнемъ; внутри комнатъ шла оживленная бесѣда. Въ большой залѣ, освѣщенной яркимъ пламенемъ изъ мраморнаго камина, стоялъ дубовый столъ, покрытый дорогою узорчатою скатертью. Вокругъ стола, на покрытыхъ дорогими коврами скамьяхъ, сидѣли гости и хозяинъ. На столѣ дымились серебряныя вазы съ разными супами и похлебками, приправленными различными пряностями, возбуждавшими аппетитъ голодныхъ собесѣдниковъ. Слуги разносили въ золотыхъ кубкахъ медъ, пиво и вино. Хозяинъ сидѣлъ въ концѣ стола, опершись на руку, и съ веселой улыбкой угощалъ своихъ многочисленныхъ гостей.

Лица, окружавшія столъ, были совершенно новыя, не тѣ, которыя въ прежнее время посѣщали Твардовскаго съ серьезною цѣлью науки, которыя диспутировали съ нимъ. Здѣсь была блестящая молодежь, поклонники веселья и наслажденій, расфранченная въ пухъ и прахъ, надушенная и напомаженная, принадлежавшая къ высшему кругу, — воспитанная молодежь, прожигающая жизнь на паркетныхъ, мраморныхъ и мозаичныхъ полахъ, въ мягкихъ пуховикахъ и подъ шелковыми одѣялами. Веселая бесѣда молодыхъ людей велась подъ вліяніемъ заморскихъ винъ, которыя развязывали языкъ и возбуждали желанія къ интимнымъ разговорамъ о женщинахъ и разныхъ непозволительныхъ и безнравственныхъ шалостяхъ. Вино ужъ успѣло оказать на нихъ свое дѣйствіе: глаза искрились и на устахъ появились вакхическія улыбки; говорили обо всемъ, кромѣ серьезнаго, смѣялись, шутили и острили. Твардовскій рѣдко вмѣшивался въ ихъ разговоръ, а если и вмѣшивался, то говорилъ какую-нибудь фразу съ насмѣшкой и сарказмомъ. Полупьяная ватага сибаритовъ и нахлѣбниковъ Твардовскаго рукоплескала ему и превозносила его умъ до небесъ.

Въ то время, когда молодежь справляла у Твардовскаго свою вакханалію, на лѣстницѣ послышались чьи-то быстрые шаги. Всѣ смолкли.

Твардовскій поднялъ голову и тихо сказалъ:

— Кто бы могъ такъ поздно пожаловать ко мнѣ?.. Не вѣчный ли нашъ копунь, Іакинѣ?..

Но это не былъ Іакинѣ, который, какъ самъ выражался, на женщинахъ „собаку съѣлъ“ и хвастался, что въ него всѣ женщины влюблены. На порогѣ комнаты появился небольшой мальчикъ и, едва переводя духъ, обращаясь къ присутствовавшимъ, сказалъ:

— Мой баринъ умираетъ!

— Вѣчная память ему!—отозвались, громко смѣясь, собесѣдники.

— Кто умираетъ?—вспылилъ Твардовскій,—и какъ смѣешь ты прерывать нашу бесѣду, не оговорившись впередъ зачѣмъ пришелъ.

— Воевода умираетъ, воевода,—повторилъ мальчикъ съ нетерпѣніемъ, увѣренный, что при одномъ имени воеводы всѣ должны обратить на него свое вниманіе.

— Хотя бы сто воеводъ твоихъ отправились на тотъ свѣтъ, мы всемъ имъ желаемъ вѣчную память, — возразилъ кто-то изъ собесѣдниковъ.—Проваливай со своимъ воеводой и смертию, которою мутишь намъ въ кубкахъ вино.

Всѣ громко разсмѣялись.

— Да не здѣсь ли, господа, докторъ Твардовскій?—спросилъ растерявшійся мальчикъ.—Я за нимъ присланъ отъ воеводы... Онъ одинъ можетъ спасти его.

— Да будетъ тебѣ извѣстно, молокососъ,—отозвался одинъ изъ собесѣдниковъ,—что Твардовскій не нарушитъ своей бесѣды съ друзьями, ради какого-то воеводы, который не стоитъ стакана добраго вина, вмѣстѣ съ душой и тѣломъ.

— Конечно, конечно, -- воскликнули другіе, боясь прервать свою веселую бесѣду за отсутствіемъ хозяина.

— Но воевода обѣщаетъ ему тысячу золотыхъ флориновъ, если докторъ застанетъ его живымъ; если же онъ умретъ до его приѣзда,—то пятьсотъ; если выльчитъ—то получить двѣ тысячи флориновъ.

На эти золотые доводы никто не посмѣлъ возражать посланному.

— Позвольте мнѣ уѣхать?—обращаясь къ гостямъ, спросилъ Твардовскій.

Надобно сказать, что сумма, сказанная посланнымъ воеводы была въ то время очень значительна, отъ нея не отказался бы ни одинъ вельможа. Твардовскій былъ очень доволенъ показать людямъ, что источникомъ его доходовъ были знаніе и мудрость, но отнюдь не помощь дьявола, и ему нельзя было не воспользоваться представлявшимся случаемъ. Конечно, онъ ѣхалъ не ради денегъ, но для отвода глазъ и поэтому спросилъ позволенія своихъ гостей.

Гости молчали, въ нерѣшительности посматривая другъ на друга; имъ не хотѣлось прерывать веселой бесѣды, хотя въ то же время многіе завидовали ему въ назначаемой суммѣ, которая такъ легко доставалась Твардовскому.

— Будь я на вашемъ мѣстѣ,—шепнулъ, наконецъ, одинъ изъ собесѣдниковъ,—я бы непременно уѣхалъ.

— И я тоже,—сказалъ второй.

Твардовскій имѣлъ поползновеніе отвѣтить имъ, какъ Александръ Македонскій, но, подумавъ, поднялся и сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, прошу васъ, господа, остаться здѣсь и не прерывать начатой бесѣды. Матвѣй займетъ мое мѣсто; погребъ мой къ вашимъ услугамъ, — пейте, сколько душѣ угодно. А пока, господа, выпьемте прощальный бокалъ за успѣхъ моего визита къ умирающему.

Съ этими словами онъ всталъ и, поднявъ кубокъ, выпилъ за здравіе гостей и ушелъ.

Распорядившись запретъ хорошихъ лошадей въ легкій фаетонъ и взявъ съ собою четырехъ гайдуковъ въ богатыхъ ливреяхъ съ зажженными факелами въ рукахъ, Твардовскій пошелъ по пустыннымъ краковскимъ улицамъ.

Завернувшись въ плащъ, Твардовскій углубился въ размышленія, пока лошади проскакали пространство нѣсколькихъ миль, отдѣлявшихъ замокъ воеводы отъ Кракова. Твардовскій ѣхалъ всю ночь по самой скверной дорогѣ, и только на зарѣ добрался до цѣли своего путешествія. Всматриваясь въ ясное небо, усыянное звѣздами и окутывавшее мракомъ дорогу, онъ

предавался глубокимъ думамъ о величественной картинѣ чудной природы въ объятіяхъ ночи.

Какъ ни спѣшилъ Твардовскій попасть во время, но было уже поздно, когда лошади подкатили подъ крыльцо замка воеводы. Уныніе и слезы домашнихъ воеводы, поджидавшихъ Твардовскаго у воротъ, не предвѣщали ничего утѣшительнаго. Встрѣтившая его прислуга объявила ему, что воевода умеръ и Твардовскій хотѣлъ возвратиться обратно, но, уступая просьбамъ родныхъ воеводы, онъ согласился зайти въ комнаты и подкрѣпить свои силы. Родные воеводы отсчитали ему за труды пятьсотъ флориновъ, но Твардовскій отказался отъ нихъ.

Это очень удивило родныхъ, которые не ожидали, чтобы Твардовскій былъ такъ безкорыстенъ. Они хорошо помнили извѣстнаго доктора Ласкариса-Балинскаго, который за свои посѣщенія къ больнымъ взималъ ужасную контрибуцію, какъ съ богатыхъ, такъ и съ бѣдныхъ, и не трогался съ мѣста, пока требуемая сумма не была отсчитана и не положена передъ нимъ на столъ.

— Воевода умеръ, — сказалъ Твардовскій, — слѣдовательно, я не заслужилъ вознагражденія и не въ правѣ принять его. Одного только прошу — это угощенія для моей прислуги и позволенія вѣскольکو минутъ отдохнуть у васъ, такъ какъ я очень усталъ.

И здѣсь Твардовскій заботился о славѣ!

— Но прежде чѣмъ успокоиться, я желалъ бы удостовѣриться, — подумавъ, продолжалъ онъ, — дѣйствительно ли умеръ воевода?

— Къ несчастью, это неопровержимо, — отвѣчалъ со слезами на глазахъ сидѣвшій въ углу племянникъ воеводы, которому дядя не успѣлъ ничего завѣщать послѣ себя.

— Гдѣ лежитъ покойникъ? — спросилъ какъ-бы равнодушно Твардовскій.

— Здѣсь, на катафалкѣ, — сказалъ тотъ же племянникъ, показывая на другую комнату.

Твардовскій покачалъ головою, сѣлъ и глубоко призадумался.

— Нельзя ли взглянуть на него? — спросилъ Твардовскій.

— Да зачѣмъ онъ вамъ? — возразилъ племянникъ. — Онъ ужъ разложился, пожалуй...

Молодой человекъ рыдалъ.

— Вѣдь вы не воскресите его, — продолжалъ онъ.

— Если дѣйствительно умеръ, конечно, нѣтъ, — спокойно возразилъ Твардовскій.

— Но почему же вы сомнѣваетесь, что дядя не умеръ? — съ удивленіемъ спросилъ племянникъ. — Я самъ присутствовалъ при его смерти.

— Прикажете выйти изъ залы священникамъ и народу; я осмотрю его наединѣ, — сказалъ настойчиво Твардовскій.

— Съ какой стати тревожить прахъ? — сказалъ тотъ же племянникъ, не имѣвшій никакой надежды на воскресеніе воеводы.

— И дѣйствительно, къ чему тревожить? — вступился наслѣдникъ воеводы; ему помогъ третій, рассчитывавшій на его протекцію.

Однако, несмотря на всѣ возраженія, Твардовскій настаивалъ на своемъ.

Твардовскаго ввели въ большую залу, обитую чернымъ сукномъ, посрединѣ которой стоялъ богатый катафалкъ съ малиновымъ гробомъ, поставленнымъ на немъ. Вокругъ катафалка горѣли свѣчи яраго воска. Воевода лежалъ въ гробу. Лицо покойника пожелтѣло, губы посинѣли и полуоткрылись, глаза провалились, носъ вытянулся, руки и ноги окоченѣли.

Твардовскій взялъ руку покойника, посмотрѣлъ на него, подумалъ и наконецъ сказалъ:

— Воевода живъ.

Врикъ удивленія вырвался изъ груди присутствовавшихъ: нѣкоторые разсмѣялись и думали, что великій ученный рехнулся.

— Вы шутите! — сказалъ наслѣдникъ.

Всѣ начали спорить и шумѣть; но обрадованный племянникъ принялся убѣждать, что Твардовскій, быть можетъ, и не ошибается.

Пользуясь общимъ смятеніемъ, Твардовскій приказалъ вынуть трупъ изъ гроба и перенести въ спальню. Тамъ онъ пустилъ кровь покойному, которая, къ удивленію родныхъ, брызнула изъ раны широкою струей; затѣмъ онъ вытеръ ему

чѣмъ-то лобъ и носъ, открылъ вѣки и въ уста умершаго влилъ какихъ-то капель.

Къ немалому изумленію всѣхъ присутствовавшихъ, въ воеводѣ начали обрुживаться признаки жизни, грудь заколыхалась, сердце забилося и глаза открылись. Всѣ отскочили въ ужасъ; между тѣмъ воевода повернулся въ постели и простоналъ.

Въ замкѣ поднялась страшная тревога и суматоха; кричали и шумѣли; одни уѣзжали изъ замка, другіе пріѣзжали въ замокъ; гробовщиковъ и могильщиковъ прислуга гнала вонъ въ шею. Въ спальню вбѣжала жена и дѣти, но Твардовскій не допустилъ ихъ и приказалъ положить воеводу въ теплую постель, а самъ началъ готовить лѣкарства и лѣчить больного.

Черезъ три дня воевода выздорѣвалъ и передъ Твардовскимъ положена была сумма въ три тысячи флориновъ. Никто такъ не радовался выздоровленію воеводы, какъ молодой племянникъ. Онъ не зналъ какъ благодарить Твардовскаго...

Но среди общей радости Твардовскій былъ задумчивъ и скученъ. Простившись съ воеводою, онъ сѣлъ въ свою коляску, за которой находились два прекрасныхъ мерина, подаренные ему воеводою и племянникомъ, и уѣхалъ домой. Отъѣзжая отъ крыльца, Твардовскій часто оглядывался на замокъ, вздыхалъ и морщилъ брови... Его, повидимому, что-то занимало и беспокоило.

На это была причина.

На другой день по пріѣздѣ въ замокъ воеводы, Твардовскій, мучимый бессоницей, вышелъ вечеромъ въ садъ пройтись и подышать свѣжимъ воздухомъ. Гуляя по аллѣе, онъ встрѣтилъ двухъ женщинъ; одна изъ нихъ была молодая красивая дѣвушка, вторая—наоборотъ—старуха.

Взглянувъ на молодую дѣвушку, Твардовскій остолбенѣлъ отъ изумленія... Казалось, что онъ гдѣ-то встрѣчался съ нею, но когда и гдѣ—онъ не могъ припомнить. Дѣвушка эта была ему знакома... Знакома?.. Но если бы она была знакома, могъ ли онъ позабыть ее? Нѣтъ. Дѣвушка эта была плодомъ его фантазій, созданиемъ его воображенія; это былъ идеалъ, существо, о которомъ онъ думалъ и мечталъ долгое время. Въ

чертахъ лица молодой дѣвушки было столько же знакомаго сколько и таинственнаго, давно ожидаемаго. Это была не обыкновенная красота простушки, которую Твардовскій называлъ „прекраснымъ кускомъ мяса“, которая такъ же скоро увядаетъ, какъ и расцвѣтеть; въ лицѣ ея не было видно той испорченности и черствости сердца, которыя нерѣдко видны на лицахъ прекраснаго пола, служащихъ извѣстною вывѣскою опытному глазу. Напротивъ, красота ея была въ зрѣломъ расцвѣтѣ и вполнѣ силѣ, съ какимъ-то оттѣнкомъ гордости и превосходства. Открытый лобъ, точно выточенный изъ слоновой кости, черные глаза, полные огня и страсти, маленький ротикъ, очерченный розовыми губками, небольшой носикъ, словомъ, все дышало благородствомъ и красотою. Въ граціозной походкѣ, движеніяхъ и жестахъ, проявлялась особенная пикантность, какъ говорятъ знатоки прекраснаго пола, которою отличаются женщины высшаго круга и воспитанія.

Твардовскій не могъ объяснить себѣ, отчего, послѣ такого множества женщинъ, видѣнныхъ имъ, ни одна не произвела на него такого сильнаго впечатлѣнія, какъ эта несравненная красавица.

Что же касается молодой дѣвушки, то едва-ли она замѣтила доктора, а если и замѣтила, то случайно, мимоходомъ, какъ замѣчала стѣны, деревья или землю, по которой шла.

Не обративъ особеннаго вниманія на Твардовскаго, она направилась въ замокъ. Твардовскій пошелъ слѣдомъ за нею и тотчасъ же началъ разспрашивать прислугу, кто она. Сначала онъ принялъ ее за дочь воеводы, но вскорѣ узналъ свою ошибку: у воеводы не было взрослой дочери. Это нѣсколько утѣшало его, потому что онъ уже чувствовалъ, что ожидаемая любовь зарождалась въ его сердцѣ.

— Это сиротка, приемышъ, — отвѣчала прислуга воеводы, — дочь бѣднаго шляхтича, которую воевода взялъ къ себѣ на воспитаніе. У нея есть какіе-то дальніе родственники въ Краковѣ, и она, вѣроятно, скоро возвратится къ нимъ.

Разузнавъ отъ прислуги все необходимое, Твардовскій записалъ имена ея родственниковъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ случая опять увидѣться съ нею, случай этотъ, однако, не представился и онъ не могъ увидѣть ее. Его терзало только

ея гордое выраженіе лица, но онъ далъ слово завладѣть ею, какимъ бы то ни было путемъ, хотя бы для этого пришлось прибѣгнуть къ помощи дьявола, пролить кровь, употребить ядъ; на все соглашался Твардовскій и клялся всѣми духами ада, что она будетъ его женою.

Съ такими мыслями онъ уѣзжалъ отъ воеводы въ Краковъ, оглядываясь на красныя стѣны замка.

V.

Родные Агнесы.

Не нравились теперь Твардовскому посѣщенія пріятелей и шумное общество; онъ думалъ только о прекрасной сироткѣ и жаждалъ познакомиться съ нею, сблизиться, бывать въ ея домѣ. Занятый этою мыслью, Твардовскій послалъ розыскать ея родныхъ, узнать, не пріѣхала ли она въ Краковъ.

Построивъ свой планъ, онъ рѣшился познакомиться съ родными Агнесы (имя сироты) до ея пріѣзда. Случай вскорѣ представился и Твардовскій воспользовался имъ, чтобы приготовить себѣ твердую почву, чтобы, бывая у ея родныхъ, какъ старый знакомый, не выдать своего замысла и легче достигнуть намѣченной цѣли.

Твардовскій рѣшился во что бы то ни стало заключить съ ея родными твердый союзъ.

Родные Агнесы были въ сущности мѣщане, но принятые къ дворянскому гербу Пораевъ. Присвоивъ себѣ ихъ гербъ и фамилію, они пользовались въ то время немалымъ значеніемъ въ краковскомъ магистратѣ. Пораи были состоятельные люди, хотя состояніе ихъ и было приобретено торговыми оборотами; они владѣли однимъ изъ лучшихъ домовъ въ Краковѣ. Надо сказать, что шляхта смотрѣла свысока на Пораевъ, потому что дѣдъ Порая былъ торгашемъ-аршинникомъ, котораго многіе еще помнили. Доказательствомъ тому, что Порай былъ торгашъ, служили лавки, находившіяся въ нижнемъ этажѣ его дома, въ которыхъ онъ однако не торговалъ въ послѣднее время, но отдавалъ въ наемъ. Принимая во вниманіе, что они

давно покинули торговлю, обзавелись двумя имѣніями вблизи Кракова и ставили людей въ ополченіе, краковскіе дворяне охотно знакомились и братались съ Пораями.

Глава дома Пораевъ, Станиславъ Порай, былъ ужасный выжига; это былъ человѣкъ всевѣдущій и вседѣствующій, знающій все подноготныя, неумолкаемый говорунъ, каламбурность: онъ зналъ все басни и побасенки, пословицы и поговорки, преданія и лѣтописи. Любилъ погулять и говорилъ громко, точно изъ пушки палилъ словами. На досугъ Порай велъ свою хронику, — время, увы, не пощадило, этой драгоцѣнности, которую любилъ прочитывать при всякомъ удобномъ случаѣ, тѣмъ болѣе тѣ отрывки, въ которыхъ заключались его умозаключенія и сентенціи, подкрѣпленные и подправленные, — точно кушанья заморскими кореньями, — цитатами изъ Сенеки, Тита Ливія, Тацита, Овидія и Virgilія. Почти все творенія великихъ древнихъ ученыхъ онъ зналъ наизусть.

Въ сущности же, Порай былъ весьма поверхностнаго образованія, и больше „краснобай“, чѣмъ философъ. Не вникая въ сущность вещей, о которыхъ говорилъ, онъ былъ недюжинный болтунъ и порядочный рассказчикъ, что особенно льстило его самолюбію; къ тому же тщеславный, вѣрящій на слово каждому льстецу, который успѣвалъ расположить его какой нибудь остротой или панегирикомъ, щекотавшимъ его душу. Его легко было убѣдить въ небывалыхъ достоинствахъ; онъ вѣрилъ въ нихъ, какъ въ свои собственныя, въ которыхъ былъ убѣжденъ; порой увлекался всякимъ самохваломъ, превозносившимъ себя до небесъ; если же онъ убѣждался въ какомъ нибудь самохвалѣ, — такого человѣка онъ горячо отстаивалъ и защищалъ на всехъ пунктахъ, крѣпко держась при этомъ собственного мнѣнія.

Почтенная его супруга, Варвара, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, высоко цѣнила свое шляхетское достоинство и свои родственныя связи. Она влюблена была въ своего стараго мужа, какъ это иногда случалось въ доброе старое время. Впрочемъ, въ то время было вовсе не въ диковинку видѣть старыхъ „сизыхъ голубковъ“ ворковавшими, точно молодые: это встрѣчалось сплошь да рядомъ.

И не мудрено поэтому, что Варвара Порай, увлекаясь

краснорѣчіемъ своего мужа, привязывалась къ нему на старости лѣтъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе, и успѣла увѣрить себя въ томъ, что ея неоцѣненный Станиславъ былъ мудрѣйшій изъ смертныхъ. Слѣпая любовь старухи не допускала соперниковъ своему мужу ни въ умственномъ развитіи, ни во внѣшнихъ качествахъ, хотя Станиславъ Порай былъ только не безобразенъ, но уступалъ по наружности во всемъ многимъ. Домовитая хозяйка, со связкою ключей за поясомъ, проводила цѣлые дни въ кухнѣ и кладовыхъ и даже на скромномъ супружескомъ ложѣ бредиластряпнею кушаньевъ, вареньями и наливками. Сквозь сонъ, она бранилась съ прислугою, но не забывала притомъ приголубливать своего мужа и давать ему нѣжный эпитетъ „котенка“. Съ своей стороны, мужъ платилъ взаимностью старушкѣ и любилъ, какъ говорятъ, по старопольски. Глубоко уважая въ ней достоинства жены и хозяйки, онъ нерѣдко награждалъ ее поцѣлуемъ, что случалось однако лишь въ большіе торжественные праздники. Больше всего онъ работалъ и заботился, чтобы увѣрить жену въ своей учености и обширности своего ума, надѣясь этимъ довести любовь своей жены до обожанія.

Теорія супружескаго счастья, какъ видите, была прочно установлена.

Супруги были бездѣтны. Бѣдная сиротка, которую Твардовскій встрѣтилъ въ замкѣ воеводы, была родственница жены Порая. Воевода, при жизни своей дочери, любилъ Агнесу, которая связана была съ нею узами неразрывной дружбы, и принималъ живое участіе въ воспитаніи сироты. По смерти своей пріятельницы, Агнеса изрѣдка посѣщала замокъ, съ цѣлью повидаться съ своимъ покровителемъ и взглянуть на мѣсто, гдѣ протекли ея лучшіе годы юности; все остальное время она проводила въ Краковѣ у своей родственницы, Варвары Порай.

Однако, довольно о Пораяхъ, будемъ говорить объ Агнесѣ. Молодая дѣвушка была рѣдкимъ и драгоценнымъ самородкомъ. Одаренная природою всѣми совершенствами, она привлекала къ себѣ своимъ умомъ и огнемъ черныхъ глазокъ, горѣвшихъ, какъ два уголька, величественностью своей фигуры и исполненнымъ благородства выраженіемъ лица; предъ ея гордымъ

величіемъ казались всѣ миниатюрными карликами, и помимо воли всѣ мужчины признавали свою ничтожность и преклонялись передъ ея красотою и благородствомъ съ какою-то почти-тельною боязнью.

Характеръ Агнесы совершенно соотвѣтствовалъ ея наружности. Въ то время Агнеса была очень рѣдкимъ явленіемъ среди женщинъ. Несмотря на свою бѣдность и одиночество, она знала себѣ цѣну и на мелкую шляхту не обращала никакого вниманія: ниже кастеляна она не удостоила бы никого своею любовью. Простыхъ смертныхъ она презирала, и смѣялась надъ красивыми юношами, осыпая ихъ нерѣдко язвительными колкостями, громила молокососовъ и на брачныя ихъ предложенія отвѣчала насмѣшками, въ видѣ гороховыхъ вѣнковъ.

Несмотря на свою бѣдность, Агнеса тѣмъ не менѣ гордилась своею красотою и благородствомъ происхожденія.

Въ особенности она удивляла всѣхъ своею необыкновенною ученостью, которая усиливала ея тщеславіе. Цѣня высоко науки и знаніе, — въ прежнее время запрещенный плодъ для женщинъ, — она являлась рѣдкимъ существомъ, чѣмъ-то среднимъ между мужчиною и женщиною. Истиннымъ наслажденіемъ и самою пріятною забавою было для нея ловить неосторожно сказанныя слова и затѣмъ терзать насмѣшками несозрѣвшихъ мудрецовъ, или, вѣрнѣе, недоучекъ. Поэтому, несмотря на ея рѣдкую красоту, молодежь начала избѣгать ее. Волокиты бросились на болѣе легкія побѣды, и Агнеса вскорѣ очутилась покинутою всѣми многочисленными поклонниками ея красоты, и въ довершеніе всего, въ двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ; это было именно въ то время, когда Твардовскій въ первый разъ встрѣтился съ нею въ саду воеводы.

Нерѣдко Агнесѣ приходилось выслушивать упреки Станислава, который ставилъ ей въ примѣръ свою жену, а ее считалъ какимъ-то феноменомъ.

— И зачѣмъ это ты отказала столькимъ почтеннымъ и уважаемымъ женихамъ? — говорилъ Станиславъ съ укоромъ. — Теперь ужъ никому не нужна твоя рука, — кто возьметъ ее? Красота твоя съ каждымъ годомъ увядаетъ, лицо вскорѣ покроется морщинами, слезы изборождаютъ его глубокими рвами и ты останешься навсѣгда старой дѣвой.

— Да ужъ лучше остаться старою дѣвой, — отвѣчала обыкновенно гордая красавица, — чѣмъ связать себя съ какимъ-нибудь глупымъ шалопаемъ.

— Ну, это ужъ слишкомъ! — Глупымъ шалопаемъ! — восклицалъ разсерженный Порай. — И ты осмѣливаешься называть такихъ жениховъ глупыми шалопаями?.. Ты подумай только, сколько достойныхъ купцовъ и мѣщанъ искали твоей руки!.. Неужто, по твоему, между ними не нашлось ни одного порядочнаго и умнаго человѣка, которымъ бы не погнушалась первѣйшая изъ краковскихъ невѣстъ.

— Желаю имъ счастья, хладнокровно и съ ироніей отвѣчала Агнеса, — съ менѣе прихотливыми женщинами.

— Что же ты думаешь, однако, дѣлать съ собою? — спрашивалъ ее Станиславъ послѣ такого возраженія.

— Если вы оставите меня, вы, которыхъ я считаю ближайшими родными и покровителями, я пойду въ монастырь и постригусь въ монахини.

— Гм... гм!.. Ну, зачѣмъ говорить о монастырѣ?.. — возражалъ на это Станиславъ Порай. — Ты знаешь, что мы не покинемъ тебя... Ни мнѣ, ни Варварѣ никогда и въ голову не приходила подобная мысль. Единственное наше желаніе обезпечить твою будущность, потому что дѣвушка не можетъ считать себя въ безопасности, пока не устроитъ свою судьбу, пока не ввѣритъ ее избраннику сердца.

Порай, по обыкновенію, называлъ ее латинской фразой — *hic mulier* — и хотя, въ сравненіи съ своей женой, считалъ ее какимъ-то нравственнымъ уродомъ, однако же питалъ къ ней любовь и привязанность, быть можетъ, потому, что она терпѣливо выслушивала чтеніе его безконечныхъ сентенцій и цитать.

Какъ видно изъ этого отрывка разговора Агнесы съ Станиславомъ, молодая дѣвушка цѣнила себя слишкомъ высоко и не падала духомъ; тщеславясь своею красотою, остроуміемъ и ученостію, столь необыкновенными для ея пола, она почти не обращала вниманія на доводы родственника. Смотря свысока на свѣтъ, Агнеса не унывала, что молодежь отстранилась отъ нея и что годы переходили границу молодости, а красота блекла почти съ каждымъ днемъ. Всѣхъ поклонниковъ ей замѣняли книги; она была увѣрена въ ничтожествѣ тѣхъ, кото-

рые не умѣли цѣнить ея красоты и держали себя въ ея присутствіи какими-то шалопаями. Несмотря на свои годы, она не теряла однако надежды на счастливый бракъ. Но кто не ласкалъ себя этой надеждой?..

Такова была красавица, которую Твардовскій полюбилъ съ перваго взгляда.

Наконецъ Агнеса возвратилась въ Краковъ.

Едва только она остановилась у крыльца квартиры Порая, какъ люди, караулившіе ея пріѣздъ, тотчасъ донесли о томъ великому ученому.

Въ тотъ же вечеръ Твардовскій, съ сопровожденіемъ гайдуковъ и лакеевъ, въ золоченой каретѣ подкатилъ къ крыльцу дома Порая. Сбираясь къ нему, онъ принялъ видъ, точно возвращался изъ деревни и, якобы невзначай, заѣхалъ навѣстить стариковъ.

Хозяева приняли гостей очень любезно и даже радушно. Порай по обыкновенію пустился въ ученые дебаты, которымъ любилъ угощать всѣхъ своихъ гостей.

Вскорѣ въ комнату вошла Агнеса и сѣла за пѣльцы, которые стояли рядомъ съ пѣльцами жены Порая. Станиславъ предупредительно познакомилъ Твардовскаго съ своей родственницей и разсыпался въ похвалахъ ея уму и учености. Агнеса замѣтила Твардовскому, что она видѣла его въ замкѣ воеводы. Это польстило самолюбію влюбленного и ободрило его, Агнеса же напомнила ему объ этомъ, съ цѣлью похвастаться своими связями съ воеводою; но Твардовскій не замѣтилъ этого и, радуясь хорошему началу своего знакомства съ молодой дѣвушкой, подошелъ къ ней и началъ разговоръ, который повидимому понравился молодой дѣвушкѣ.

Агнеса держала себя съ Твардовскимъ гораздо свободнѣе и лучше, чѣмъ со всѣми своими прежними поклонниками. До начала своего знакомства съ домомъ Порая, Твардовскій слышалъ много разныхъ вещей по поводу неприступной гордости молодой красавицы и удивлялся, что она съ нимъ такъ любезна и привѣтлива, развязна и мила, тогда какъ всѣхъ искателей своей руки она третировала и насмѣхалась надъ ними безъ всякаго милосердія. Ему и въ голову не приходило, что Агнеса считала его свѣтиломъ науки, въ лицѣ котораго она ви-

дѣла своихъ идоловъ—славу и недостигаемое величіе. Снисходительность свою она простерла до изысканной нѣжности, потому что чувствовала себя побѣжденной великимъ человекомъ, чудомъ вѣка, присутствіе котораго чувствовала возлѣ себя, который осчастливилъ ее своею бесѣдой и дыханіе котораго она ощущала на своемъ лицѣ...

Наконецъ настала чередъ Агнесы подумать, какъ опутать своими сѣтями великаго ученаго, какъ покорить его слишкомъ непокорное сердце, которымъ еще никто не осмѣливался овладѣть. Въ прекрасной головкѣ гордой красавицы создавался и созрѣвалъ уже планъ!.. Ее побуждало къ этому не только тщеславіе сдѣлаться женою Твардовскаго, но и его неистощимое богатство, о которомъ такъ много говорилось вездѣ и ходили самые преувеличенные слухи. Было о чемъ подумать, конечно; и не мудрено, что дѣвушка призадумалась надъ тѣмъ какъ опутать Твардовскаго.

Съ своей стороны, Твардовскій страстно и безгранично полюбилъ Агнесу. Въ ней онъ находилъ все то, о чемъ мечталъ и что создавало его воображеніе.

Не разъ приходило въ голову гордой красавицѣ, что никто не можетъ покорить его сердце, кромѣ нея, великой женщины, какъ она называла себя,—сердце величайшаго и славнѣйшаго изъ мужчинъ, которыхъ она видѣла въ жизни. Она не пренебрегала никакимъ оружіемъ, къ которому прибѣгаетъ кокетство женщины: страстные взгляды, слова, обворожительныя улыбки, жесты, грація—все было пущено въ ходъ, чтобъ приворожить къ себѣ ученаго.

Уѣзжая отъ Порая, счастливый и восхищенный Твардовскій горѣлъ желаніемъ скорѣе овладѣть красавицею, этимъ чудомъ ума, невинности и добродѣтели, и онъ чувствовалъ, что побѣда достанется ему гораздо легче, чѣмъ онъ могъ ожидать.

Начало было, какъ нельзя болѣе удачное: оба влюбились другъ въ друга и оба мечтали, хотя и различно, какъ бы половчѣе обдѣлать блестящее дѣло. Въ то время, когда пылкое воображеніе Твардовскаго рисовало ему несравненную красоту и прелесть Агнесы, молодая дѣвушка только и думала о славѣ, знаменитости и богатствѣ ученаго. Ей, какъ тщеславной женщинѣ, нужны были только наружный блескъ счастья, пустые

возгласы толпы; Твардовскому же, наоборотъ, нужна была искренняя любовь, которую онъ однако не прочиталъ бы въ ея глазахъ, если бѣ попристальнѣе взглянулъ на нихъ: кромѣ безчувственной холодности и тщеславія, онъ не замѣтилъ бы въ нихъ сердечной привязанности и не только страстной, но и самой обыкновенной любви. Чувства ея засохли въ основаніи, и если возрождались, то развѣ на мгновенье, только для того, чтобы помечтать о благахъ міра, для которыхъ она пожертвовала всѣмъ на свѣтѣ. И во снѣ, и на яву она бредила громкими титулами, даже коронами, блескомъ богатства и славой.

Удивительно! Какъ могъ такой великій ученый, прозрѣвавшій душу и характеръ человѣка, ошибиться въ выборѣ женщины?.. Впрочемъ, любовь всегда слѣпа, и причину этого ослѣпленія лучше всего могъ бы объяснить дьяволъ, который раздулъ въ сердцѣ Твардовскаго огонь страсти. Имѣя въ виду свои демоническіе расчеты, онъ и спѣшилъ воспользоваться ими.

VI.

Что совѣтовалъ Твардовскому дьяволъ.

Съ перваго знакомства началось ухаживаніе Твардовскаго за молодой красавицей, и оба они не скрывали своей симпатіи другъ къ другу. Несмотря на частыя свиданія его съ Агнесой въ любое время, Твардовскій ходилъ даже въ церковь, чтобы увидѣться съ нею, не говоря уже объ обыкновенныхъ ежедневныхъ прогулкахъ и публичныхъ гуляньяхъ; словомъ, ходилъ вездѣ, гдѣ только можно было имѣть надежду встрѣтиться съ нею. Почти все свободное время Твардовскій посвящалъ исключительно ей, и съ каждымъ днемъ они болѣе и болѣе сближались и дружились. Зная женщину, Твардовскій удивлялся своей робости въ присутствіи Агнесы, которой досихъ поръ не могъ высказать ни одного слова о своей любви, въ расположеніи и сочувствіи которой однако онъ ни мало не сомнѣвался. Но что значили пустыя слова и объясненія, когда Агнеса безъ словъ чувствовала его страстную любовь! Красавица не думала обезоруживать Твардовскаго и сама съ

страстнымъ нетерпѣніемъ ожидала объясненій, и даже ободряла его въ минуты колебаній, когда страстное слово «люблю» готово было сорваться съ его губъ; несмотря однако на всѣ ободренія, Твардовскій робѣлъ и потуплялся, какъ ребенокъ, при одной мысли о признаніи.

Въ такія минуты въ немъ происходила какая-то непонятная борьба съ самимъ собою и благородными чувствами любви, между которыми становился дьяволъ съ своими адскими планами. Борьба происходила, собственно, изъ-за вопроса, жениться, или только любить; любовницей или женой должна быть для него Агнеса? Долженъ ли онъ предложить ей временную связь или законную, освященную церковью и неразрывную навѣки?

Каждый пойметъ, какое слабое ручательство представляло Твардовскому званіе любовника красавицы и какова могла быть прочность этой любви; къ тому же для его горячей, страстной любви мало было этого неблагозвучнаго титула любовника. Ему казалось (какъ и каждому изъ насъ въ этомъ случаѣ), что онъ будетъ любить ровно цѣлый вѣкъ, и поэтому желалъ имѣть ее своею женой, чего однако не хотѣлось дьяволу, который употреблялъ всѣ средства, чтобы удержать Твардовскаго отъ рѣшительнаго объясненія съ Агнесой.

— Ты подумай только, — говорилъ ему сатана, — какое это ребячество!.. Изъ-за этого ты потеряешь славу, спокойствіе и счастье; свяжешь себя по рукамъ и ногамъ, дашь ей право на твою жизнь, на время, на трудъ, на богатство; изъ вольнаго человѣка сдѣлаешься рабомъ жены. Меня, конечно, не удивляетъ твое желаніе обладать ею, и я противъ этого ничего не имѣю, но обладать свободно, не связывая себя вѣчной клятвой, которая существуетъ только для черни, для дураковъ, ищущихъ себѣ рабства и нуждающихся въ немъ, какъ въ кускѣ насущнаго хлѣба, которые отъ колыбели привыкли тянуть ярмо неволи. Кромѣ того, ты долженъ подумать и о томъ, не будетъ ли твой бракъ противорѣчить заключенному между нами условію?

— Я отдалъ тебѣ только мою душу, но воля моя для тебя неприкосновенна — возразилъ Твардовскій, — и съ нею я могу поступать по своему усмотрѣнію и дѣлать, что вздумается.

— Ты, конечно, правъ, — сказалъ дьяволъ, — я и не противѣчу твоей волѣ. Но отбросимъ въ сторону интересы ада и будемъ говорить только о твоихъ. Неужели тебѣ хочется женитьбой нажить бѣду, заботы и дѣтей; находиться всегда подъ гнетомъ жены и въ потѣ лица коротать жизнь? Можешь ли ты наконецъ быть счастливымъ такъ, какъ бы тебѣ хотѣлось въ то время, когда ты долженъ дѣлиться съ женщиной, которую едва ли узналъ — женщиной, которую создало собственное твое воображеніе?

— О, я знаю ее очень хорошо!.. — возразилъ Твардовскій, — это единственная женщина въ мірѣ, которая достойна моей любви и у которой тѣло такъ же прекрасно, какъ и душа. Кубокъ соотвѣтствуетъ благовонному нектару.

— Серьезно?.. — вопросительно воскликнулъ дьяволъ, заливаясь проницательнымъ смѣхомъ. — Конечно, что и говорить!.. Это совершенство!.. Но, посмотримъ, будешь ли ты счастливъ съ нею; согласится ли она во всемъ съ тобою... Ты привыкъ къ свободѣ, а она — къ регулярности, какъ часы на ратушѣ, которые, пробивъ свои двадцать четыре часа, начинаютъ счетъ неукоснительно съ перваго. До сихъ поръ ты не зналъ ни ночи, ни дня, не зналъ конечнаго назначенія часовъ — этой несносной неволи, жилъ непринужденно: ѣлъ, пилъ, спалъ, когда и сколько хотѣлъ... Ну, а теперь все это исчезнетъ и ты будешь зависѣть отъ жены, которая распредѣлитъ для тебя время сна, обѣда, любви, занятій и т. п. Если женѣ вздумается спать — и ты долженъ дѣлать то же, если захочется ѣсть, ты тоже долженъ ѣсть съ нею, если она весела, ты тоже долженъ веселиться, если скучна — плакать вмѣстѣ съ нею; тебя заставитъ она цѣловаться и нѣжничать по своему произволу, тогда какъ ты съ удовольствіемъ бы отдался труду или отдохновенію; ты долженъ сдѣлаться тѣнью жены, исполнительной буквой ея воли. Въ то время, когда ты займешься великими вопросами науки, она броситъ тебѣ подъ носъ свое платье и засыплетъ упреками, зачѣмъ такъ скоро истаскалъ его; когда послѣ трудовъ ты захочешь предаться отдохновенію, тебя она разбудитъ вопросомъ, что ты завтра будешь кушать. Словомъ, ты будешь связанъ, запертъ, какъ въ тюрьмѣ, измученъ и уничтоженъ.

— Ахъ, оставь ты меня, пожалуйста, въ покоѣ со всѣми твоими предсказаніями... Я твердо рѣшился жениться, ну и женюсь...

— Сердись, сколько угодно, но я все-таки долженъ предупредить тебя, что ты получишь согласіе твоей Агнесы только въ томъ случаѣ, если тайкомъ увезешь ее отъ родныхъ, потому что, — хотя она и желаетъ выйти за тебя и хотя Порай любить тебя, — но онъ не отдастъ ее за тебя, потому что, тебѣ должно быть извѣстно, Агнеса должна сдѣлаться наслѣдницею всего состоянія Пораевъ; а въ духовномъ завѣщаніи сказано, что только въ томъ случаѣ она будетъ наслѣдницей всего богатства, если выйдетъ за какого нибудь ея родственника изъ купцовъ. Вѣдь Порай въ глазахъ людей не бѣдишь тебя, а ты знаешь, что нынче даже пятнадцатилѣтняя дѣвушка не промѣняетъ золото на любовь, твоей же Психеѣ гораздо болѣе пятнадцати лѣтъ, — чуть что не вдвое. Повѣрь мнѣ, какъ честному чорту, что она расположена къ тебѣ только изъ-за славы, которою ты обладаешь; она ласкаетъ и любитъ тебя, потому что ты извѣстенъ міру, къ тому же очень богатъ... Впрочемъ, что касается ея самой, она, быть можетъ, добровольно согласится отдать тебѣ свою руку и стать подъ вѣнецъ; но все-таки будетъ имѣть въ виду поименованныя мною препятствія, противъ которыхъ не посмѣетъ идти... Желаніе Порая, выраженное въ завѣщаніи, сильно дѣйствуетъ на нее.

— Въ такомъ случаѣ я тайкомъ увезу ее, и все-таки женюсь, — сказалъ Твардовскій; — иначе, она ни за что не согласится сдѣлаться моей любовницей.

— Гм!... — чмыхнулъ дьяволъ. — Съ тобой, повидимому, никакъ не сговоришься... Впрочемъ, какъ хочешь, я, пожалуй, и здѣсь сослужу тебѣ службу... Я самъ повѣнчаю васъ, и, ради этого торжества, переодѣнусь священникомъ... Привози ее въ лѣсъ или какую-нибудь полуразрушенную часовню на перекресткѣ дорогъ, или, наконецъ, въ пустую избу въ глуши... Ты скажешь ей, что пригласилъ меня изъ монастыря Бернардиновъ, и дѣло будетъ въ шляпѣ. Вѣдь тебѣ все равно, кто бы не повѣнчалъ васъ.

Твардовскій призадумался и опустилъ глаза; потомъ опять взглянулъ на дьявола и взволнованно сказалъ:

— Нѣтъ, я не хочу обманывать ее.

— Видно, любовь сдѣлала тебя отъявленнымъ трусомъ,—сказалъ дьяволъ.—По моему, только бы бракъ былъ оформленъ, въ виду того, что если ты вдругъ пожелаешь разойтись съ своей женою...

— Разойтись! Мнѣ съ нею разойтись, бросить ее!..—воскликнулъ Твардовскій.

— Ну, ну, не кричи такъ громко,—сказалъ хладнокровно дьяволъ.—Чтожъ тутъ удивительнаго?.. Дѣло житейское... Ты можешь объяснить ей это потомъ... Но когда же ты думаешь увести ее?..

— Подожди; я еще не успѣлъ даже объясниться съ нею, и—вопросъ—знаетъ ли она, что я люблю ее?

— Мнѣ кажется, что ты никогда не рѣшишься на это, если до сихъ поръ ты молчалъ,—сказалъ улыбаясь дьяволъ.—Но вѣдь для объясненія съ нею можно обойтись безъ словъ; если это слишкомъ тяжело для тебя — напиши письмо; это будетъ гораздо короче и яснѣе... Главное, не скупись на обѣщанія; особенное ея вниманіе обращай на деньги; деньги, это — магнитъ для женщинъ, деньги никогда не портятъ дѣла, — совѣтовалъ ему доброжелательный дьяволъ. — Женщины любятъ золотить себѣ крылышки, если хотятъ казаться херувимчиками; а гдѣ нѣтъ золота, тамъ, конечно, не можетъ быть и позолоты.

VII.

О дѣдахъ и бабахъ и какъ Твардовскій воспользовался услугами старой Нахны.

Когда исчезъ дьяволъ, Твардовскій началъ снова обдумывать средства, какъ бы ему лучше приступить къ задуманному дѣлу: онъ чувствовалъ себя безсильнымъ лично объяснить съ Агнесой и рѣшился написать къ ней письмо, въ которомъ выразилъ ей свою пламенную любовь, давно уже питаемую къ красавицѣ. Въ письмѣ онъ исчислилъ свои несмѣтныя богатства и общалъ ей золотыя горы, свободу, и, глав-

ное, ничѣмъ невозмутимую счастливую жизнь. О несмѣтномъ своемъ богатствѣ онъ распространялся очень подробно; въ этомъ случаѣ Твардовскій находилъ совѣты дьявола очень основательными и неупустительно слѣдовалъ имъ. Желая высказать себя въ глазахъ красавицы, Твардовскій болѣе всего напиралъ на независимость ея положенія благодаря богатству, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремился къ главной цѣли своего письма: Твардовскій умолялъ красавицу придти въ церковь Богородицы, откуда, послѣ вечерни, въ сумерки, предлагалъ уѣхать съ нимъ въ коляскѣ, которая будетъ ожидать ее у церкви. Онъ клялся тотчасъ же обвѣнчаться съ нею и просилъ, дѣлая выборъ между богатымъ и молодымъ глупцомъ и богатымъ же и молодымъ философомъ, предпочесть его, принявъ въ расчетъ и взвѣсивъ будущность и надежды ихъ обоихъ на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ разсудка.

Хотя мы убѣждены, что письмо это не было продиктовано дьяволомъ, однако, послѣдній аргументъ можно положительно приписать его внушенію.

Окончивъ письмо и переписавъ его каллиграфическимъ почеркомъ XVI вѣка, который насколько былъ хорошъ для того времени, настолько же и неразборчивъ для настоящаго. Твардовскій призадумался надъ тѣмъ, кому бы поручить отнести его Агнессѣ. Дѣло требовало особенной предосторожности и предусмотрительности, чтобы не возбудить подозрѣнія недовѣрчиваго Порая, который могъ проникнуть въ его намѣренія и понять отвращеніе родственницы жены къ его роднымъ, купцамъ и мѣщанамъ.

Послѣ долгаго размышленія, Твардовскій рѣшился прибѣгнуть къ помощи старой Кахны, нищенки, извѣстной во всемъ Краковѣ своимъ гаданіемъ на картахъ. Старуха Кахна было болтливая баба и знала всѣ закоулки и трущобы столицы. Кахну принимали вездѣ, какъ въ лачугахъ бѣдняковъ, такъ и въ палатахъ вельможъ; съ нею совѣтовались старые и малые, богатые и бѣдные люди; ей извѣстны были всѣ фамиліи тайны; Кахна принимала дѣятельное участіе во всѣхъ сватовствахъ и любовныхъ интригахъ.

Но прежде, чѣмъ познакомить читателя съ этой характерною личностью того времени, принадлежащую къ осо-

бому классу народа, скажемъ нѣсколько словъ о дѣдахъ и бабахъ вообще.

Съ давняго времени въ Польшѣ, какъ и вездѣ, нищіе составляли особый классъ, отличавшійся отъ другихъ классовъ народа своими особенными правами и обычаями, фізіономіями и мышленіемъ. Знакомство съ этимъ нищенскимъ классомъ и въ настоящее время во многомъ разъяснило бы исторію народныхъ предразсудковъ и суевѣрій. Нищіе играли довольно видную роль въ народѣ, служа посредниками между духовенствомъ, а тѣмъ болѣе между народомъ и клехою (церковный служитель). Отъ клехи до звонаря, а отъ звонаря до дѣда и отъ дѣда до паперти переходъ былъ не великъ. Съ одной стороны, дѣдъ (нищій) держался народа, изъ котораго вышелъ; съ другой—церкви и церковныхъ причетниковъ, которымъ дѣлалъ неболшія услуги и по милости которыхъ пользовался извѣстнымъ положеніемъ нищихъ при церкви, занимая видное мѣсто на паперти и существуя подавнѣмъ. Составляя, такъ сказать, нѣкоторое звено или, лучше, послѣднюю ступень церковныхъ служителей для народа, они были врачами (знахарями), совѣтниками, кумами и сватами; крестьяне неразлучны были съ дѣдами и бабами. Баба принимала ребенка, баба обмывала покойника, баба укладывала его въ гробъ; баба читала псалмы (псалтырь), пѣла литаніи, если не было чѣмъ заплатить причетнику, и за всѣ свои труды получала кувшинъ пива и горшокъ каши. Образованные немногимъ больше остальной массы, они выдавали себя передъ народомъ какими-то вдохновенными свыше людьми, юродивыми, исполненными всевѣдѣнія и знанія таинственной науки, составлявшей какъ бы традиціонное сокровище ихъ касты, переходящей изъ рода въ родъ. Чернь, по простотѣ своей, хваталась за все, что бы они ни посовѣтывали въ тяжелую минуту жизни, и искала въ нихъ облегченія всему, что ложилось на ихъ физическую силу или нравственность тяжелымъ бременемъ. Это были знахари, въ полномъ смыслѣ слова, пользовавшіеся легковѣріемъ темнаго люда и умѣвшіе весьма искусно обдѣлывать свои дѣлишки ради пропитанія себя.

Дѣды и бабы ловко умѣли проникать въ жилища и втираться въ среду, куда нерѣдко доступъ былъ сопряженъ съ

большими трудностями: никто, лучше дѣдовъ и бабъ, не умѣлъ такъ подражать и лстить человѣческимъ слабостямъ, возбуждать къ себѣ сожалѣніе и искреннее участіе; слѣдствіемъ этого была — милостыня. Вѣрующимъ же въ колдовство и симпатическія лѣкарства (но кто не вѣрилъ въ нихъ въ XVI вѣкѣ? всѣ, начиная съ духовныхъ и сановниковъ и кончая королемъ) дѣды и бабы предлагали различныя травы, корни, мази и заговоры. Ханжамъ, за подаваніе, вымаливали всѣ блага земныя и небесныя. Участіе нищіе эти возбуждали къ себѣ болѣзнями и увѣчьемъ, чаще всего искусственнымъ. Обыкновенныя болѣзни ихъ заключались въ божьей карѣ, юродствѣ, слѣпотѣ, глухотѣ, нѣмотѣ, въ искусственномъ растравленіи ранъ, пляскѣ св. Витта и т. под.

Одежда дѣдовъ и бабъ была различна. Обыкновенно они ходили въ лохмотьяхъ, едва прикрывавшихъ наготу тѣла, неотъемлемою принадлежностью которыхъ были костыли и деревяшки, мѣшокъ, повѣшенный на веревочку черезъ плечо, куда прятали они подаваемую милостыню, и посохъ, служившій опорой ихъ настоящей или поддѣльной дряхлости и слабости. Вдобавокъ ко всему, волосы ихъ нерѣдко сливались въ колтунъ, отъ неопрятности и неряшества; они ходили съ обнаженными головою, ногами и грудью, покрытыми ранами и струпами; болѣзненное лицо и налитые кровью глаза довершали ихъ, вызывающія состраданіе, болѣзни.

Въ числѣ этой арміи нищихъ, наводнявшихъ Польшу, были нищіе другого рода, причислявшіе себя къ обществу аристократовъ. Это, такъ называемые, пилигримы, ходившіе въ святые мѣста, въ Римъ, или только замышляющіе это путешествіе. Такіе нищіе отличались во всемъ отъ обыкновенныхъ нищихъ. Пилигримы эти ходили съ выданными имъ, отъ ратуши или другихъ учреждений, свидѣтельствами, снабженными печатами и подробными маршрутами, которыхъ они строго держались, не отступая ни на одинъ шагъ отъ указаннаго направленія. Одежда пилигримовъ была та же, какую носили пилигримы на Западѣ: широкій плащъ темнаго цвѣта, кожаный мѣшокъ, шляпа со шнуркомъ, четки, мѣдный ковшикъ у пояса и посохъ были ихъ необходимою принадлежностью. Пилигримы обыкновенно ходили вдвоемъ, и прежде чѣмъ переходили границу, мыка-

лись въ краѣ по городамъ и селамъ и собирали милостыню. Священники возвѣщали о нихъ, какъ о путешественникахъ, съ амвоновъ и возбуждали чувство благотворительности въ своихъ прихожанахъ. Во время церковной службы пилигримы садились на паперти, пѣли священные гимны и кантаты, продавали писанныя молитвы и обращали на себя всеобщее вниманіе молящихся.

Ниже мы скажемъ, куда большею частью ходили эти нищіе съ набожною цѣлью.

Нѣкоторые дѣды и бабы ходили съ кружкою, въ которую собирали деньги на построеніе новыхъ и обновленіе старыхъ храмовъ, на богадѣльни, больницы, пріюты и т. п. богоугодныя заведенія. Кружки эти они носили на шеѣ.

Между этими каликами-перехожими встрѣчались калики по профессіи, которые умѣли искусно прикидываться слѣпыми, хромыми и одержимыми различными болѣзнями, чаще всего болѣзнями св. Витта; они прибѣгали къ различнымъ средствамъ: бросались изъ стороны въ сторону, кричали, судорожно корчились и ежились, выставляли на показъ свои раны, были нечеловѣческимъ голосомъ, выворачивали бѣлки глазъ, руки и ноги, и все это продѣлывалось во время совершенія церковной службы, чтобы возбудить состраданіе молящихся.

Были между ними и такіе, которые, проходя по селу или деревнѣ и выждавъ удобное время, выворачивали шубу и, привязавъ себѣ волчій хвостъ, представляли вурдалаковъ или оборотней; въ отсутствіе взрослыхъ, они пугали деревенскихъ ребятишекъ и суевѣрныхъ женщинъ, которыя, замѣтивъ оборотней, спѣшили запереть окна и двери и выбросить имъ въ жертву все, что есть лучшаго изъ съѣстнаго. Подобнаго рода оборотень, по обыкновенію, не бралъ хлѣба и вылъ подъ окномъ, грозя истребить въ полѣ все стадо скота, до тѣхъ поръ, пока хозяйка не подавала ему монету или вообще какую-нибудь болѣе или менѣе цѣнную милостыню. Если оборотню удавалось проникнуть въ избу, прежде чѣмъ замѣчала хозяйка, то онъ принимался выть и рычать по волчьи и, заглядывая во все углы и посуду, разбрасывалъ щепотью какой-нибудь порошокъ самаго невиннаго свойства. Напугавъ такимъ образомъ бабъ и ребятишекъ, испуганныхъ и безъ того однимъ

видомъ оборотня, дѣдъ торжественно выходилъ изъ избы, забравъ съ собою все, что попадалось ему лучшаго.

Отсюда, повидимому, происхожденіе слова „дѣдъ“, употребляемое няньками для устрашенія маленькихъ дѣтей во время ихъ капризничанья.

Для большаго возбужденія состраданія, дѣды нерѣдко прибѣгали и къ другимъ средствамъ: они крали малютокъ, если не имѣли своихъ, и, обходя съ ними деревни, заставляли ихъ пѣть священныя пѣсни. Впрочемъ, подобные случаи встрѣчались рѣдко, потому что молодыя нищенки съ удовольствіемъ продавали своихъ дѣтей дѣдамъ и бабамъ, чтобы только отвязаться отъ нихъ и развязать себѣ руки.

Были между этою массою шатающихся по свѣту дѣдовъ и такіе, которые предпочитали постоянное мѣстожителство, доставлявшее имъ не меньшую жатву на этой нивѣ нищенства и зла. Они избирали себѣ мѣста, освященные церковью и вѣрованіемъ народа, т. е. у источниковъ, колодцевъ, изваяній, въ часовняхъ съ чудотворными образами и у крестовъ на большихъ дорогахъ, гдѣ пѣли священныя пѣсни, чаще всего о бѣдномъ Лазарѣ (отсюда повидимому и происхожденіе народной поговорки: «тянуть Лазаря».) Молясь и стона у избранныхъ мѣстъ, дѣды подавали воду приходящимъ и указывали дорогу несвѣдущимъ странникамъ. Въ глухихъ лѣсахъ или на распутьяхъ стояли полуразвалившіяся избушки, гдѣ жили дѣды, встрѣчавшіе каждаго проходящаго съ протянутою рукой, прося милостыню.

Нѣкоторые калѣки пользовались постояннымъ пріютомъ у церкви и замѣняли звонарей и привратниковъ и, кромѣ того, имѣли привилегію на лѣченіе людей и скота.

Одежда бабы почти ничѣмъ не отличалась отъ одежды дѣда: доскутья и рубище. Къ поясу онѣ привязывали себѣ обыкновенно горшокъ, въ которомъ хранили чудодѣйственныя травы и разныя снадобья и куда складывали подаваемую имъ милостыню. Въ церквахъ онѣ садились на папертяхъ или въ притворахъ и пѣли такъ называемый «Рожанецъ» или «Розовый вѣнокъ». Главнымъ источникомъ занятій бабъ были гаданье, заговоры и наговоры, лѣченіе женскаго пола и надзоръ за женщинами во время родовъ, у которыхъ онѣ и принимали

поворожденныхъ. Дѣды и бабы знали всё народныя суевѣрія, дурныя и хорошія предзнаменованія погоды и вообще предзнаменованія, выражающіяся разными примѣтами на скотѣ, птицахъ и собакахъ и проч., (такъ, напр., если собака завоетъ, глядя въ землю — быть покойнику, если же воетъ, поднявъ морду вверхъ — быть пожару; если при метеніи избы соръ скрещивается на крестъ — непременно умретъ кто нибудь, и т. под. примѣты). Бабы толковали сны, выкуривали изъ домовъ нечистую силу и выживали домовыхъ. Для этой цѣли онѣ ходили всегда съ запасомъ различныхъ снадобьевъ, со «срѣтенскими» восковыми свѣчами, мазями, цѣлительными бальзамами и св. водою, которою кропили пасѣки, конюшни и хлѣвы; онѣ ворожили, какъ цыганки, на ладони, открывали воровъ, сводили влюбленныхъ и т. п. Зная суевѣріе черни, онѣ извлекали изъ этого нерѣдко громадную пользу... По ихъ словамъ, встрѣтить женщину съ порожними ведрами или священника, когда человѣкъ идетъ по какому нибудь дѣлу, означало неуспѣхъ въ задуманномъ предпріятіи въ этотъ день, и слѣдовало вернуться назадъ. Карканье ворона на крышѣ предвѣщало неизбѣжную бѣду. По четвергамъ, послѣ полудня, не слѣдовало прѣсть кудель, а по пятницамъ — печь хлѣбъ. Лопата не должна стоятъ въ углу избы, порожній столъ не долженъ покрываться скатертью, избу не слѣдовало заметать отъ дверей. Беременнымъ женщинамъ запрещалось ходить на похороны (въ этомъ, отчасти, онѣ были правы). Бабы совѣтовали умершимъ колдуньямъ ломать пальцы, чтобы послѣ смерти не вставали изъ могилъ и не летали по свѣту; бабы отводили градобитія и замѣняли громоотводы, окуривали и окрещивали молочную посуду и горшки, чѣмъ накликали, якобы, достатокъ во всемъ. Онѣ лѣчили людей и скотъ отъ всевозможныхъ болѣзней.

Бабы всегда являлись непрошеными совѣтницами и исцѣлительницами болѣзней. Кромѣ того, когда сословія связаны были неразрывною цѣпью общихъ интересовъ, онѣ учили небогатыхъ шляхтиночекъ кокетству и различнымъ, недостойнымъ женщины, хотя и общепринятымъ въ настоящее время, пріемамъ поддѣлки красоты: румяниться, бѣлиться, подводить брови и рѣсницы; онѣ давали имъ «любовнаго зелья», которымъ якобы

можно было приворожить суженыхъ; распутнымъ женщинамъ бабы давали лѣкарства, изгонявшія плодъ; точно также симпатическія средства, въ родѣ гнилушекъ отъ гробовъ, моха изъ церковныхъ кровель и т. под., которыя будто бы были равносильны травамъ и корнямъ, содѣйствующимъ къ безплодію женщины; съ этою цѣлю, онѣ клали эти средства въ изголовья кроватей или подъ постель.

Бабы были повѣренными влюбленныхъ, сводницами и разводницами ихъ по своему усмотрѣнію. Онѣ ссорили и мирили мужей съ женами, совѣтовали какъ воспитывать дѣтей, содѣйствовали любовнымъ интригамъ, переноса изъ дома въ домъ письма и словесныя пересказы, назначали свиданія влюбленнымъ и вообще дѣлали все, что было въ ихъ власти, по тоношенію къ любовнымъ интригамъ.

Иногда эти всемірныя попрошайки занимались куплею, продажею и мѣною разной ветоши: тряпокъ, обносковъ и т. п., но главный ихъ промыселъ былъ въ продажѣ лѣкарствъ: мазей, цѣлительныхъ бальзамовъ, восковыхъ свѣчей, четокъ, крестиковъ, образчиковъ, восковыхъ ручекъ, ножекъ и сердечекъ, которыя выдѣлывали онѣ для приношенія въ жертву во время церковныхъ и престольныхъ праздниковъ. Все это покупалось крестьянами, а нерѣдко и бѣдною шляхтой, нарасхватъ.

Простой народъ считалъ каждую бабу колдуньей, вѣрилъ въ сношенія ея съ дьяволомъ и боялся разсердить ее. О нихъ ходили самыя разнообразныя слухи: говорили, что бабы, въ каждый четвергъ послѣ новолунія, надѣвъ рубашку наизнанку, вылетали изъ избы черезъ трубу или среднее окно, и, собираясь на распутьяхъ на «Подгорской границѣ», совершали какіе то таинственные обряды; что онѣ, по желанію, превращались въ невидимокъ, оборотней, козъ, кошекъ и т. п., съ помощію какихъ-то травъ, отпирали замки въ амбарахъ, лазили по стѣнамъ, цѣпляясь, какъ кошки, своими длинными когтями, ходили по водѣ, точно по сушѣ, и ни въ чемъ не имѣли себѣ соперниковъ. Имъ же приписывали даръ чудеснаго откровенія, даръ узнавать будущее; говорили, что бабы, какъ хамелеоны, измѣнялись два раза въ мѣсяцъ: въ новолуніе и полнолуніе; что ночью онѣ принимали на себя образъ смерти, а вечеромъ—вѣдьмы или летавца, съ которыми онѣ были

въ тѣсной дружбѣ. По мнѣнію крестьянъ, летавецъ принималъ различные виды, и по просьбѣ бабы, будучи невидимымъ существомъ, выносилъ изъ амбаровъ и клѣтей все, что было лучшее, для своихъ друзей.

Главнымъ занятіемъ бабы въ городахъ и деревняхъ было омываніе тѣлъ умершихъ. Едва только больной закрывалъ глаза на вѣчный сонъ, какъ баба являлась, точно изъ подъ земли, и принималась за свое ремесло. Многіе изъ жалости, а то и изъ боязни, не рѣшались приступить къ этой операціи, и если не было подъ рукою бабы, посылали за нею въ ближайшую деревню или, вообще, по мѣсту жительства.

Бабы и дѣды, по двое и по трое, таскались изъ деревни въ деревню, съ богомолья на богомолье, съ ярмарки на ярмарку; онѣ не любили ходить большими толпами, въ виду того, что изъ подобнаго хожденія по разнымъ селамъ и весямъ извлекалось очень мало пользы, такъ какъ лучшая милостыня выскользала нерѣдко изъ рукъ нищей или нищаго, а вслѣдствіе этого происходили ссоры и недоразумѣнія. Большія дороги были засѣяны нищими: слѣпой съ проводникомъ, глухой съ хромымъ, нѣмой съ слѣпымъ, дѣдъ съ бабою, баба съ пріятельницей тянулись вереницами по дорогѣ. На богомольяхъ они обыкновенно занимали мѣста вокругъ церкви и наперерывъ другъ передъ другомъ оглашали воздухъ «завываніемъ Лазаря» и разныхъ пѣсенъ, нерѣдко измышленныхъ самими нищими и вовсе не соответствующихъ ихъ мнимой набожности. День поминовенія прародителей, называемый «задушнымъ днемъ», былъ для нихъ, какъ и въ настоящее время, великимъ днемъ въ году, днемъ самой обильной милостыни, которая подается въ этотъ день, съ цѣлью поминовенія прародителей и вообще умершихъ,—а умершихъ у каждаго найдется не малая толка, и поэтому каждый спѣшитъ въ этотъ день отслужить панихиду и надѣлать милостынею нищую братію. Многіе въ этотъ день сзываютъ нищихъ къ себѣ на домъ и дѣлаютъ для нихъ поминальный обѣдъ, остатки котораго они берутъ съ собою.

Самое многочисленное стеченіе нищихъ въ Польшѣ были и есть мѣста, извѣстныя чудотворными иконами, цѣлительными источниками и проч., какъ, напр., Ченстоховъ, Новая Кальварія, Крестовоздвиженская церковь на Лысой горѣ, Ле-

жайскъ, Сташовка, Щепаново, Гиѣзно, — въ день св. Войцѣха, Пильжно — въ Ивановъ день, Ржешовъ — на ярмаркѣ, въ Прже-
чицѣ — въ Михайловъ день, въ Лекахъ — на Варѣоломея, въ
Хелмѣ, въ Добржеховѣ, за Дембицей и во многихъ другихъ
мѣстахъ. Въ Завадахъ, напр., находилось чудотворное распятіе
Христа, съ боку котораго вытекала вода. Эту воду дѣды и
бабы разносили по селамъ и деревнямъ и продавали крестья-
намъ, которые вѣрили въ ея цѣлительность. Странствующие по
свѣту дѣды заносили ее въ чужіе края, какъ, напр., въ Венгрію,
Пруссію, Силезію, Моравію, Валахію и Семиградскую землю,
заручившись документомъ отъ мѣстнаго духовенства, свидѣ-
тельствующимъ о цѣлительности источника, изъ котораго взята
была вода. Съ большимъ страхомъ пробирались дѣды черезъ
Безчадскія тѣснины, наполненныя разбойниками. Многіе ходили
съ этою цѣлительною водою на Украину и въ казацкія земли,
съ цѣлью распространенія слуховъ о цѣлительности источника.
Питаясь подаеніемъ, дѣды не затруднялись подходящими слу-
чаями и не «клали охулки на руку». Многіе даже преспокойно
уголяли табуны лошадей и переправляли ихъ за границу, пере-
ходя разными окольными путями.

Богатая шляхта и вельможи нерѣдко поручали имъ пере-
носить секретныя письма, высматривать непріятельскія войска,
наблюдать за извѣстными личностями и т. п. Такъ, одинъ
изъ странствующихъ дѣдовъ, услугами котораго хотѣлъ вос-
пользоваться король Сигизмундъ, поручивъ ему доставить
тайныя письма ливонскимъ рыцарямъ, умеръ дорогою и тайна
обнаружилась. Извѣстно также, что князь Симеонъ Слуцкій,
переодѣвшись нищимъ, прокрался во Львовъ къ невѣстѣ своей,
Галькѣ Острожской. Пользуясь случаемъ, упомянемъ объ
обычаѣ, принятомъ вельможами, приглашать дѣдовъ восприем-
никами своихъ дѣтей. Дѣтямъ, окрещеннымъ чрезъ ихъ по-
средство, предсказывались долговѣчность и счастье. Объ этомъ
упоминаетъ и извѣстный польскій историкъ І. Жаховскій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣды были народными миннезигеранми,
Слѣпцы, волынщики, гусляры и бандуристы ходили по дерев-
нямъ и пѣли народныя и священныя пѣсни. Ремесло гусляра.
бандуриста и проч. было повидимому очень прибыльно и пе-
реходило по наслѣдству отъ отца къ сыну, вмѣстѣ съ увѣ-

чемъ и слѣпотою. Въ виду этого, — по крайней мѣрѣ говорить такъ, — нищіе умышленно ослѣпляя своихъ ребятъ.

Многіе нищіе, промышлявшіе воровствомъ, говорили на особенномъ, имъ только понятномъ, языкѣ, о чемъ упоминаютъ и историки. Это былъ особый воровской жаргонъ, состоявшій изъ разныхъ выдуманныхъ выраженій или обыкновенныхъ фразъ, имѣвшихъ свой смыслъ, подобно бурлацкому и охотничьему языку, отличающихся техническими терминами.

Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, какую роль играли въ народѣ нищіе и какое вліяніе имѣли они на чернь. Баба принимала ребенка, баба была кумой, свахой, лѣкаркой; баба мыла покойника, пѣла, читала псалтырь и провожала его на кладбищѣ. Отсюда, повидимому, и происхожденіе пословицы: *зды дьяволъ нейметъ, туда бабу пошлетъ*. Никакое обстоятельство, интересовавшее общественную или домашнюю жизнь крестьянъ, не обходилось безъ посредства дѣда или бабы, этихъ таинственныхъ, удивительныхъ существъ, неизвѣстно откуда появлявшихся и куда исчезающихъ, но всегда слѣдовавшихъ одно за другимъ безостановочно.

Обычаи этого нищенскаго класса — были ужасною смѣсью набожности и суевѣрій, молитвы и преступленій. Услужливые нищіе придумали даже и нынѣ извѣстную поговорку: на каждую болѣзнь свое лѣкарство, въ силу которой вѣрятъ крестьяне, какъ въ законъ. Не одну совѣсть успокаивала эта поговорка и не одинъ болѣзненный страхъ разсѣяла она. Преклонныя лѣта старцевъ и бабъ, ихъ таинственная жизнь, обычаи, преданія и традиціонныя сказанія, переходившія изъ рода въ родъ, — все это въ глазахъ народа покрывалось какимъ-то мистическимъ покровомъ, заставляло вѣрить въ ихъ колдовство, бояться и вмѣстѣ съ тѣмъ уважать ихъ.

И дѣйствительно, нерѣдко страшна была месть этихъ людей, передъ которыми почти безсиленъ былъ законъ и которыхъ не обуздывали ни вѣра, ни совѣсть. Поджоги, отравы, убійство были ихъ обыкновенными средствами мести. Несмотря на свою неприглядность, нищіе, какими мы изобразили ихъ, въ то время были необходимыми для народа, на который нельзя было повліять словами, а нужно было прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ, что и дѣлали прозорливые нищіе.

Были нищіе и другого сорта, если можно такъ выразиться о нихъ, называвшіеся только отчасти нищими, отличающимися, въ нѣкоторомъ смыслѣ, другою жизнью и кружкомъ, въ которомъ вращались они, — это городскіе, осѣдлые нищіе, болѣе образованные, или, лучше сказать, болѣе пронирыльные, лукавые и хитрые.

Изъ городскихъ нищихъ скоро образовались товарищества, братства, цехи, имѣвшие свои привилегіи. Они вели свои книги, имѣли писарей, чиновниковъ, кассировъ, ревизоровъ, которые смотрѣли за вновь прибывающими нищими, не состоящими членами въ ихъ обществѣ и неимѣющими права собирать милостыню или занимать мѣсто на папертяхъ и кладбищахъ. Такія общества и товарищества появились въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ. Они имѣли въ городахъ свои дома, гдѣ собирались для необходимыхъ совѣщаній и обсужденій текущихъ дѣлъ. Общество заботилось о каждомъ своемъ членѣ и передъ смертью посылало къ нему священника, отводило мѣсто для погребенія тѣла и т. п. Пришлецы, пуждавшіеся въ помощи братства, должны были являться въ общественное учрежденіе нищихъ и предъявлять свой видъ. Общество зботилось о выкупѣ своихъ членовъ изъ неволи, попавшихъ во время странствованія по чужимъ землямъ, и содѣйствовало къ скорѣйшему распространенію слуховъ о болѣзни и одержимости новаго члена, чрезъ посредство священниковъ, чтобы возбудить состраданіе въ народѣ. Временно пребывающіе въ городѣ нищіе не имѣли права просить милостыню публично. Регулярно, чрезъ каждыя четыре недѣли, общество собиралось на совѣщаніе; всѣ постановленія общества заносились въ протоколъ, который и подписывался членами. Только голодъ и моровое повѣтріе нарушали этотъ образцовый порядокъ въ нищенскихъ обществахъ.

Нищимъ, находившимся въ госпиталяхъ и лазаретахъ, дозволялось просить милостыню только въ означенное совѣтомъ время, какъ, напр., въ поминальный день (задушный) или въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Старшинами и предсѣдателями обществъ избирались звонари и церковнослужители. Кромѣ того, для членовъ общества при церковныхъ папертяхъ устраивались шалаши, въ которыхъ они могли сидѣть во всякое время и просить милостыню.

Однако же, городскіе нищіе далеко не пользовались такою свободой, какою пользовались деревенскіе нищіе. За городскими нищими наблюдали городскіе магистраты и запрещали имъ бродить по городу, подъ угрозой позорнаго столба, наказанія розгами или изгнанія изъ города. Уличенныхъ въ колдовствѣ, или даже имѣющихъ только намѣреніе заняться этимъ ремесломъ, жгли безъ пощады и милосердія. Гораздо свободнѣе чувствовались себѣ нищіе въ деревнѣ, коротая дни свои въ веселомъ странствованіи отъ избы къ избѣ, отъ села къ селу, гдѣ каждый крестьянинъ видѣлъ въ дѣдушкѣ или бабушкѣ своихъ знакомыхъ и съ радостью подавалъ имъ подаеніе.

Что вліяніе нищихъ отзывалось деморализующимъ образомъ на народъ, доказывается тѣмъ, что многіе изъ крестьянъ, завидуя ихъ бездѣлю и свободной жизни, предавались и сами нищенству и бродяжничеству по бѣлому свѣту. Нищіе обыкновенно скрывали ихъ первыя преступленія, влекуція за собою много другихъ, и новички оставались безнаказанными, что заохочивало ихъ къ новымъ малымъ или большимъ проступкамъ.

Кромѣ постояннаго сообщенія нищихъ съ интеллигентнымъ классомъ и дворянствомъ, о которомъ мы говорили выше, кстати упомянемъ о тѣхъ отношеніяхъ, какія рождались въ XV и XVI вѣкахъ, во время обѣдовъ и праздниковъ, устраиваемыхъ вельможами и епископами въ честь нищихъ!.. Сюда же нужно причислить и омовеніе ногъ двѣнадцати старцамъ, исполняемое по обряду церкви въ Страстной Четвергъ.

Таковъ былъ классъ народа, изъ котораго Твардовскій выбралъ для себя посланницу къ Агнесѣ.

Весь Краковъ зналъ старую Кахну, уродливую, горбатую, оборванную, но ловкую, умную и пронырливую бабу, услугами которой пользовался не только народъ, тѣснившійся въ ветхихъ избушкахъ на окраинѣ города, но и вельможи съ удовольствіемъ привѣтствовали ее. Всѣхъ знала старая Кахна и всѣ знали ее. Однихъ она лѣчила, за другихъ молилась, третьихъ забавляла веселыми прибаутками и шлетнями, которыя у нея имѣлись всегда въ запасѣ и которыми она громила всѣхъ безпощадно, несмотря на присутствіе той особы, о которой она распускала разные некрасивые слухи. Она не выпрашивала милостыню, какъ нищая, но, приходя въ чужой

домъ, она пользовалась всѣмъ, какъ своимъ добромъ, торговалась за милостыню, какъ за слѣдующую ей плату. Многолѣтняя нищенская практика, знаніе людей,—знаніе, которымъ обладаютъ только дѣды, да торговцы,—притомъ набожность и незапятнанная репутація придавали ей смѣлость, а всѣмъ предпріятіямъ ея—несомнѣнный успѣхъ, который не возбуждалъ никакого удивленія въ народѣ, напротивъ, на успѣхи ея смотрѣли, какъ на дѣло самое обыкновенное.

Замѣтивъ Кахну, проходящую мимо окна, Твардовскій позвалъ ее къ себѣ.

— Пресвятая Богородица, Мати Божія!—шептала старуха, поднимаясь по лѣстницѣ и дрожа отъ страха,—что нужно отъ меня черно книжнику?.. Неужели я понадобилась ему на что нибудь?..

По кожѣ старухи пробѣжали мурашки.

— Nieh bedzie pochwalony Jezus Christus!—сказала Кахна, входя въ комнату и отвѣсивая низкій поклонъ.

Вмѣсто отвѣта на привѣтственные слова, Твардовскій сунулъ ей въ руку щедрую милостыню. Старуха выпучила глаза и смотрѣла въ недоумѣніи то на Твардовскаго, то на милостыню.

— И это все мнѣ?—спросила она съ недовѣріемъ и удивленіемъ.

— Да, все тебѣ,—отвѣтилъ Твардовскій,—но съ условіемъ: ты должна мнѣ сослужить вѣрную службу.

— Сомнѣваюсь, чтобы вы нуждались въ моихъ молитвенныхъ или лѣкарскихъ услугахъ. Въ первыя—не вѣрите, въ другія—не нуждаетесь, потому что сами составляете лѣкарства и лѣчите людей.

— Думаю, что не отгадаешь, зачѣмъ я позвалъ тебя.

— А, ну-ка, покажи свою руку, авось и угадаю.

Твардовскій протянулъ ей свою руку, тѣшась ея болтовнею.

— А, а!—сказала Кахна, посмотрѣвъ на руку.—Дѣло идетъ о женщинѣ и любовной интрижкѣ... Что, небось, угадала? О, я въ этомъ увѣрена; голову готова прозакладывать, если не правда!..

— Вѣрно, старуха, ты угадала! Дѣло въ томъ, однако: ты

должна снести это письмо въ домъ Станислава Порая и передать его Агнесѣ, въ собственные руки. Понимаешь?

— Однако, порученьице трудное, — отвѣчала старая Кахна, качая головой. — Я скорѣе готова была бы отвести это письмо къ фрейливамъ королевы, чѣмъ къ этой гордой барышнѣ... Ужъ слишкомъ она горда!.. Пожалуй, не допустить къ себѣ, да и вытолкать велить. Признаться, боюсь, чтобъ ея люди не свернули мнѣ шею. Впрочемъ, если угодно, я попытаюсь.

— Ты не безпокойся очень! За успѣхъ я ручаюсь; шепни только, что ты послана мною съ порученіемъ. Постарайся, въ первыхъ, чтобы тебя никто не замѣтилъ, кромѣ Агнессы. Вторыхъ, сдѣлай видъ, что пришла за милостыней, чтобы не было ни малѣйшаго подозрѣнія, что ты передала письмо.

— Въ этомъ будьте спокойны; не въпервой исполнять подобныя порученія... Была и я когда-то молода и знала, какъ нужно вести дѣло, что доказываетъ мой горбъ на спинѣ, а была стройна, какъ пальма. Теперь, при старости лѣтъ приходится помогать людямъ — и за то слава Богу; если сама не пью изъ чаши жизни, зато смотрю, какъ пьютъ изъ нея другіе. Не хочу хвастаться собою, но спроси у кого угодно, — другой Кахны не найдешь во всемъ Краковѣ, да не только въ Краковѣ, но и во всей Польшѣ. Меня всѣ знаютъ, несмотря на то, что я стара, смердящій червь; мною не брезгаютъ нигдѣ, и не одинъ молодой человѣкъ цѣловалъ мое безобразное лицо, когда я приходила съ хорошими вѣстями. Въ этомъ будьте спокойны: все сдѣлаю какъ слѣдуетъ; не будь я Кахной, если совру!

— Но, Бога ради, будь осторожна съ нею; сама вѣдь знаешь, какъ горда она! — сказалъ въ заключеніе Твардовскій.

— О, не безпокойтесь!.. Птичку узнаютъ по перьямъ, а человѣка по взгляду; знаю съ чего начать и съ какой стороны подступиться... Женщины всѣ одинаковы и рознятся только наружностью, какъ пасхальныя яйца, выкрашенныя въ разныя цвѣта, а разбейте крашенное и не крашенное — ей Богу, внутри одинаковы!..

И старая Кахна, смѣясь, вышла изъ комнаты.

VIII.

Какой отвѣтъ принесла Нахна отъ Агнесы.

Легко представить съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ Твардовскій возвращенія старой Бахны, которая, какъ нарочно, не пришла въ этотъ день. На слѣдующее утро она тихонько взошла по мраморной лѣстницѣ, устланной коврами; замѣтивъ оборванную старуху, лакеи не хотѣли допустить ее къ своему барину, но Бахна начала ссориться съ ними и подняла такой шумъ, что лакеи стали втупикъ передъ нищей. По счастью, шумъ этотъ достигъ до слуха Твардовскаго, который вышелъ на лѣстницу и велѣлъ допустить къ себѣ нищую.

Старуха вошла въ комнату и, качая головою, дрожащими руками принялась развертывать грязный платокъ, въ которомъ находилась какая-то бумага. Вперивъ раскрасившіеся глаза свои во взволнованное лицо Твардовскаго, Бахна подмигнула ему и съ торжествующей улыбкой подала письмо отъ Агнессы.

Твардовскій съ жадностью коршуна схватилъ его и торопливо началъ пробѣгать глазами.

Не трудно было угадать отвѣтъ Агнесы, потому что лицо доктора приняло лучезарный видъ.

Агнеса принимала предложеніе Твардовскаго, но съ условіемъ тотчасъ же повѣнчаться съ нею. Такое быстрое рѣшеніе красавицы можно было приписать только страстной любви, которую питала къ Твардовскому непобѣдимая царица красоты. Но, предполагая такъ, легко было ошибиться; любви здѣсь не было ни на волосъ: расчетливой дѣвушкѣ нужны были не любовь Твардовскаго, а его богатство и слава.

Не помня себя отъ радости, Твардовскій швырнулъ старой Бахнѣ кошелекъ съ золотомъ, который она съ жадностью схватила и быстро спрятала въ кожаный карманъ, находившійся у нея подъ грязнымъ фартукомъ.

— Пошли вамъ Господи совѣтъ да любовь и всякаго счастья, котораго вы достойны, — говорила старуха, пряча деньги въ карманъ, — потому что умѣете цѣнить и вознаграждать тяжелый трудъ. Другой на вашемъ мѣстѣ, пожалуй, еще выбранилъ

бы старуху, чтобъ поменьше заплатить за хопоты—разные бываютъ; видѣла я на своемъ вѣку и такихъ, которые, вмѣсто благодарности за услугу, толкаютъ въ шею... Однако, чтобы не сглазить только—при этомъ старуха сплюнула три раза,—хотя ваша королева и писанная красавица, но ужъ черезчуръ горда... Вчера я хорошо присмотрѣлась къ ней... и вывела свое заключеніе... На кой чортъ, подумала я, вы полюбила ее!.. Охъ, берегитесь этой красавицы!.. Плохое ужъ то счастье, которому придется кланяться да становиться на колѣни передъ нимъ!..

Твардовскій не возражалъ на ея слова и далъ знакъ, чтобы она ушла. Старуха замолчала и, поклонясь, вышла изъ комнаты.

Едва только скрылась старуха, какъ Твардовскій бросился въ кабинетъ. Къ величайшему своему удивленію онъ замѣтилъ тамъ монаха бернардинскаго ордена, покрытаго капюшономъ, который стоялъ съ покорною миною у его письменнаго стола.

— Что вамъ угодно? — спросилъ Твардовскій. — Какимъ образомъ вы прошли незамѣченнымъ въ мой кабинетъ?

— Я къ вашимъ услугамъ, и ожидаю приказанія повѣнчать васъ, — отвѣчалъ монахъ и, сдвинувъ свой капюшонъ съ головы, изъ подъ котораго обнаружились демоническія черты лица дьявола, прибавилъ: — вѣдь ты получилъ ужъ согласіе Агнесы.

— Тебѣ откуда извѣстно, что я получилъ ея согласіе? — спросилъ Твардовскій, раздраженный появленіемъ дьявола.

— Объ этомъ знаетъ ужъ весь Краковъ, — возразилъ съ ехидною улыбкою дьяволъ. — Старая Бахна еще вчера разблаговѣстила объ этомъ.

— О, я ее убью за это! — воскликнулъ Твардовскій и бросился на лѣстницу, чтобы догнать Бахну. — Она погубитъ меня своей болтовней, старая вѣдьма!.. Но я задушю ее собственными руками. До субботы еще два дня и она успѣетъ погубить за это время...

Но Бахны уже и слѣдъ простылъ. Твардовскій послалъ своихъ лаксеевъ розыскать ее; они, поискавъ ее по улицамъ и у церквей, возвратились обратно ни съ чѣмъ. Между тѣмъ Бахна была подъ бокомъ, въ кабацѣ, и на радостяхъ угощала дѣдовъ водкою.

Твардовскій былъ въ отчаяніи.

— Напрасно ты порешь горячку, — сказалъ Твардовскому дьяволъ. — Вѣсти объ этомъ не дойдутъ до слуха Станислава Порая, и Агнеса сдержитъ данное слово. — Остается только пожелать, чтобы ты былъ счастливъ съ нею, хотя, — между нами, — очень сомнительно, чтобы мечта, давно лелеянная тобою, осуществилась на дѣлѣ. Что же касается меня, я только могу пожалѣть о томъ, что ты такъ легко позволилъ опутать себя сѣтями красавицы. Но сдѣланнаго не воротить, и если ты желаешь погибнуть ради одной пріятной ночи, то позволь мнѣ по крайней мѣрѣ повѣнчать тебя. Какъ видишь, я со-всѣмъ готовъ.

— Хорошо, хорошо, — отвѣчалъ Твардовскій, — оставь только меня въ покоѣ, потому что я теперь долженъ заняться приготовленіями къ свадьбѣ. *Vade retro!* Оставь меня.

— Я могу быть полезнымъ для тебя, — возразилъ сатана, — поручи что нибудь мнѣ: я помогу тебѣ.

— Хорошо, ты поможешь мнѣ увезти ее, поддержишь лошадей, пока она сидеть въ карету, и затѣмъ привезешь въ часовню въ лѣсу. А теперь, повторяю, оставь меня.

Дьяволъ исчезъ, а Твардовскій, позвавъ лакеевъ, началъ дѣлать разныя распоряженія. Онъ разослалъ ихъ, кого пѣшкомъ, кого верхомъ на лошади въ разныя стороны и съ различными порученіями. Даже двумъ другимъ дьяволамъ нашлась работа: они отправлены были за покункою заморскихъ свадебныхъ нарядовъ для невесты. Ужасная суматоха происходила въ домѣ Твардовскаго, въ продолженіе послѣднихъ двухъ дней, вплоть до субботней вечерни, послѣ которой назначено было увезти Агнесу.

IX.

Какъ Твардовскій женился и что произошло на свадьбѣ.

Передъ церковью Пресвятой Богородицы въ Краковѣ стояла прекрасная четырехмѣстная коляска, запряженная четверкою чистокровныхъ карихъ лошадей, въ великолѣпной польской сбруѣ съ серебрянымъ уборомъ. На козлахъ сидѣлъ кучеръ

въ черной ливреѣ, съ капюшономъ на головѣ. По бокамъ коляски находились два верховыхъ гайдуга. У дверецъ коляски стоялъ высокій мужчина въ черномъ плащѣ и въ шляпѣ съ черными перьями.

Читатели, конечно, узнали въ немъ Твардовскаго, который поджидалъ Агнесу, чтобы умчать ее на своихъ рыскахъ въ глушь лѣса.

Смеркалось; послѣдніе лучи заходящаго солнца изъ-подъ надвигавшихся темныхъ тучъ обливали красноватымъ свѣтомъ высокія купола церкви. На колокольнѣ трезвонили на *Magnificat*. Толпа дѣдовъ и бабъ, не находившихъ мѣста въ притворѣ, толпилась на паперти и оглашала воздухъ визгливымъ пѣніемъ богородичнаго гимна, нерѣдко перекидываясь крѣпкими словами и толкая другъ друга за полученную милостыню.

Наконецъ вечерня отошла и народъ массою началъ выходить изъ церкви. Твардовскаго оттѣснили отъ двери и вмѣшали въ толпу, въ которой онъ съ напряженнымъ вниманіемъ и нетерпѣніемъ высматривалъ свою Агнесу, боясь пропустить ее. Нѣсколько разъ онъ обманывался сходствомъ одежды и, подходя къ незнакомымъ дамамъ, отскакивалъ отъ нихъ и бросался въ другую сторону. Наконецъ толпа народа, стоявшаго на площади и выходившаго изъ церкви, замѣтно начала рѣдѣть. Между опоздавшими богомольцами Твардовскій замѣтилъ выходившую на паперть свою невѣсту. Прелестное лицо красавицы сіяло невозмутимымъ спокойствіемъ, точно она думала о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, но отнюдь не о побѣгѣ. Твардовскій быстро, но робко, приблизился къ Агнесѣ и, остановивъ ее прикосновеніемъ своей руки, сказалъ:

— Все готово!

— Я не сомнѣвалась въ вашей аккуратности,—спокойно и почти равнодушно отвѣтила она:—ѣдемъ!

Твардовскій проводилъ свою невѣсту къ коляскѣ, въ которую лакеи посадили ее, а самъ вскочилъ на коня; черезъ секунду лошади помчались по улицамъ Кракова. Твардовскій, верхомъ, ѣхалъ позади коляски.

Небо заволакивалось тучами и предвѣщало бурю. Вѣтеръ порывисто подхватывалъ листья и, взвивъ столбомъ, уносилъ въ даль. Время было весеннее, но еще грустное, хотя и полное

надеждъ на скорое возрожденіе, когда природа только что сбросила свой зимній покровъ и еще не успѣла облечься въ пышную одежду цвѣтовъ и зелени, — время, похожее скорѣе на скучную осень, чѣмъ на весну, когда природа находится между непріглядною постелью зимы и возрожденіемъ лучезарной весны. Въ оврагахъ и вообще въ тѣснинахъ кое гдѣ видѣлись сугробы почернѣвшаго снѣга, ждущаго перваго солнышка, чтобы превратиться въ воду и уступить мѣсто яркой зелени травы; въ воздухѣ пахло непріятною сыростью, а вѣтеръ пронизывалъ насквозь. Лошади неслись по грязной дорогѣ, и коляска подпрыгивала, какъ мячъ, наѣхавъ на пень или на обнаженный корень дерева. Но лихой кучеръ, зная о необходимости быстрой ѣзды, не обращалъ вниманія на чувствительные толчки и грязь, которая залезала въ коляску и глаза прекрасной женщины. Всѣ ѣхали въ глубокомъ молчаніи; лошади неслись во весь карьеръ, и Твардовскій не отставалъ ни на шагъ отъ коляски. На небѣ возшла полная луна, вѣтеръ умолкъ, и, руководимые блѣднымъ свѣтомъ небеснаго свѣтила, путники вѣхали въ чащу лѣса; кучеръ пустилъ легкою рысью лошадей. Вскорѣ они остановились у полуразрушенной часовни, изъ огня которой еще издали мерцалъ красноватый свѣтъ. У алтаря уже стоялъ монахъ съ опущеннымъ капюшономъ и ждалъ молодыхъ. Когда коляска подкатила къ крыльцу, Твардовскій соскочилъ съ лошади и, высадивъ Агнесу, ввелъ ее въ часовню.

Печальный видъ имѣла эта часовня, избранная Твардовскимъ для вѣнчанія. Давно забытая всѣми, часовня набревалась на бокъ и, казалось, ждала сильного порыва вѣтра, чтобы сдунуть ее съ основанія и разнести въ щепки. Каменные стѣны пропитаны были сыростью и разрисованы потеками дождя, который свободно проходилъ чрезъ дырявую крышу и разбитыя окна часовни, въ которой вѣтеръ насвистывалъ ужасныя мелодіи бури, какъ бы вторя общему шуму деревьевъ. Множество разныхъ обломковъ валялось на полу; полотняныя иконы были порваны и тускло смотрѣли на ужасающую картину разрушенія; скамьи и стулья поломаны. Алтарь, на которомъ стояли два деревянныхъ ветхихъ подсвѣчника съ пылавшими свѣчами, едва прикрытый пыльною холстиною, покачивался на бокъ. Вѣтеръ колебалъ широкое пламя воско-

выхъ свѣчей. При одномъ видѣ часовни, этого жилища смерти и разрушенія, въ душу врывалась грусть, которая отзывалась тяжелымъ угнетающимъ чувствомъ во всемъ организмѣ. Въ довершеніе всего, у подножія престола, вмѣсто брачнаго ковра, разостланъ былъ черный саванъ съ бѣлымъ крестомъ по срединѣ и эмблемою смерти по угламъ. Это должно было поразить и Твардовскаго, и его невѣсту, предсказывая имъ печальную будущность; но Твардовскій не вѣрнулъ ни въ какія предразсудки, а Агнеса, торопясь сдѣлаться женою великаго ученаго, не обратила на это особеннаго вниманія.

Едва молодые вошли въ часовню и стали передъ алтаремъ на саванѣ, какъ мнимый монахъ съ епитрахилью на плечахъ, приступилъ къ вѣнчанію, съ такою быстротою, что молодые едва успѣвали отвѣчать на установленные церковью вопросы. Замѣна колецъ, соединеніе рукъ подъ епитрахилью, совершалось такъ быстро, точно это дѣлалось все во снѣ, а не на яву. Спустя минуту, Твардовскій сидѣлъ уже съ женою въ коляскѣ и, поручивъ свою верховую лошадь груму, счастливый обладаніемъ красавицы, возвращался въ Краковъ. Прекрасная женщина, закутавшись въ мѣховую шубу, смѣялась какъ ребенокъ и посматривала по направленію къ городу, съ нетерпѣніемъ ожидая, скоро-ли покажутся краковскія башни и стѣны. На страстные порывы мужа, полные горячихъ желаній, Агнеса отвѣчала смѣло, свободно безъ малѣйшаго внутренняго волненія, даже съ равнодушіемъ, которое поразило бы самаго смѣлаго мужчину, въ первую минуту послѣ свадьбы.

На разсвѣтѣ, сквозь прозрачную дымку тумана, они замѣтили краковскія башни, и вскорѣ коляска промчалась черезъ городскія ворота. Обогнувъ нѣсколько улицъ и грязныхъ переулковъ, коляска подкатила къ подъѣзду каменнаго дома Твардовскаго, и въ то же время начался благовѣстъ къ заутрени. Двери были открыты и въ окнахъ мелькали яркіе огни, непотушенные еще лакеями, несмотря на всходившее уже солнце. Камердинеры и лакеи въ богатыхъ ливреяхъ толпились на лѣстницѣ, ожидая прибытія молодыхъ господъ. На кухнѣ поднялась суматоха; повара и поваренки бѣгали и суетились, приготавливая вкусныя блюда. Въ апартаментахъ Твардовскаго слышались крики, веселый смѣхъ и восклицанія.

— Что это за шумъ? — спросила съ удивленіемъ жена. — У тебя гости?

— Да, я пригласилъ друзей и знакомыхъ выпить бокалъ вина за наше здоровье и счастье, — отвѣчалъ Твардовскій.

Яркій румянецъ разлился по лицу новобрачной; она видимо обрадовалась и быстро начала оправлять свой туалетъ.

Въ эту минуту отворилась дверь и глазамъ Агнесы представилась громадная зала, залитая яркимъ свѣтомъ безчисленныхъ свѣчей, обитая дамаскомъ съ золотыми галунами, вмѣсто карниза. Посреди залы стоялъ громадный столъ, заставленный серебряною и золотою посудой, въ которой отражались лучи падавшаго свѣта отъ множества свѣчей, горѣвшихъ на столѣ въ золотыхъ канделябрахъ. За столомъ сидѣли гости, скучавшіе въ ожиданіи молодыхъ. При появленіи Твардовскаго и Агнесы все встало и шумно привѣтствовали молодую чету.

Крикъ изумленія вырвался изъ груди присутствующихъ, когда Агнеса сняла темный вуаль и обнаружила свое лицо. Между восклицаніями восторга и изумленія вдругъ раздались крики гнѣва, злобы, проклятій и угрозы:

— Агнеса!..

— Да, это она.

— Моя воспитанница!..

— Моя невѣста!.. — раздавались возгласы присутствовавшихъ.

Нужно сказать, что Твардовскій, приглашая знакомыхъ на свадьбу, не называлъ имени своей будущей жены, и поѣтому неудивительно, что среди присутствующихъ послышались возгласы удивленія, такъ какъ между гостями находились многіе, искавшіе руки Агнесы, а все остальные — были ея горячими поклонниками. Прислуга Твардовскаго, которой приказано было приглашать всехъ его знакомыхъ, пригласила въ томъ числѣ и Станислава Пораю, не подозрѣвая, что ихъ господинъ женится на его воспитанницѣ. Последнему, конечно, и во снѣ не снилось, что женою Твардовскаго онъ увидитъ свою Агнесу, которую хотѣлъ выдать за какого нибудь купца, дальняго или ближняго своего родственника.

Немудрено поѣтому, что Станиславъ Пораю, узнавъ Агнесу, очень разсердился, и пробившись сквозь толпу гостей, злобно вскричалъ:

— Господа! Протестую!.. Въдь это скандалъ, это нахальство!..— И затѣмъ, обращаясь къ Твардовскому продолжалъ:— Милостивый государь! Вы осмѣлились оскорбить меня, подговоривъ мою родственницу, обѣщанную другому, бѣжать съ вами!.. Затѣмъ, вы позволили себѣ насмѣяться надъ моею сѣдиною, пригласивъ меня на свадьбу увезенной вами моею воспитанницей, быть свидѣтелемъ вашей наглости и ея измѣны другому; вы, слѣдовательно, попрали мое доброе шляхетское имя и поѣтому должны смыть кровью нанесенное мнѣ оскорбленіе. Если ты шляхтичъ—вынь шпагу и защищайся!..—закончилъ Порай.

— Господа! господа, успокойтесь!—уговаривали многіе.

— Стойте, стойте!—кричали женщины.

Произошло общее смятеніе.

Перепуганная Агнеса, пряталась за спину своего мужа.

Въ числѣ присутствующихъ находился и экс-женихъ Агнесы, которому Станиславъ Порай обѣщалъ ея руку.

Возмущенный поступкомъ невѣсты, эх-женихъ подошелъ къ Твардовскому.

— Милостивый государь!—сказалъ онъ:— вы осмѣлились разрушить счастье почтеннаго семейства и похитить мою невѣсту. Вы завладѣли ею помимо согласія родныхъ, какъ разбойникъ, и на мнѣ лежитъ святая обязанность отомстить вамъ за посрамленіе чести Пораевъ. Вы должны искупить кровью наше безчестіе. Вынимайте саблю и деритесь со мною!..

— Молчи, мужикъ!—сказалъ одинъ изъ друзей Твардовскаго:— имѣешь ли ты право, торганъ, взять саблю въ руки и драться съ шляхтичемъ!.. Ступай, дерись аршиномъ съ своими собратьями, но не смѣй прикасаться рукою къ этой святынѣ; намъ ли обагрять ее въ твоей мѣщанской крови, для которой достаточно и хорошаго пучка лозы. Прочь, негодяй!..

Нѣкоторые изъ гостей, болѣе миролюбивые, старались успокоить расходившихся гостей и помирить враговъ, но усилія ихъ были безуспѣшны и шумъ возрасталъ съ каждой секундой, пока Агнеса не приняла энергическаго участія въ разъясненіи недоразумѣнія.

— Господа!—выступивъ впередъ, сказала Агнеса:— я не понимаю, чего вы хотите и изъ-за чего затѣваете ссору?.. Въдь я никому изъ васъ не обѣщала своей руки, и никто изъ васъ

не имѣть на меня никакого права... Даже вы, Станиславъ, не можете претендовать на меня, потому что я не ваша дочь, и вы не имѣете никакого права распоряжаться мною!.. А вы, Доминикъ, какое имѣете право вступаться за меня, какъ за свою невѣсту?..—прибавила Агнеса, обращаясь къэкс-жениху.—Развѣ я общала вамъ свою руку?.. Какое вамъ дѣло до меня?.. Я сирота, и поэтому должна заботиться сама о себѣ. Ничьей наслѣдницей я не буду, а, слѣдовательно, могу располагать собою по своему усмотрѣнію

— Молчать, неблагодарная тварь!—вскричалъ Станиславъ Порай, взбѣшенный словами Агнесы.—Я не желаю имѣть съ тобой никакого дѣла.. Мнѣ нуженъ тотъ, кто оскорбилъ мою честь и насмѣялся надъ моими сѣдинами, мнѣ нуженъ твой мужъ, такъ лукаво обошедшій меня. Прочь, женщина! твое мѣсто у печи возиться съ горшками. А ты, несчастный, защищайся!.. Ты дорого мнѣ заплатишь за свое лукавство.

Твардовскій хладнокровно и съ ироніей выслушалъ вызовы Порая и его родственника, точно это не касалось его. Зѣтѣмъ съ неменьшимъ хладнокровіемъ сказалъ:

— Успокойтесь господа!.. Прежде, чѣмъ мы будемъ драться, повеселитесь на моей свадьбѣ и выпейте за наше здоровье кубокъ стараго заморскаго вина. Сабли не уйдутъ отъ насъ... время много впереди!.. Что за свадьба безъ вина и танцевъ!.. Эй, музыканты!..

Въ отвѣтъ на эти слова, оркестръ нѣмецкихъ музыкантовъ грянулъ веселый краковякъ и заглушилъ сѣтованія и угрозы Станислава и Доминика Пораевъ. При звукахъ волшебныхъ скрипокъ, трубъ и тимпановъ, сабли и палки попрятались на мѣсто, и гости, взявши за руки другъ друга, невольно пустились въ бѣшенную пляску вокругъ стола. Шпоры и сабли гремѣли, молодцоватая компанія въ шапкахъ набекрень весело покручивала усы и въ тактъ пощелкивала шпорами. Бѣшенный краковякъ смѣнился неменѣе бѣшеною мазуркой, которая окончательно заглушила вспышки гнѣва враждующихъ. Танцевали безъ усталы, не забывая о кубкахъ искрометнаго венгерскаго вина. Осушаемыя бутылки замѣнялись другими: веселье было полное. На дворѣ давно ужъ былъ день, давно уже догорѣли и погасли свѣчи, а пиръ и танцы продолжались

съ большою энергіей и весельемъ. Наконецъ Станиславъ взмолился:

— Прикажи замолчать оркестру, — вскричалъ раскраснѣвшійся Станиславъ, обращаясь къ Твардовскому и почти падая отъ усталости и выпитаго вина, — ты совсѣмъ измучаешь насъ!.. Чортъ съ тобой, не хочу драться, только вели замолчать оркестру!.. Прощаю тебѣ всѣ обиды, но ужъ нога моя больше не будетъ у тебя!.. Да вели же замолчать музыкантамъ!.. Доминикъ! поддержи меня, или я упаду, какъ колосъ въ полѣ.

Доминикъ, послушный просьбѣ Станислава, хотѣлъ поддержать его, но и самъ, едва держась на ногахъ, отлеталъ, какъ мячъ, въ сторону, толкаемый парами въ мазуркѣ.

Твардовскій и Агнеса помирали отъ смѣха. Наконецъ, сжалившись надъ гостями, хозяинъ велѣлъ замолчать музыкантамъ, которые, точно по мановенію волшебнаго жезла, сразу оборвали, и многіе гости попадали отъ усталости на мѣстѣ.

Послѣ танцевъ начался ужинъ. Нѣкоторые сѣли за столъ, другіе же, опасаясь новаго мщенія Твардовскаго, поспѣшили убраться домой.

Твардовскій съ Агнесой заняли почетныя мѣста за столомъ; гости окружили новобрачныхъ и начался пиръ. Музыка гремѣла, произносились задравные тосты и веселая компанія пропировала до поздняго вечера.

Въ сумерки, молодые удалились на покой, а пирующие остались еще допивать свои кубки.

Удивительные слухи ходили въ городѣ на другой день послѣ свадьбы Твардовскаго. Утверждали даже, что прошедшая ночь тянулась нескончаемо долго; нашлись и такіе, которые говорили, что эта ночь тянулась въ продолженіе сорока часовъ, вмѣсто восьми. Спорили и ссорились и наконецъ помирились на тридцати. Не ручаемся за достовѣрность подобныхъ слуховъ, но можемъ сказать утвердительно, что ни одна ночь не показалась Твардовскому такою короткою, какъ эта первая ночь медоваго мѣсяца.

Х.

Какъ Твардовскій жилъ съ женою, какъ подслушалъ ее, по совѣту дьявола, у дверей и что потомъ сдѣлалъ.

Кто не испыталъ счастливыхъ минутъ въ первые дни супружества, кто не пилъ сладкаго нектара изъ золотой чаши любви,—любви, которая наполняетъ сердца новобрачныхъ божественнымъ обаяніемъ и возвышаетъ ихъ душу до небесъ, любви въ таинственной тиши и объятіяхъ двухъ любящихъ, но не вполнѣ еще сблизившихся и связанныхъ сердецъ, робѣющихъ и стыдящихся другъ друга полукороткостью и полусвободой отношеній? Кто не знаетъ этихъ счастливыхъ дней, блестящихъ счастіемъ и лучезарною надеждою на будущую жизнь, полную веселья и блаженства? Такія минуты, нерѣдко и дни, достаются въ удѣлъ даже самымъ неудачнымъ супругамъ, золотая чаша которыхъ наполнена горечью, вмѣсто искрометнаго вина. Въ это счастливое время, супруги сохраняютъ еще взаимное уваженіе другъ къ другу, цѣлуются, любезничаютъ; они становятся другъ для друга необходимыми существами, входятъ въ нѣжно фамиллярныя отношенія, насколько эта фамиллярность нужна для ихъ любви, не выходя однако изъ рамокъ тѣхъ условий, которыя предписываются вѣжливостью, оставляющею послѣ себя въ сердцахъ влюбленныхъ отпечатокъ нѣги и чего-то неземного, идеальнаго. Оба они всматриваются другъ въ друга, изучаютъ каждую черточку лица, движенія, фигуры, и въ этой полудовѣренности и полунедовѣрчивости чувствуютъ себя счастливыми оба!..

Таковы были, какъ и всѣ, первые дни супружеской жизни Твардовскаго. Оба казались счастливыми. Агнеса забыла на время свою гордость и тщеславіе, славу и богатство. Влюбленный до безумія, Твардовскій былъ у ея ногъ, цѣловалъ руки, заглядывалъ въ глаза, и забывалъ обо всемъ въ мірѣ, чувствуя себя на верху блаженства. Только въ минуты, когда мысли его возвращались къ прошедшему, когда страшная смерть заглядывала въ глаза, напоминая ему о запроданной дьяволу душѣ

и грозя косою срубить шею съ его могучихъ плечъ, на лицо Твардовскаго моментально набѣгали тучи, лобъ хмурился, глаза мрачно блистали и сердце переставало биться.

Однако же, если одна какая нибудь страсть овладѣваетъ человѣкомъ, то и всѣ другія разжигаются ея палящимъ пламенемъ. Такъ именно было и съ Твардовскимъ: съ каждымъ днемъ онъ менѣе думалъ о прошломъ и не заботился о будущемъ, а дьяволъ между тѣмъ ехидно улыбался, глядя на него изъ угла комнаты, — онъ хорошо зналъ, что чарующіе дни промчатся со скоростью мгновенья и читалъ въ душѣ Агнесы, какую будущность она готовится своему мужу.

Время между тѣмъ летѣло незамѣтно; бѣжали часы, дни, недѣли и мѣсяцы, и наконецъ годъ безвозвратно канулъ въ Лету, къ концу котораго Агнеса значительно измѣнилась къ мужу. Характеръ ея утратилъ чарующую прелесть первыхъ дней супружества, гордость и желаніе повелѣвать мужемъ прорывались ежедневно и время отъ времени все рѣзче и замѣтнѣе. Твардовскій смѣялся и принималъ въ шутку колкости жены; онъ все еще по прежнему любилъ свою Агнесу; но, когда капризы ея переходили границы, онъ дѣлался равнодушнымъ. Тяжелыя мысли наполняли его голову и онъ возвращался къ давно забытымъ минутамъ невеселаго раздумья, къ припадкамъ мизантропін.

Между тѣмъ Агнеса кричала и дебоширствовала по цѣлымъ днямъ, превращала въ домъ все вверхъ дномъ, транжирила деньги, и, изобрѣтая съ каждымъ днемъ новыя удовольствія и развлечения, затмѣвала городъ роскошью и блескомъ.

Вскорѣ Агнесѣ наскучили и домъ, и мужъ, и все, ея окружавшее; ей хотѣлось новыхъ знакомствъ, новыхъ удовольствій, передъ которыми бы она могла похвастаться своимъ богатствомъ и ученостью, блеснуть, такъ сказать, кокетствомъ и напыщенностью фразъ, которыми она осыпала своихъ многочисленныхъ гостей и поклонниковъ. Страсть къ тщеславію, мало по малу вытѣсняла любовь и привязанность къ мужу, на которыя онъ, въ счастливое время, не могъ пожаловаться, когда она была внимательна къ нему. Жизнь Твардовскаго съ каждымъ днемъ становилась несносиѣе и скорѣе раскаяніе начало мучить его невозмутимую душу... Образъ жизни ея совершенно измѣнился.

Трудно, конечно, описать, какимъ образомъ дѣла дошли до того положенія, въ какомъ они находились въ послѣднее время; какимъ, напр., образомъ началъ обнаруживаться ея скрытый характеръ и какъ изъ кроткой жены сдѣлалась несносная барыня; но вѣрно лишь то, что, когда Твардовскій желалъ по прежнему предаться своимъ обычнымъ думамъ, жена приказывала занимать ея поклонниковъ и обожателей, превозносившихъ ея красоту, знаніе и таланты. При всемъ желаніи уединенія, Твардовскій долженъ былъ ѣхать съ нею въ шумное общество, гдѣ расточались его женѣ похвала и лесть. Ни дома, ни въ людяхъ бѣдный докторъ не имѣлъ ни минуты покоя, ни угла, гдѣ могъ бы свободно предаться размышленію. На его ученыхъ книгахъ и разныхъ медицинскихъ аппаратахъ, лежавшихъ по столамъ и стульямъ, ходили и лежали женины собаки, летали и садились понугаи, которыхъ она держала ради того, что королева и жена воеводы, были страстными любительницами животныхъ.

Твардовскій, какъ ребенокъ, привыкъ уже слушаться жены и, волей или неволей, исполнялъ ея приказанія. „Поди туда, сдѣлай то-то“ и т. п. были обыкновенными выраженіями жены къ мужу. Сначала все это онъ дѣлалъ по любви, а затѣмъ вошло и въ привычку. Однако Агнеса была когда-то внимательна къ нему; обращенія ея съ мужемъ были нѣжны и ласковы: онъ не зналъ себѣ другого имени, какъ „дорогой, сердце мое, ангелъ мой, душа моя, прелесть моя“. Подобные эпитеты жены радовали и веселили его душу; но все это давно уже прошло и, мало по малу, нѣжность превратилась въ суровыя приказанія: „Я хочу, и такъ должно быть!“ — говорила она, и дѣйствительно, все дѣлалось по ея желанію.

Бываютъ минуты въ жизни мужей, даже самыхъ кроткихъ, когда они поневолѣ теряютъ терпѣніе, когда начнутъ вникать въ свою жизнь и всматриваться въ положеніе, которое начинаютъ занимать по милости своихъ женъ. Такая именно минута приближалась для Твардовскаго, который все еще мнилъ себя влюбленнымъ въ свою жену. Наконецъ сварливость и повелительный тонъ жены начинали надоѣдать и ему. Онъ сдѣлался равнодушнъ къ ея капризамъ и понемногу началъ стряхивать съ себя власть жены; онъ позволялъ себѣ иногда заяв-

лять неудовольствіе или не слушаться ея, даже явно возмущался ея тономъ. Наконецъ дѣло дошло до маленькихъ недоразумѣній и ссоръ, которыя однако же кончались всегда съ наступленіемъ ночи, когда супруги ложились спать. Они строго еще придерживались патріархальной пословицы: «Съ женой, какъ ни ссорься, ни дерись, а вмѣстѣ спать ложись». Но вскорѣ маленькія ссоры дѣлались крупнѣе и продолжительнѣе; супруги частенько косились другъ на друга и не говорили по нѣскольку, дней подъ рядъ. Все это однако не обнаруживалось для свѣта хотя злоба и ненависть другъ къ другу кипѣли въ ихъ груди, но въ присутствіи постороннихъ, они сохраняли согласіе и даже общую любезность.

Впрочемъ, неудивительно, что ссоры, маленькія и крупныя недоразумѣнія часты между женатыми людьми, но кому не извѣстно, что съ годами все это проходитъ; люди старѣются и слабѣютъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, хотя и незамѣтно: и годы, и болѣзни, и любовь, и вражда все подтачиваетъ насъ въ самомъ основаніи; время обхватываетъ насъ своими могучими руками, и выжимая изъ насъ силы и соки, бросаетъ въ концѣ концовъ въ объятія смерти. Извѣстно вѣдь, что всѣ брачныя недоразумѣнія и ссоры зарождаются большею частью отъ бездѣлья, какъ пожаръ отъ искры... Семейная междоусобица обыкновенно начинается хандрой, молчаніемъ, гримами, неудовольствіемъ на все и вся и оканчивается въ первые дни обыкновеннымъ ворчаніемъ, а затѣмъ крупной ссорой, а разъ ужъ удастся переночевать несогласію подъ супружескою постелью, то и въ нѣсколько недѣль не выжить ее отсюда и не отдѣлаться ни крестомъ, ни пестомъ, какъ говорится по пословицѣ... Когда война представляется неизбежною, супруги живо вооружаются и ждутъ только удобной минуты приступить сначала къ атакѣ, а затѣмъ уже къ генеральному сраженію.

Но трудно было воевать „слабой женщиной“ съ Твардовскимъ. На его сторонѣ были умъ, знаніе, сила, воля, колдовство и тысячи разныхъ средствъ; къ его услугамъ былъ весь адъ, и стоило только ему подумать о мщеніи, какъ другая тысяча средствъ непредвидѣнныхъ и непредотвратимыхъ явились бы ему на помощь не только противъ одной безсильной

женщины, но хотя бы ихъ было нѣсколько полковъ. Словомъ, всѣ шансы побѣды были на сторонѣ Твардовскаго. И что же могла сдѣлать съ нимъ жена? Что могла она противопоставить его силѣ?.. Свое женское упорство и настойчивость, — растрескавшееся, разбитое оружіе, — остатки погасавшей любви, которая израсходовалась въ первыхъ схваткахъ семейной войны и отъ которой осталась лишь одна тѣнь, одно воспоминаніе, и осталась скорѣе ко вреду, чѣмъ къ пользѣ. Остатки эти могли скорѣе погубить ее, чѣмъ защитить отъ расхोлившейся желчи мужа. Въ концѣ концовъ супруги сходились только ради того, чтобы поссориться.

А дьяволь-то, дьяволь, какъ радовался всему этому, какъ смѣялся и рукоплескалъ!..

Однажды онъ появился передъ Твардовскимъ, когда тотъ послѣ продолжительной ссоры съ женой возвратился въ свой кабинетъ и измученный, усталый упалъ на диванъ и глубоко призадумался.

— Добрый вечеръ, докторъ! — привѣтствовалъ его дьяволь. — Давненько мы не видались... много воды убѣжало съ тѣхъ поръ... Однако, что съ тобою?.. Ты мраченъ... Хе, хе! любезный!.. Никакъ ужъ размолвка съ женой!.. Судя по твоему лицу, кажется, я не ошибся. Неужели и впрямь ты наколся на розовые шипы? А что, не правъ ли я былъ?..

— Все это вздоръ, — возразилъ Твардовскій, — бездѣлица: семейныя непріятности и больше ничего. Безъ этого не можетъ обойтись; супружескія непріятности — зло неизбежное.

— Однако, я вижу, ты не особенно дальновиденъ, — сказалъ съ злобною проницательностью дьяволь. — Что ни говори, не проведешь меня, — я все-таки дальновиднѣе тебя... Въ душѣ твоей, Твардовскій, я читаю какъ въ книгѣ... Припомни-ка мой совѣтъ: не былъ ли я тогда правъ, уговаривая тебя не жениться... Ты вѣдь протестовалъ противъ моихъ словъ, обѣщая себѣ вѣчное счастье!..

— Я и не ошибался, обѣщая себѣ счастье. Это вѣдь только мимолетныя тучки на чистомъ небѣ.

— Тучки, которыя вскорѣ сойдутся вмѣстѣ и образуютъ громъ и молніи... Напрасно ты скрываешь передо мною... Я вѣдь знаю, какого поля ягода твоя жена...

— Да откуда же ты взялъ, что я несчастливъ и что причиною этого несчастья—моя жена?

— Странный вопросъ! Точно ты забылъ, что передо мною не можетъ ничего скрыться.

— Если ты все знаешь, въ такомъ случаѣ посовѣтуй мнѣ, какъ выйти изъ этого положенія.

— Совѣтовать счастливому человѣку!.. Ха, ха! Не поздно-ль, голубчикъ, спохватился?.. Нужно было слушаться прежде... Не я ли тебѣ говорилъ, чтобы ты не женился, не я ли совѣтовалъ увести ее, и, высосавъ изъ нея всю сладость жизни, бросить, какъ негодную тряпку, въ которой миновала надобность... Зачѣмъ же ты женился?..

— Зачѣмъ? Хотѣлъ жениться и женился! Я имѣлъ свою цѣль... на женитьбу я смотрѣлъ съ своей точки зрѣнія...

— И ничего не видѣлъ,—перебилъ его сатана.—Ну и пеняй теперь на себя... Теперь ты видишь плоды твоей опрометчивости... Однако, шутки въ сторону, нужно кончить эту исторію.

— Какъ же ее кончить?

— Прогони ее изъ дому.

— Прогнать жену!.. Да ты никакъ съ ума сошелъ, дьяволъ? Да что скажутъ люди?

— Люди!! ха, ха, ха! Во время же ты спохватился, что людская болтовня нужна тебѣ для составленія счастья!..

— Пойми, что выгнать жену, это—опозорить ее и себя вмѣстѣ!..

— Какую жену?

— Какъ, какую?.. Да вѣдь Агнеса моя законная жена...

— Ха, ха, ха! Часъ отъ часу не легче!.. Потому законная, что я вѣнчалъ вась!.. Ты, дружище, никакъ позабылъ объ этомъ... Припомни-ка, кто вѣнчалъ тебя.

Твардовскій дѣйствительно позабылъ и, увлеченный свѣтомъ, привыкъ считать себя настоящимъ мужемъ Агнесы.

Надъ этимъ обстоятельствомъ онъ сильно призадумался. Наступила минута молчанія.

— Въ сущности, она не такъ зла, какою представляется тебѣ,—сказалъ нерѣшительно Твардовскій.

— Однако, она хуже, чѣмъ ты предполагаешь,—съ проницей возразилъ дьяволъ.—Ты все еще любишь ее и поэтому гово-

ришь такъ.. Впрочемъ, я не думаю отговаривать тебя любить ее: люби, сколько тебѣ угодно; но все-таки не мѣшаетъ увѣриться въ ея добродѣтели... И если желаешь — я къ твоимъ услугамъ...

— Что же, по твоему, она измѣняетъ мнѣ?.. Ты забываешься, сатана!.. Смѣетъ ли она измѣнить мнѣ? — восклицалъ Твардовскій, сжимая кулаки и подходя къ дьяволу.

Глаза Твардовскаго метали искры и онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— А между тѣмъ, это такъ, — прехладнокровно отвѣчалъ дьяволъ, не двигаясь съ мѣста.

— И ты докажешь, что Агнеса измѣняетъ мнѣ?

— Съ удовольствіемъ.

— Измѣняетъ! — прохрипѣлъ Твардовскій. — Кто ея обожатель, говори, сатана. На кого она мѣняетъ меня?..

— Конечно, на молокососа, очень свѣженькаго, румянаго мальчика, — холодно отвѣчалъ дьяволъ. — А ты и не подозрѣвалъ этого?.. Бѣдный слѣпецъ!.. Такъ знай же, ужъ коль рубить — такъ съ плеча, — что связь ихъ продолжается болѣе двухъ мѣсяцевъ.. Но я не сказалъ еще его имя — хочешь ли знать?.. Агнеса промѣняла тебя на Христофора, королевскаго коморника, этого франтика, глупаго, какъ палка.

— Не можетъ быть! Это ложь. Я долженъ непременно удостовѣриться въ этомъ!.. И тогда... О, тогда я знаю, что дѣлать!.. Я задую ея.. Я сейчасъ же отправляюсь къ ней!..

— Ступай, ступай! Но позволь сказать тебѣ на прощанье, что изъ всѣхъ мудрецовъ, какихъ я когда нибудь видалъ на свѣтѣ, — глупѣе тебя я никого не видалъ. Ну, посуди самъ, не глупъ ли ты!.. Въмѣсто того, чтобы спокойно ждать случая, который бы удостовѣрилъ тебя въ невѣрности жены; вмѣсто того, чтобы обдуманно и осторожно совершить мщеніе, упиться всею прелестью ея страданій, ты бѣжишь, чтобы предупредить ее; чтобы она обезоружила тебя своимъ кокетствомъ и слезами; чтобы, наконецъ, опутала и сильнѣе привязала къ себѣ!.. Колпакъ!..

— Что же мнѣ дѣлать, говори? — воскликнулъ въ отчаяніи Твардовскій. — Ты видишь, что я не могу перенести этого!

— Выслушай меня терпѣливо: я научу тебя какъ посту

пить... Поди, скажи ей, что ты сегодня уѣзжаешь къ опасно больному, который требуетъ твоей помощи, за нѣсколько миль отъ Кракова, и приготовься къ отѣзду. Въ этомъ тебѣ легко ее увѣрить. Съ наступленіемъ ночи уѣзжай изъ дому, но не изъ города. Будь увѣренъ, что едва ты оставишь за собою порогъ своего дома, какъ она впуститъ къ себѣ своего любовника... Ночью проберись въ садъ и заднимъ ходомъ войди въ домъ, а затѣмъ въ свою комнату, откуда ты услышишь и увидишь все. Поймавъ на преступленіи, ты съ позоромъ можешь прогнать ее вонъ.

— Отлично! Но я не желалъ бы видѣться съ нею,—сказалъ Твардовскій,—потому что я не выдержу и выскажу все, что накопило на моемъ сердцѣ.

Съ этими словами онъ позвалъ камердинера и послалъ къ женѣ предупредить ее о своемъ отѣздѣ на продолжительное время.

Спустя нѣсколько времени, дьяволъ показалъ ему въ окно служанку, выходившую заднею дверью на улицу; служанка эта была повѣренною всѣхъ тайнъ его жены.

— Не угодно ли полюбоваться: вонъ ужъ и служанка пошла къ ея возлюбленному, сказать, чтобъ онъ пришелъ къ ней. И отлично, поймалъ, какъ птичку въ западню.

Между тѣмъ лошади Твардовскаго выѣхали изъ воротъ и, обогнувъ полукругъ, остановились у подѣзда. Твардовскій сѣлъ въ коляску и велѣлъ трогать, а дьяволъ остался на часахъ, караулить любовника Агнесы.

Выѣхавъ за Флоріановскіе ворота, онъ подѣхалъ къ корчмѣ, гдѣ долженъ былъ ждать прихода дьявола съ увѣдомленіемъ.

О, съ какою нетерпѣливостью и съ какимъ волненіемъ ожидалъ онъ прихода сатаны! Кровь клокотала въ его груди и онъ со злобой сжималъ кулаки.

Наконецъ пришелъ и дьяволъ съ своей демонической улыбкой; онъ видимо торжествовалъ.

— Идемъ!—сказалъ онъ.

Ночь была тихая, ясная и теплая; тихо передвигаясь мимо каменныхъ стѣнъ, оба достигли садовой калитки; пройдя по аллеѣ, оба, по заднему ходу, пробрались въ смежную комнату со спальней Агнесы.

— Гдѣ же они?—дрожа спросилъ мужъ.

— Здѣсь,—отвѣчалъ дьяволъ:—жди и слушай, только терпѣливо и со вниманіемъ; черезъ дверцу ты все услышишь.

Блѣдный, какъ полотно, Твардовскій держалъ въ дрожащихъ рукахъ огромную саблю и, слушая подъ дверью, едва переводилъ дыханіе.

Въ спальнѣ между тѣмъ происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Ты думаешь, Христофоръ, что я могла когда-нибудь любить своего мужа,—говорила Твардовская.

— Думаю, что любила, иначе ты не отказалась бы отъ предложенія многихъ искателей твоей руки, а тѣмъ болѣе отъ наслѣдства, послѣ смерти Порая. Зачѣмъ же ты бѣжала съ нимъ?..—говорилъ счастливый любовникъ.

— Потому что Твардовскій богаче всѣхъ Пораяевъ, вмѣстѣ взятыхъ, а я рассчитывала на его богатство.

— Однако, признайся, вѣдь ты любила Твардовскаго въ первое время своего замужества?—послышался опять голосъ любовника.—Я наблюдалъ за тобою и видѣлъ это...

— Волей или неволей, но я должна была притворяться, и, повидимому, очень искусно провела свою роль, потому что обморочила васъ всѣхъ. Любовь для мужа, что медъ для мухъ, стоитъ только опутать его своими сѣтями, а подъ башмакъ ужъ онъ самъ полѣзетъ, это не составить никакого труда. Посаженный однажды—не вырвется скоро...

— Дѣйствительно, ты ловкая женщина,—сказалъ смѣясь Христофоръ,—однако и мужъ твой порядочный фоганъ. Ловко ты его проводишь... Оказывается, что его всемірная извѣстность и чернобукіе, о которомъ такъ много говорятъ, очень недалеконвидны. Впрочемъ, кто изъ мужчинъ не попадалъ на удочку женщинъ, когда для приманки ихъ онѣ дѣлаютъ такіе прелестные глазки, что и самъ дьяволъ не устоитъ...

При этихъ словахъ раздался звонкій поцѣлуй и Твардовскій хотѣлъ уже отворить дверь, но дьяволъ остановилъ его.

— Не торопись,—сказалъ онъ,—услышишь еще кое-что, подожди минуточку.

Въ спальнѣ между тѣмъ продолжался разговоръ, часто прерываемый горячими поцѣлуями.

— Скажи мнѣ, пожалуйста,—продолжалъ Христофоръ,—

неужели только одно богатство склонило тебя выйти за Твардовскаго? Вѣдь за тобою ухаживали очень богатые люди.

— Конечно, не одно богатство!.. Ты выслушай меня, —отвѣчала Агнеса, — съ тобою я буду откровенна. Кромѣ богатства меня привлекала его слава и значеніе. Всю жизнь я мечтала сдѣлаться всемірной извѣстностью и отдала бы за нее все на свѣтѣ; слава — это моя страсть, болѣзнь, и я достигла желаемого. Въ Твардовскомъ я нашла то, о чемъ мечтала съ дѣтства, кромѣ любви... Я не знала, что для составленія счастья нужна любовь, и только теперь, возлѣ тебя, я отогрѣлась и чувствую, что я живу; только съ тобою я узнала любовь...

Слова эти сопровождались новыми жаркими поцѣлуями.

— Не понимаю однако, — сказалъ Христофоръ, — какимъ образомъ человекъ, считающійся чернокнижникомъ, всевѣдущимъ, позволяетъ намъ обманывать себя такъ спокойно и равнодушно, точно это не касается его; неужели онъ не подозрѣваетъ этого, неужели не знаетъ, что ты отдалась ему вовсе не изъ-за любви, а только изъ-за славы и богатства? Это мнѣ напоминаетъ пословицу, которую однако я не рѣшаюсь сказать тебѣ.

Христофоръ улыбнулся. Минута молчанія.

— Да вѣдь съ мудрецами всегда такъ бываетъ, — послышался голосъ Агнесы: — засматриваясь въ небо, они не видятъ пропасти передъ собою. Впрочемъ, я не раскаиваюсь: въ немъ нашла я рыцаря, въ тебѣ — любовь. Его я считаю женою, твоею возлюбленной, имъ я живу для свѣта, тобою для себя... Обѣ жизни составляютъ для меня цѣлое.

— Я все-таки остаюсь при своемъ убѣжденіи, что онъ не мудрецъ, а просто дуракъ, — сказалъ Христофоръ.

Здѣсь ужъ Твардовскій не могъ выдержать и, съ шумомъ отворивъ дверь, вбѣжалъ въ спальню съ поднятою саблей въ рукахъ. Крики испуганныхъ голубковъ послышались въ комнатѣ. Христофоръ схватился за саблю, лежавшую на всякой случай возлѣ него, и къ величайшему изумленію своему замѣтилъ, что вмѣсто нея оказался только чехоль отъ сабли.

Твардовскій гнѣвно мѣрилъ ихъ глазами. Агнеса спрятала голову подъ подушку и лежала не дыша.

— А! — прошипѣлъ Твардовскій, — я глупъ, потому что зналъ все; глупъ, потому что сторожилъ васъ; глупъ, потому

что жестоко отплачу вамъ. Умны только вы, пойманные въ западню. Посмотримъ же, кто изъ насъ глупѣе и какъ то вы вывернетесь отъ меня... Ну-ка, докажи свою высокую мудрость, господинъ коморникъ и ты умная женщина, въ обманѣ мужа!.. Съ тебя я и начну. Слушай, несчастная, измѣнница!.. Между нами все кончено, ты никогда не была моей женою и не будешь ею впредь, мы повѣнчаны не священникомъ, а дьяволомъ... Вонъ изъ моего дома, негодная тварь! Поди, проси милостыню или продавай горшки на Краковскомъ рынкѣ; твое мѣсто теперь на папертяхъ съ протянутою рукою. Ты, что мечтала всю жизнь свою о славѣ и богатствѣ, будешь пресмыкаться какъ гадина, и узнаешь какъ измѣнять мужу!.. Прочь, съ глазъ моихъ, негодная блудница.

Твардовскій позвалъ прислугу.

— Выбросьте ее за дверь, и если она когда нибудь осмѣлится показаться на порогѣ моего дома, выпорите ее розгами...

Затѣмъ, обращаясь къ Агнесѣ, прибавилъ:

— Я не желаю предавать тебя смерти: живи и страдай, несчастная!.. Возмите ее и выбросьте на улицу...

Приказаніе Твардовскаго моментально было исполнено. Слуги ненавидѣли ее и обрадовались случаю излить свою желчь на гордой барынѣ, ни днемъ, ни ночью не дававшей имъ покоя.

— Ну-съ, любезный, теперь твоя очередь расплачиваться со мною и получить достойное наказаніе,—продолжалъ Твардовскій обращаясь къ Христофору.—Ты хватался за саблю, чтобы ея поразить Твардовскаго, несмотря на то, что тяжко оскорбилъ его, посягнувъ на его спокойствіе и честь жены и что такъ много виноватъ передъ нимъ!.. Въ наказаніе за это я осуждаю тебя на двадцатилѣтнее раскаяніе: ты превратишься въ собаку, которую будутъ толкать ногами и бить палками; двадцать лѣтъ ты пробудешь въ собачей шкурѣ и двадцать лѣтъ тебя будутъ шпарить кипяткомъ и гнать отъ воротъ дома честныхъ людей. Поди вслѣдъ за своей возлюбленной, которая будетъ бросать тебѣ корки сухого хлѣба, собраннаго милостыней, которымъ будетъ питаться и сама. Вонъ, собака!

Едва Твардовскій произнесъ эти слова, какъ Христофоръ превратился въ собаку, которую Твардовскій ткнулъ ногой.

Залааявъ и завывъ, собака выбѣжала на улицу, сопровождаемая пинками слугъ и дворни Твардовскаго.

Это было начало мщенія оскорбленнаго мужа.

XI.

Какъ мстиль за себя Твардовскій.

Послѣ описаннаго происшествія съ Агнесой, Твардовскій значительно измѣнился. Сначала онъ искалъ женщины, которая бы искренно полюбила его, но, увы! напрасны были желанія и надежды. Въ то время, когда за глупцами ухаживали и съ ума сходили хорошенькія женщины, навязывая имъ свою любовь, и даже измѣняя ради нихъ своимъ мужьямъ, Твардовскій не находилъ ни одной, которая бы полюбила его не за богатство и славу. Но почему же? — спроситъ читатель. Очень просто; вѣроятно, потому, что женщины любятъ всегда мужчинъ глупѣе себя, такъ какъ въ присутствіи подобныхъ субъектовъ они чувствуютъ себя гораздо свободнѣе, зная заранее, что они будутъ слѣпо повиноваться имъ. Женщины любятъ властвовать и съ дѣтства привыкаютъ къ этому; съ колыбели онѣ видятъ вокругъ себя поклонниковъ и научаются повелѣвать ими. Поневолѣ, Твардовскій долженъ былъ поэтому ограничиться грубою, фальшивою, продажною любовью женщинъ, которая не удовлетворяетъ, но возбуждаетъ страсть къ сильнымъ ощущеніямъ любви, къ которой стремятся всѣ, какъ охотники, которые, за неимѣніемъ чистаго источника, томимые жаждой, стремятся къ грязной лужѣ воды. Такъ именно было и съ Твардовскимъ, который, покупая любовь цѣною золота и не удовлетворяясь ею въ продажныхъ объятіяхъ женщинъ, стремясь къ источнику чистой любви, прибѣгалъ все таки къ грязной лужѣ, которая все болѣе разжигала его жажду. Коварство дьявола ставило ему передъ глазами такихъ женщинъ въ минуты неудовольствія на самого себя, въ минуты, когда онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разочаровывался въ нихъ, когда онъ грустилъ, вспоминая прошедшее.

— Вѣрь мнѣ, Твардовскій, — шепталъ ему дьяволъ, — что

нѣтъ другой любви на свѣтѣ, кромѣ той, которую ты уже испыталъ. Она существуетъ только для тѣхъ дураковъ, которые вѣрятъ въ нее. Существуетъ лишь привязанность по привычкѣ, животная страсть, платоническая любовь, но того, что ты называешь любовью *par excellence*—не существуетъ на свѣтѣ, какъ не существуетъ Феникса и Сирены, хотя о нихъ трактуютъ очень серьезные и ученые люди. Все это поэзія, выдуманная ради удовлетворенія людскаго суевѣрія...

Волей или неволей Твардовскій долженъ былъ помириться на томъ, что имѣлъ, то есть, животною любовью, а этого-то и нужно было дьяволу, который употреблялъ всѣ силы, чтобы доказать ему о несуществованіи искренней любви; онъ хорошо зналъ, что ничто такъ не можетъ исправить человѣка, какъ истинная любовь, и этого-то больше всего боялся дьяволъ.

Прошло много лѣтъ...

Однажды Твардовскій, окруженный, какъ и всегда, своею дворней, возвращался изъ деревни, въ городъ отъ тяжело больного человѣка и, какъ всегда въ послѣднее время, онъ былъ не доволенъ, скученъ и раздраженъ разными тяжелыми мыслями, которыя одолѣваютъ людей, изнуренныхъ долгою жизнью.

Проѣзжая черезъ рынокъ, онъ внезапно оглянулся и, замѣтивъ что-то необыкновенное, горько улыбнулся... Въ толпѣ женщинъ-торговокъ онъ увидѣлъ свою бывшую жену, блѣдную, исхудалую, оборванную, убитую горемъ; она сидѣла въ небольшомъ шалашикѣ, сколоченномъ изъ досокъ, прилѣпленномъ къ стѣнѣ каменнаго дома, и торговала горшками. Сердце его сжалось при видѣ бывшаго предмета его страсти, одѣтаго въ рубище, со впалыми глазами и посинѣвшими губами. Отъ прежней ея красоты остался ужасный скелетъ, съ потускнѣвшимъ взглядомъ, который нѣкогда привлекалъ къ себѣ поклонниковъ, а теперь отталкивалъ покупателей. У ногъ ея ютилась плюгавая собака, которую она призрѣла, повидимому, изъ состраданія... Новая жажда мести вскипѣла въ его груди... Собаку эту узналъ Твардовскій—это былъ любовникъ его жены. Бросивъ на нее взглядъ презрѣнія, Твардовскій обратился къ своимъ лакеямъ и сказалъ:

— Подите и разбейте горшки у этой распутницы и поколотите ее собаку!..

Слуги немедленно бросились исполнить приказаніе своего господина. Площадь огласилась громкимъ плачемъ торговли и жалобнымъ воемъ собаки.

Бѣдная женщина узнала своего мстителя, который, любуясь ея горемъ, проѣзжалъ въ своей золотой коляскѣ мимо нея; она закрыла лицо руками и упала на землю.

Открывъ убѣжище Агнесы, Твардовскій началъ преслѣдовать ее своею мстью. Каждый разъ, проѣзжая мимо ея плохонькаго шалашика съ ярусами горшковъ, онъ велѣлъ бить ихъ и собаку, и тѣшился своимъ ненасытнымъ мщеніемъ. Такимъ образомъ, лишаясь послѣднихъ средствъ къ существованію, Агнеса должна была переселяться въ другое мѣсто, пока онъ опять не отыскивалъ ее.

Въ сердцѣ Твардовскаго kloкотало ненасытное мщеніе... Не столько онъ мстилъ за измѣну жены, сколько за то, что позволилъ ввести себя въ обманъ. Самолюбіе его не могло переварить подобной мысли и онъ не могъ забыть этого. Онъ тоже былъ гордъ. Твардовскій не жалѣлъ утраченной любви, но его мучило то обстоятельство, которое уронило его въ глазахъ людей, и столкнуло съ того высокаго пьедестала, на которомъ онъ такъ крѣпко стоялъ, на который его поставила мудрость и всеобщее мнѣніе; чрезъ это онъ уравнился съ тѣми низкими эгоистами, для которыхъ мнѣніе свѣта было закономъ, которому они готовы пожертвовать всѣмъ, даже остатками чести и совѣсти, случайно уцѣлѣвшими.

Могъ ли онъ поэтому забыть свою обиду и простить женѣ? Такія обиды гордые люди никогда и никому не прощаютъ.

ХІІ.

Нанъ Твардовскій сожалѣлъ о своемъ прошломъ и нанъ поссорился съ дьяволомъ.

Какъ извѣстно, все оканчивается сожалѣніемъ и горемъ въ этой юдоли плача; всѣ наслажденія жизни, большею частью, сопровождаются раскаяніемъ. Мы сожалѣемъ о прошедшихъ дняхъ, какъ о промотанномъ богатствѣ, оплакиваемъ испол-

ненную бѣдствіями жизнь, и нерѣдко то, что было для насъ счастьемъ, превращается въ горькую полынь.

То же было и съ Твардовскимъ, котораго не удовлетворяли ни наука, ни познанія, ни свѣтъ, ни роскошь, ни, наконецъ. богатство; онъ грустилъ о прожитыхъ дняхъ и съ сожалѣніемъ вспоминалъ объ утраченномъ вѣкѣ, который прожилъ. Совѣсть его мучила всегда за постыдный договоръ, заключенный съ дьяволомъ; онъ ясно видѣлъ теперь, что ничто на свѣтѣ не искупить его души и безсмертія: все, пріобрѣтенное имъ въ видѣ обмѣна за свою душу, было ничтожно, скоропреходяще и оканчивалось вмѣстѣ съ жизнью; даже воспоминанія о прошломъ, пережитомъ, не подкрѣпленные мечтами о золотомъ будущемъ, не приносили ему никакого утѣшенія; перспектива же будущности была черна и грозна... Съ каждымъ днемъ, часомъ и минутой онъ приближался къ этой неприглядной, даже ужасной будущности, о которой онъ прежде мало заботился. Видя во второй разъ сѣдѣющую свою голову, Твардовскій призадумался надъ краткостію жизни человѣческой и съ отчаянья стоналъ. Вся его долгая жизнь, а жилъ онъ долго, съ настоящей минуты ему казалась пустой и ничтожной: наука не удовлетворяла его и была слишкомъ тоща, въ сравненіи со свѣтомъ, а роскошь, богатство и слава казались мелочами, въ сравненіи съ вѣчностью.

— И это-то жизнь!.. — восклицалъ онъ. — Гдѣ же то пресыщеніе мудростію, котораго я жаждалъ и искалъ? Къ чему привели меня мечты о счастьѣ и ученые бредни и утопіи? Къ сожалѣнію о потерянномъ прошломъ, къ опасенію за будущность. Какое удовольствіе доставилъ мнѣ свѣтъ, въ которомъ надѣялся жить и пользоваться его благами?.. Кромѣ разочарованія и неудовольствія на все, я ничего не видѣлъ!

Хотя Твардовскому и совѣстно было сознаться передъ самимъ собою о чемъ онъ сожалѣлъ, но въ глубинѣ души чувствовалъ, чего именно жаль ему... Кромѣ всѣхъ думъ, предположеній и вопросовъ, въ душѣ его таилось глубокое искреннее сожалѣніе о золотой молодости, о томъ времени, когда мысль о блескѣ свѣта съ его неизмѣнными животными наслажденіями не беспокоила его сердце, когда онъ не думалъ еще, что жизнь сдѣлается невыносимою. Тогда казалось ему, что вся жизнь

его протечетъ подъ кровлей родительскаго дома, среди скромныхъ семейныхъ радостей и надеждъ. Позже, такое счастье Твардовскій называлъ счастьемъ глупцовъ, въ которомъ не было ни пыли, ни сору; онъ смѣлся надъ такимъ счастьемъ, но, испытавъ лично всѣ наслажденія жизни, сыпавшіяся на его голову, точно изъ рога изобилія, онъ убѣдился, что чаша наслажденій была слишкомъ горька для его избалованной натуры; однако, несмотря на ея горечь, онъ вздыхалъ по ней; въ ней онъ видѣлъ невозмутимый источникъ счастья, въ которомъ не оставалось осадка на днѣ.

— Зачѣмъ же я оттолкнулъ отъ себя сладкую чашу жизни, которая исключительно предназначалась для меня?.. — сѣтовалъ на себя Твардовскій. — Что же этимъ я приобрѣлъ для себя? — Раскаяніе. Мирно и тихо доживалъ бы я теперь свой вѣкъ подъ роднымъ кровомъ. Я научился бы цѣнить то, въ чемъ теперь не вижу ни счастья, ни значенія; научился бы любить природу, весну, деревню и чувствовалъ бы себя совершенно счастливымъ, довольствуясь тѣмъ, чѣмъ наградило меня Провидѣніе; я былъ бы счастливъ, не чувствуя ни раскаянія, ни угрызений совѣсти... И жена была бы у меня, какъ родная мать, — ангеломъ... хранителемъ и спасителемъ...

Часто теперь вспоминалъ Твардовскій свою мать; и при каждомъ такомъ воспоминаніи, въ душѣ его точно разливался цѣлительный бальзамъ: такъ было ему легко и отрадно.

Отъ воспоминаній о прошломъ, Твардовскій переходилъ къ будущему, и что же видѣлъ передъ собою? Разверзшуюся пасть ада, которая ждала его въ свою пламенную утробу, передъ которою онъ содрогался при одной мысли, что въ эту пасть не послѣдуютъ за нимъ ни воспоминанія о смерти, ни о младенческихъ лѣтахъ, ни даже о любви, зная хорошо, что, кромѣ раскаянія и угрызений совѣсти, ничто туда не пойдетъ за нимъ.

И снова онъ началъ измѣрять мыслью свои протекшіе годы.

По мѣрѣ приближенія старости, жизнь Твардовскаго становилась съ каждымъ днемъ грустнѣе и непрigлядиѣе: онъ чувствовалъ уже приближеніе дня, когда дьяволъ, въ силу заключеннаго условія, потребуетъ съ него расплату за безсмертіе и овладѣетъ его душою. Онъ невольно обращался къ спасительнымъ средствамъ, но, вспоминая о тяжкихъ грѣхахъ своихъ,

бодрость оставляла его, и онъ глубже погружался въ море грѣхности.

Цѣлыя ночи напролетъ думалъ Твардовскій въ грустномъ настроеніи и сравнивалъ свою жизнь съ тою, какую предпослала ему судьба, убѣждаясь все болѣе и болѣе, какъ недостаточны для жизни человѣка счастье, разумъ и воля, какъ ничтожны порывы его ума и страсти, влекущіе за собою угрызненія совѣсти и раскаянія...

Въ одну изъ такихъ ночей, когда Твардовскій, облокотясь на столъ, поддерживалъ руками свое морщинистое лицо и пылавшій лобъ и предавался грустнымъ размышленіемъ о своей судьбѣ, онъ чувствовалъ, что физическія страданія, нравственно связанная съ болѣзنیю души, подламывали его въ самомъ основаніи и разрушали его крѣпкое здоровье... Пѣтухи давно уже пропѣли и утренній весенній воздухъ пахнулъ въ комнату.

Внутренній жаръ палилъ его. Онъ выставилъ голову въ окно, чтобы освѣжиться и вдохнуть свѣжаго воздуха; но напрасно, жаръ не унимался. Кругомъ его было безмолвно и пусто, и только одинъ Матюша, превращенный имъ въ паука, раскидывалъ въ углу окна свою тончайшую сѣть.

Взглянувъ на него случайно, Твардовскій глубоко вздохнулъ, завидуя его участи.

— И онъ счастливѣе меня!—сказалъ Твардовскій.—Гдѣ же моя слава, да и что мнѣ въ ней? Гдѣ моя жизнь? Какая мнѣ польза отъ нея? Гдѣ моя мудрость, для которой я пожертвовалъ всею на свѣтѣ?... Здѣсь, въ этомъ лысомъ черепѣ, который люди зовутъ головою и короной человѣка, въ которомъ трясется и сохнетъ мозгъ, виѣстилище мудрости, памяти и чувствъ, отличающихъ человѣка отъ безсловеснаго животнаго; святыня эта, изломанная и исковерканная вѣтрами и бурями, приходитъ въ упадокъ: тѣсно въ ней ужъ душѣ и мудрости; а та, которую я купилъ цѣною безсмертія, вскорѣ бѣжить отъ меня, потому что жилище ея сдѣлается тѣснѣе теперешняго... О, еслибъ осталось при мнѣ хоть воспоминаніе о счастіи?..

Въ то время, когда Твардовскій размышлялъ у окна, освѣжаясь утреннимъ воздухомъ, солнце уже взошло и рабочіе поотпирали окна своихъ жилищъ. До слуха его вдругъ донеслась мелодичная пѣснь, которую сочинилъ онъ въ честь Пре-

святой Дѣвы. При звукахъ ея вспомнились ему промчавшіеся годы молодости, полные вѣры и надежды, родительскій домъ и счастливая сельская жизнь. Въ нѣмомъ отчаяніи онъ прислушивался къ ея звукамъ,—и горькія слезы раскаянія градомъ покатались на его грудь, слезы, никѣмъ и никогда невиданныя на его щекахъ, въ продолженіе нѣсколькихъ десятиковъ лѣтъ, и едва ли не первыя. Между тѣмъ пѣснь раздавалась все громче и мелодичнѣе, разносясь эхомъ по пустыннымъ еще улицамъ Кракова и охватывая сердце Твардовскаго. Пѣвшимъ ее рабочимъ казалось такъ легко, какъ было тяжело въ данное время Твардовскому. Онъ вспомнилъ, какая пропасть отдѣляетъ его отъ той жизни, которая когда то была его утѣломъ и къ которой возвратиться теперь было невысказимо. Могильный холодъ обдалъ его тѣло, онъ весь задрожалъ... Дрожащими руками онъ захлопнулъ окно и отскочилъ отъ него...

— А славная пѣсенка!—сказалъ кто-то позади.

Твардовскій быстро обернулся: за нимъ стоялъ дьяволъ.

— Не правда ли, хороша пѣсня?—повторилъ онъ, ехидно улыбаясь и глядя въ раскраснѣвшееся лицо Твардовскаго.

Твардовскій молчалъ и, закутавшись въ халатъ, опустился въ кресло.

— Однако, шутки въ сторону,—продолжалъ дьяволъ,—ты, видно, очень ужъ состарѣлся, когда такъ горько плачешь о минувшихъ дняхъ молодости. Повидимому, жизнь опротивѣла тебѣ. Совѣтую, дружище, взять посохъ пилигрима и отправиться въ Римъ.

— А тебѣ, видно, очень хочется, чтобы я скорѣе отправился къ праотцамъ на погостъ?—вспыливъ гнѣвомъ, возразилъ Твардовскій.—Успѣешь еще, много времени впереди.

— Я и то жду, дѣлать нечего, подожду и еще... Но все-таки мы скоро уже свидимся въ Римѣ, и тамъ ты не ускользнешь изъ моихъ рукъ... По моему, тебѣ и самому ужъ надоѣла жизнь и не пора ли было бы покончить съ нею? Въ сущности, въ аду не такъ дурно, какъ думаютъ и говорятъ, хотя и не особенно хорошо, нечего тапаться, но все-таки не такъ дурно, какъ описываютъ. Впрочемъ, тебѣ ужъ отчасти извѣстно... А ты какъ думаешь, Твардовскій?

Но Твардовскій упорно молчалъ; свѣжепролитыя слезы и

мысли о прошедшей молодости, возстановляли его против дьявола, которому онъ приписывалъ всѣ свои неудачи.

— Ты сегодня, какъ видно, въ дурномъ расположеніи духа,— продолжалъ дьяволъ.—И очень жаль, что съ тобою нельзя поговорить серьезно... Но въ твоихъ собственныхъ интересахъ, для сохраненія здоровья, я посоветовалъ бы тебѣ ѣхать въ Римъ, гдѣ вѣчная весна и лазурное небо... Ты развлекся бы въ древней столицѣ міра, вѣчномъ городѣ, этомъ вмѣстилищѣ художествъ и всего прекраснаго. Ты еще не знаешь, сколько прелести въ путешествіи; послушай меня, не будешь жалѣть, я опытенъ въ этомъ и отъ искренняго сердца советую предпринять путешествіе въ Италію!.. О, Римъ!.. Это чудный городъ!.. А женщины тамъ—настоящія лавы Везувія... Но, главное, Италія—восхищеніе!.. Вѣрь мнѣ, Твардовскій, что я въ собственныхъ твоихъ интересахъ желаю добра и советую предпринять это путешествіе, какъ единственное средство противъ разстроеннаго здоровья.

Въ продолженіе всей этой насмѣшливой тирады, Твардовскій морщился и молчалъ, наконецъ, не выдержавъ, онъ вскочилъ и, схвативъ книгу въ руки, крикнулъ:

— Не искушай, сатана!.. Клянусь, что нога моя никогда ни будетъ ни въ Италіи, ни въ Римѣ!..

— А! это новость!—сказалъ дьяволъ.—А что же будетъ съ нашимъ условіемъ? Вѣдь въ пунктѣ пятомъ, параграфѣ третьемъ сказано, что ты долженъ отдаться мнѣ въ Римѣ..

— Это не мое дѣло,—холодно возразилъ Твардовскій.—Дѣлай, что хочешь со мной, но въ Римъ я ни за что не поѣду.

— И это послѣднее твое слово?

— Послѣднее.

Дьяволъ вѣжливо поклонился и молча вышелъ изъ комнаты.

XIII.

Какъ дьяволъ выстроилъ шляхтичу корчму.

Несмотря на изысканно вѣжливый поклонъ, дьяволъ вышелъ отъ Твардовскаго весьма раздосадованный и недовольный на самого себя: онъ чесалъ въ затылкѣ, пыхтѣлъ, хрипѣлъ и билъ копытами землю. Не нравились ему мечты Твардовскаго

о прошломъ, которымъ онъ предавался въ послѣднее время. Дьяволъ боялся раскаянія, къ которому онъ могъ дойти посредствомъ глубокой задумчивости и бесѣды съ самимъ собою, съ своею совѣстью. Долго онъ думалъ надъ изысканіемъ способовъ, какъ бы завлечь Твардовскаго въ Римъ, зная хорошо, что развѣ Твардовскій рѣшился не ѣхать туда, то ужъ навѣрное поставить на своемъ... Нужно было выработать проектъ, чтобы какъ нибудь обмануть его.

— Ergo!—разсуждалъ самъ съ собою дьяволъ,—не будетъ и въ Римѣ, если не поѣдетъ въ Италію, и мы, конечно, не можемъ его взять. Но что же дѣлать?.. Что бы придумать?.. Ба, ба, ба! Да вѣдь въ циркуграфѣ не сказано: Roma Italiae. Bravo!.. Надо, слѣдовательно, подыскать какой нибудь другой Римъ, напримѣръ, Roma Polonorum! Надо подумать!.. Вотъ, что значитъ быть осторожнымъ! Наниши я въ условіи: Roma Italiae—я не могъ бы взять его, если бы онъ самъ не поѣхалъ туда.

Обдумавъ свой планъ, дьяволъ распустилъ крылья и полетѣлъ по Сандомірской дорогѣ.

Долго летѣлъ дьяволъ и наконецъ наткнулся на недостроенную корчму, стоявшую на большой дорогѣ. Въ ней не было еще ни оконъ, ни дверей, ни крыши; одни лишь стѣны были выведены до кровли, которая уже поставлена была на выведенныхъ стѣнахъ. Вокругъ корчмы разѣзжалъ шляхтичъ, и, повидимому, недовольный рабочими, ворчалъ про себя:

— Эка, гадины!.. Ну, попадетесь вы мнѣ когда нибудь, я научу васъ, какъ шутить со мною! Будете помнить меня, мерзавцы!.. Ужъ я васъ угощу, други любезные!.. И стоитъ развѣ только не заплатить во время, окааннымъ, какъ ужъ бросаютъ работу и расходятся во все стороны... Ищи ихъ теперь съ борзыми... Чортъ знает!.. ни въ комъ нѣтъ справедливости... Между тѣмъ сандомірскій мѣщанинъ требуетъ возвратить деньги и залогъ, если я не выстрою корчму къ сроку. А срокъ близокъ... Ну, что тутъ дѣлать?.. Гдѣ взять рабочихъ? Эти скоты, пожалуй, расскажутъ все, что я не плачу денегъ.

Замѣтивъ шляхтича и подслушавъ его сѣтованія на рабочихъ, дьяволъ немедленно спустился на землю и, превратясь въ

крестьянина, сталъ за угломъ корчмы, выжидая удобнаго случая вступить въ разговоръ со шляхтичемъ. Почесавъ въ затылкѣ, какъ дѣлають это крестьяне, когда собираются говорить, онъ рѣшился подойти къ шляхтичу.

— Извините господинъ, что я осмѣливаюсь обезпokoить васъ, — сказалъ дьяволъ, выходя изъ-за угла и низко кланяясь. — Я слышалъ, что вы взялись построить эту корчму на срокъ и что вы недовольны своими рабочими. Не могу ли я узнать, когда истекаетъ срокъ ея постройки?..

— А тебѣ, хамъ, какое дѣло? — возразилъ шляхтичъ, окидывая дьявола презрительнымъ взглядомъ. — Ужъ не подослали ли они тебя для переговоровъ? Я тебѣ покажу, шпионъ эдакій, какъ насмѣхаться надъ шляхтичемъ!..

— Не гнѣвайтесь, ваша милость, — сказалъ сатана, — я никѣмъ не подосланъ; я свободный плотникъ и ищу работы; у меня есть и рабочіе и я достроилъ бы ее къ сроку, если бы вашей милости угодно было нанять меня.

— Нанять тебя, оборвыша эдакого?

— Почему же и не нанять?.. Для васъ вѣдь все равно, кто бы не дѣлалъ, благо бы сдѣлано было въ срокъ...

— Такъ то оно такъ... Да можешь ли ты сдѣлать?..

— Для чего не сдѣлать — сдѣлаемъ. А когда срокъ? не во гнѣвъ вашей милости, позвольте сдѣлать опросъ.

— Когда срокъ?.. — переспросилъ шляхтичъ, продолжая по-сматривать на лохмотья дьявола. — Въ два дня она должна быть совершенно оконченной, — вотъ тебѣ и срокъ.

— Что жъ за бѣда! И будетъ готова, — возразилъ дьяволъ.

— Врешь, никакъ не можетъ быть достроенною въ два дня, — вспылалъ шляхтичъ. — Видишь сколько работы еще осталось?

— Будьте увѣрены, сдѣлаемъ въ срокъ, — повторилъ дьяволъ. — Черезъ два дня можете принять работу.

— Врешь, хамъ!.. Здѣсь на мѣсяцъ работы!..

— Сомнѣваюсь! Стоитъ только приняться, въ одинъ часъ будетъ готова, — озираясь сказалъ дьяволъ.

— Развѣ черти будутъ помогать тебѣ?

— Это ужъ мое дѣло. И если я берусь сдѣлать, то и сдѣлаю. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, а для васъ безразлично, кто бы не дѣлалъ.

Шляхтичъ пристально взглянулъ на мнимаго крестьянина. Дьяволъ улыбнулся.

— Ну-съ, теперь позвольте еще маленькій опросецъ сдѣлать: что вы дадите мнѣ, если я построю корчму къ сроку?

— Что я дамъ? Да мыслимо ли, прежде всего, построить ее въ такой короткій срокъ! Много ли у тебя рабочихъ?..

— Голова да двѣ руки,—это мои рабочіе,—возразилъ дьяволъ.

Шляхтичъ изумленно смотрѣлъ на дьявола и пожималъ плечами.

— Еще разъ говорю, врешь, хамъ! Этого быть не можетъ!.. Ты или съ ума сошелъ или осмѣливаешься шутить надо мной, хамская тварь. Говори, много ли рабочихъ?

— Да какое вамъ дѣло, сколько у меня рабочихъ! Была бы корчма готова къ сроку.

— А если ты обманешь меня, какъ и тѣ подлецы?...

— Тогда отдуйте меня нагайками!..

— Въ такомъ случаѣ, согласенъ,—сказалъ шляхтичъ, невольно улыбаясь и боясь дьявола.—Но мнѣ кажется, что ты шутишь надо мной: что-то хамовская рожа твоя мнѣ очень подозрительна.. Но предупреждаю, что ты поплотишься мнѣ жестоко за свои шутки. Быть можетъ, ты нарочно подосланъ мѣщаниномъ, у котораго я снялъ подрядъ, чтобы опутать меня. Я подозреваю, что онъ подговорилъ и тѣхъ рабочихъ бросить постройку, чтобы выиграть время и взять отъ меня свой залогъ. Смотри!.. Я не позволю шутить надъ собою!

— Зачѣмъ понапрасну терять слова: если не вѣрите—пришлите кого нибудь наблюдать за рабочими, и, если я не окончу къ сроку—накажите меня ста ударами нагайкой!.. Съ своей стороны я обещаю достроить ее не только черезъ два дня, но даже къ завтрашнему утру—всенепремѣнно.

— Никакъ ты самъ дьяволъ!—воскликнулъ шляхтичъ.—Можно ли такъ нагло завираться!...

— Быть можетъ и дьяволъ; я вовсе не сержусь за это... Впрочемъ, кто бы я ни былъ, для васъ безразлично.

Шляхтичъ видимо струсилъ и незамѣтно перекрестился, а дьяволъ продолжалъ:

— Значить, дѣло кончено; корчма будетъ готова къ завтрашнему утру. Но теперь поговоримъ о другомъ: я не желаю

отъ васъ никакой уплаты за мой трудъ, но я долженъ однако предложить вамъ маленькое условіе.

— Какое?—боязливо пробормоталъ шляхтичъ.

— Самое пустячное условіе, даже нѣсколько курьезное, — возразилъ дьяволъ:—мнѣ желательно, чтобы вы позволили назвать ее именемъ, какимъ мнѣ вздумается. Вы смѣетесь надо мной, но я нисколько не сержусь. Дѣло въ томъ только, чтобы выиграть закладъ.

— Закладъ? Какой закладъ?!

— Это ужъ мое дѣло... Я ставлю только въ условіе, чтобы вы позволили мнѣ назвать корчму по своему желанію.

— Но я уже назвалъ ее „Новинкой“. Зачѣмъ же переименовывать ее?

— Говорю, что дѣло идетъ о выигрышѣ пари, и я долженъ назвать ее по своему; на этомъ вы нисколько не потеряете.

— Какъ ты назовешь ее?

— Какъ мнѣ понравится.

— Но ты, быть можетъ, назовешь ее такъ, что всѣ станутъ надо мною смѣяться? Я все-таки долженъ знать о томъ...

— Объ этомъ не беспокойтесь: напротивъ, я дамъ ей прекрасное имя:—перваго города въ мірѣ.

— Однако, любопытно знать, какой это первый городъ,—спросилъ шляхтичъ, повидимому, не очень сильный въ географіи.

— Я назову ее „Римомъ“.

— „Римомъ“? Это что-то особенное!.. Такъ ты говоришь, что дѣло идетъ о закладѣ? Но нельзя-ли полюбопытствовать, какой это закладъ?

— Это моя тайна, которую я пока не могу выдать. Принимаете ли вы мое условіе?

— Съ удовольствіемъ!.. Но помни, чтобы корчма къ завтрашнему дню была готова.. Иначе, исполосую нагайкой..

— Значить, по рукамъ?

— Конечно, конечно...

— Въ такомъ случаѣ, завтра приходите принимать корчму, которая будетъ чѣмъ свѣтъ готова.

— Хорошо, приду.

— Можете объявить вашему арендатору, чтобы и онъ пріѣхалъ осмотрѣть свое жилище. Будьте увѣрены,—ни въ одномъ гвоздикѣ не будетъ недостатка.

Обрадованный шляхтичъ распрощался съ мнимымъ крестьяниномъ и уѣхалъ.

На слѣдующее утро корчма была готова: дьяволъ выстроилъ ее какъ игрушечку: окна, двери, крыша и внутреннее устройство, все было въ порядкѣ, ни въ чемъ не было недостатка. Даже, въ ожиданіи шляхтича и мѣщанина, яркій огонь пылалъ въ каминѣ, передъ которымъ сидѣлъ дьяволъ и, лѣниво протянувъ копыта, отогрѣвалъ свои бока.

Надъ крыльцомъ корчмы красовалась вывѣска, написанная крупными буквами:

„Р И М Ъ“.

XIV.

Канъ Твардовскій доживалъ свои послѣдніе дни.

Печально и грустно тянулись послѣдніе дни Твардовскаго. Ничто уже не занимало его: ни свѣтъ, котораго онъ когда-то такъ жаждалъ, ни удовольствія которыми пресытился, ни науки, источникъ которыхъ давно исчерпалъ. Суровый и мрачный, съ нахмуренными бровями и покрытымъ глубокими бороздами лицомъ, сгорбившись и съжившись, ходилъ онъ по краковскимъ улицамъ. Всегда молчаливый и грустный, онъ сдѣлался уже по-смѣшникомъ для народа и жалкимъ для самого себя. Жизнь ему была ужъ въ тягость. Отъ всего, что приобрѣлъ въ продолженіе жизни, осталось лишь двусмысленная слава его мудрости и чернокнижія.

Твардовскій не оставлялъ своей медицинской практики. Изслѣдованіе болѣзней, продолжительныя бесѣды съ больными и наблюденія надъ ними, сокращали время, длившееся для него нескончаемую вѣчностью. Теперь Твардовскій не прибѣгалъ ужъ къ *чертовской* системѣ лѣченія и лѣчилъ самыми обыкновенными средствами, предписываемыми медициной. Притомъ благодарностью служило ему увеличеніе славы: въ деньгахъ онъ не нуждался, какъ и прежде, и они не возбуждали въ немъ никакого чувства...

Грустно было смотрѣть на великаго ученаго: наружность

его рѣзко изобличала состояніе его души. Каждая морщина лица, казалось, говорила о раскаяніи и угрызенияхъ совѣсти; высокій, открытый лобъ его, нѣкогда прекрасный, а теперь обтянутый желтой кожей, казалось обнаруживалъ его внутреннія тревоги. Многочисленные друзья оставили его, замѣтивъ перемѣну въ жизни; для нихъ нуженъ былъ не Твардовскій, а его пиры, балы, обѣды, ужины и богатство. Никто не остался ему вѣрнымъ до послѣдней минуты. Друзья, превозносившіе его до небесъ, теперь стыдились ему подать свою руку, даже убѣгали, при встрѣчѣ съ нимъ. Только одинъ наукъ Матюша былъ вѣренъ ему: онъ по прежнему находился у Твардовскаго и въ углу окна ткалъ свою нескончаемую сѣть.

Въ воспоминаніе своего прошлаго, точно въ истязаніе самого себя, Твардовскій ходилъ опять на Кржеменки и смотрѣлъ со скалы, которая носила названіе его каѳедры, на окрестности Кракова. Погруженный въ раздумьѣ, тамъ онъ проводилъ цѣлые дни и ночи.

Страшныя мысли объ ожидавшей карѣ въ аду мучили и терзали его душу.

Это были послѣдніе дни ужасной агоніи, за которыми не предвидѣлось свѣжаго луча надежды и зіяла огненная пасть ада, ждавшая, чтобы поглотить его въ свое чрево. Только клятва, высказанная имъ дьяволу, что нога его никогда не будетъ въ Римѣ, нѣсколько успокаивала старика; но при воспоминаніи о томъ, съ какимъ выраженіемъ лица ушелъ отъ него въ послѣдній разъ дьяволъ, Твардовскій дрожалъ: онъ зналъ, что зловѣщее его лицо не предвѣщало ничего хорошаго; въ изобрѣтательности же сатаны онъ не могъ сомнѣваться и поэтому былъ очень остороженъ, рѣшаясь не поддаваться его навѣтамъ.

XV.

Какой былъ конецъ Твардовскаго.

Однажды вечеромъ, у воротъ дома Твардовскаго раздался сильный стукъ и чей-то голосъ взывалъ о помощи:

— Отворите! отворите, Бога ради!—раздавался голосъ.

Въ послѣднее время Твардовскій настолько опустился, что даже не держалъ при себѣ слуги, и поэтому самъ вышелъ отворить ворота.

Едва онъ успѣлъ отпереть дверь, какъ въ переднюю къ нему вбѣжалъ молодой красивый мужчина; онъ былъ ужасно взволнованъ и точно помѣшанный.

— Здѣсь живетъ докторъ Твардовскій?—спросилъ, онъ задыхаясь.

— Здѣсь. Я къ вашимъ услугамъ. Что вамъ нужно отъ меня?—отвѣчалъ старикъ.

— О, Бога ради, докторъ, спасите моего отца!.. На васъ одного, докторъ, моя надежда... И если вы не спасете его, то ужъ, конечно, никто не можетъ спасти!

— Что съ вашимъ отцомъ?

— Ужасный случай: его разбили лошади. Всѣ краковскіе доктора отказались лѣчить его и послали меня къ вамъ, скал завѣ, что только вы можете спасти его... Онъ едва дышетъ!.. Заклинаю васъ, спасти его!.. Возьмите все мое состояніе, только спасите отца! Бога ради, умоляю!

Докторъ улыбнулся и спросилъ:

— Гдѣ вы живете? Далеко отсюда?

— Порядочно! Подъ Сандоміромъ. Но вы не безпокойтесь: на пути у меня разставлены смѣнные лошади и мы долетимъ очень скоро... Бога ради, садитесь скорѣе и поѣзжайте со мною.

Спустя нѣсколько минутъ, Твардовскій, захвативъ съ собою необходимыя лѣкарства, сѣлъ въ прекрасный экипажъ молодого человѣка и помчался по Сандомірской дорогѣ. Лошади неслись, какъ вихрь; казалось, что онѣ не прикасались къ землѣ. На каждой миля лошади замѣнялись другими.

Наконецъ, послѣ продолжительнаго путешествія, экипажъ подкатилъ подъ крыльцо новой корчмы.

— Здѣсь лежитъ мой отецъ,—сказалъ незнакомецъ Твардовскому.—Прошу покорно войти, а я пойду предупредить.

Твардовскій вышелъ изъ экипажа и тихонько пошелъ за незнакомцемъ.

Едва Твардовскій переступилъ порогъ корчмы, какъ вокругъ него раздался страшный шумъ, отъ котораго затряслась вся корчма. Твардовскій испугался и глазами началъ искать боль-

ного. Въ это время изъ боковой комнаты вышелъ къ нему на встрѣчу знакомый дьяволъ съ роковымъ обязательствомъ въ рукахъ. Замѣтивъ сатану, Твардовскій съ неудовольствіемъ спросилъ:

— Ты что здѣсь дѣлаешь?

Дьяволъ лживительно улынулся и, протягивая къ нему циррографъ, подобострастно сказалъ:

— Корчма эта называется „*Римомъ*“!

Холодные мурашки пробѣжали по тѣлу Твардовскаго, мысли спутались и онъ сначала растерялся. Первымъ движеніемъ его было бѣжать къ дверямъ, но онѣ были заперты и сильный караулъ чертей занималъ свой постъ. Твардовскій посмотрѣлъ на окна, но и ихъ стерегло несмѣтное войско царя преисподней: они кивали ему головами и дразнили огненными языками; въ каминѣ же сидѣлъ самъ Вельзевулъ. Уйти слѣдовательно не было никакой возможности, помощи ждать не откуда.

Однако Твардовскій не терялъ присутствія духа и поднялся на хитрость. Спасительная мысль блеснула въ его сѣдой головѣ; въ полыбели, качавшейся у кровати корчмарки, лежало дитя. Въ одно мгновеніе онъ бросился и схватилъ малютку на руки.

— А!—вскричалъ Твардовскій:—такъ ты обманомъ хочешь овладѣть моей душой? Нѣтъ, не удастся же тебѣ овладѣть мною... Теперь ты пождешь меня. Съ малюткой ты не осмѣлишься взять меня, сатана,—онъ крещенъ и безгрѣшенъ... Теперь ты не смѣешь прикоснуться ко мнѣ.

— Ты думаешь?..

— А вотъ посмотримъ, какъ ты возьмешь меня съ малюткой.

— Ахъ, какой ты хитрый,—воскликнулъ дьяволъ:—оплошалъ же я маленько, ты превзошелъ меня,—твое взяло. Но тебѣ нечего бояться меня,—сказалъ ласково дьяволъ:—вѣдь я шутилъ! Живи; время еще не ушло. Положи ребенка въ колыбель.

— Нѣтъ, врешь!.. Теперь я не повѣрю тебѣ,—отвѣчалъ Твардовскій, прижимая младенца къ груди.

Дьяволъ прошмыгнулъ въ другую комнатку. Черезъ минуту слышался чей-то пискливый голосъ, выбѣжала жена корчмаря.

Увидѣвъ свое дитя на рукахъ у Твардовскаго, она бросилась къ нему. Глаза ея горѣли какъ у тигрицы.

— Какъ ты смѣешь, злодѣй, брать моего ребенка, — крикнула она. — Отдай мое дитя, слышишь? сейчасъ же положи на мѣсто... Иначе, я съ тобой расправлюсь вотъ этимъ ухватомъ...

— Не бойся, добрая женщина, я не возьму его и не сдѣлаю ему никакого вреда, — хладнокровно возразилъ Твардовскій, сторонясь отъ женщины. — Ты лучше послушай, что я тебѣ скажу...

— И слушать ничего не хочу!.. Что мнѣ слушать тебя! — Сейчасъ отдай мое дитя, или я хвачу тебя...

— Молчать, баба, или я задушю твоего ребенка, — прикрикнулъ на нее Твардовскій, — если ты осмѣлишься дотронуться до меня.

— Не бойся, молодка, вмѣшался дьяволъ, -- вретъ онъ, не задушить твоего ребенка, смѣлѣй подступайся къ нему...

Но баба, видя, что ребенокъ спокойно лежитъ на рукахъ Твардовскаго и что онъ съ любовью смотритъ на него, успокоилась и приготовилась слушать, что скажетъ ей докторъ

— Послушай, женщина, — сказалъ Твардовскій, цѣлуя малютку, — я дамъ тебѣ сто дукатовъ, если ты одолжишь мнѣ своего ребенка только до тѣхъ поръ, пока я выйду отсюда.

— Вотъ какъ!.. Но кто же мнѣ поручится, что ты дашь мнѣ столько денегъ?..

— Вотъ онъ, — сказалъ Твардовскій, швырнувъ ей кошелекъ съ золотомъ.

Корчмарка быстро схватила туго набитый кошелекъ и, спрятавъ въ карманъ, замолкла.

Раздосадованный неудачей, дьяволъ опять шмыгнулъ въ боковую комнату и привелъ оттуда отца малютки. Корчмаръ хотѣлъ ужъ разразиться бранью на Твардовскаго, но жена успѣла предупредить мужа, показавъ ему кошелекъ съ золотомъ.

Корчмаръ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на жену и, почесавъ въ затылкѣ, промолчалъ.

Такимъ образомъ дьявола постигла вторая неудача и онъ, поморщившись до безобразія, злобно прошипѣлъ:

— Держи же у себя ребенка, сколько угодно, но я все-таки не пущу тебя черезъ порогъ... Я уморю тебя здѣсь голодомъ.

— Посмотримъ, посмотримъ! — возразилъ спокойно Твардовскій, садясь съ ребенкомъ на скамью. — Вѣдь мнѣ, какъ и тебѣ, хорошо извѣстны параграфы заключеннаго между нами условія,

а слѣдовательно извѣстно также, насколько власть твоя можетъ распространяться на меня...

Дьяволъ такъ сильно чесалъ затылокъ, что даже искры посыпались изъ него.

— Пусть я провалюсь еще разъ въ преисподнюю, если когда нибудь свяжусь съ мудрецомъ, — прошипѣлъ дьяволъ, метнувъ молнію глазами. — Твоя душа мнѣ обошлась въ десятеро больше, чѣмъ стоитъ она... И въ довершеніе всего ты еще испортилъ ее постоянными воспоминаніями о прошломъ и своими никому ненужными слезами и раскаяніемъ... А сколько времени и трудовъ стоила мнѣ твоя душа — и не сочтешь! А ты, вотъ, пятишься теперь, какъ ракъ, когда дѣло пришло къ разсчету, неблагодарный!.. Вѣдь съ своей стороны я исполнилъ въ точности всѣ пункты условія, а ты съ своей и не думаешь... Развѣ ты не получилъ отъ меня всего, чего желалъ?.. Развѣ я не продлилъ тебѣ вѣка посредствомъ перерожденія?.. Развѣ ты не жилъ такъ, какъ тебѣ желалось?.. Наконецъ, развѣ я не былъ твоимъ преданнымъ слугою и рабомъ? Что жетеперь осталось тебѣ въ этой жизни?.. Сожалѣніе, страхъ, угрызненіе совѣсти, раскаяніе за прожитыя двѣ жизни!.. Неужели земныя муки легче адскихъ мукъ въ преисподней? Вѣдь ты больше теряешь, живя на этомъ свѣтѣ... Не благороднѣе ли было бы покончить дѣло міролюбиво? Вѣдь ты знаешь пословицу: „долгъ платежомъ красенъ“, а все еще упорствуешь... Не сегодня-завтра ты долженъ возвратить мое... Рано или поздно ты отдашься же въ мои руки...

— Не понимаю, почему тебѣ хочется такъ скоро овладѣть мною, сатана!.. Вѣдь время-то еще не ушло: уснѣешь еще насытиться моей душою... Зачѣмъ торопиться?

— Затѣмъ, что мнѣ слишкомъ надоѣло возиться съ тобою... Шутка-ли — двѣ жизни! Ты знаешь, конечно, что я не возьму тебя съ ребенкомъ; но скажи, пожалуйста, честно ли съ твоей стороны дѣлать подобныя несообразности? Вѣдь ты благородный шляхтичъ и вдругъ отступаешься отъ своего слова и хочешь провести меня. Ты продалъ мнѣ свою душу, я совершилъ купчую, которая подписана собственною твоею кровью, и, слѣдовательно, не можетъ быть никакой рѣчи о подлогѣ и т. п.; вѣдь это не простая сдѣлка на покупку какого нибудь имуще-

ства... Въ серьезныхъ вещахъ нужно держать шляхетское слово и быть аккуратнымъ. Ты подумай, какъ назовутъ тебя, если ты нарушишь добровольно заключенное условіе?.. Мошенникомъ, безчестнымъ человѣкомъ!.. А эпитеты эти для дворянина не особенно къ лицу, несмотря даже на то, что условіе заключено... хотя бы и съ дьяволомъ...

Убѣжденія дьявола задѣли Твардовскаго за живое; онъ покраснѣлъ отъ стыда и какъ бы колебался. Аргументы дьявола замѣтно повліяли на него.

Предвидя успѣхъ, дьяволъ продолжалъ:

— Не считаю нужнымъ повторять, что договоръ совершенъ между нами по обоюдному соглашенію, безъ принужденія съ обѣихъ сторонъ, поэтому онъ и долженъ храниться свято и ненарушимо благороднымъ человѣкомъ... *Verbum nobile debet esse stabile*... Не такъ ли?..

Побѣжденный доводами дьявола, Твардовскій поднялся со скамьи и, положивъ ребенка въ колыбель, сказалъ:

— Ты убѣдилъ меня своими аргументами, дьяволъ: бери меня, я твой!..

Едва Твардовскій успѣлъ сказать эти слова, какъ сонмъ чертей ворвался въ корчму и, мигомъ окруживъ Твардовскаго, запустилъ въ него свои длинные, острые когти; подхвативъ его на воздухъ, черти вмѣстѣ съ нимъ вылетѣли въ трубу.

Когда черти поднялись высоко въ воздухъ, Твардовскій взглянулъ въ послѣдній разъ на оставляемую имъ землю и вспомнилъ свое прошлое... При видѣ этой прекрасной природы, шумно и тихо катящихся рѣкъ, темныхъ лѣсовъ и золотыхъ нивъ, Твардовскій вспомнилъ свою молодость и тѣ счастливыя минуты жизни, когда онъ жилъ подъ кровомъ отца, когда сидѣлъ на школьной скамьѣ, когда родная муза вдохновляла его и онъ слагалъ рѣмы въ честь Богородицы и угодниковъ Божіихъ... Тамъ, на недосыгаемой высотѣ, зазвучала въ его ушахъ святая пѣснь... Онъ вспомнилъ о всемогуществѣ Бога, о которомъ глубоко вздохнулъ... Вспомнивъ, что въ карманѣ его находится книжка съ святыми пѣснями, съ которой онъ не расставался въ послѣднее время, Твардовскій собрался съ остаткомъ своихъ силъ и дребезжащимъ голосомъ набожно запѣлъ Богородичную пѣснь.

Отъ этой пѣсни заколебался воздухъ, и бѣсы пораженные ея святостью, какъ громомъ небеснымъ, выпустили Твардовскаго изъ своихъ когтей и умчались далеко отъ него.

Съ пѣснью на устахъ Твардовскій повисъ въ воздухѣ... Съ небесныхъ высотъ, казалось, кто то проговорилъ къ нему громкимъ, точно труба Архангела, голосомъ:

— Такъ будешь висѣть ты до страшнаго суда!..

Твардовскій возвелъ глаза къ небу и горячо возблагодарилъ Бога за чудесное избавленіе его изъ когтей сатаны.

Когда Твардовскій опустилъ глаза, наполненные слезами искренняго раскаянія и радости, онъ не увидѣлъ ужъ подъ собою земли. Бѣлая, прозрачная, однообразная пустыня окружала его; солнце жгло его голову и черныя тучи двигались подъ его ногами... Не доходилъ ужъ до его слуха земной шумъ; безконечное пространство разстилалось передъ нимъ, и одиноко висѣлъ онъ среди этой безотрадной пустыни...

Но вдругъ Твардовскій почувствовалъ, что кто-то щекочетъ его руку, точно кто ползетъ по ней.

И дѣйствительно: то былъ паукъ-Матюша.

Вѣрный слуга уцѣпился за его платье и раздѣлялъ судьбу своего господина.

Узнавъ его, Твардовскій воскликнулъ:

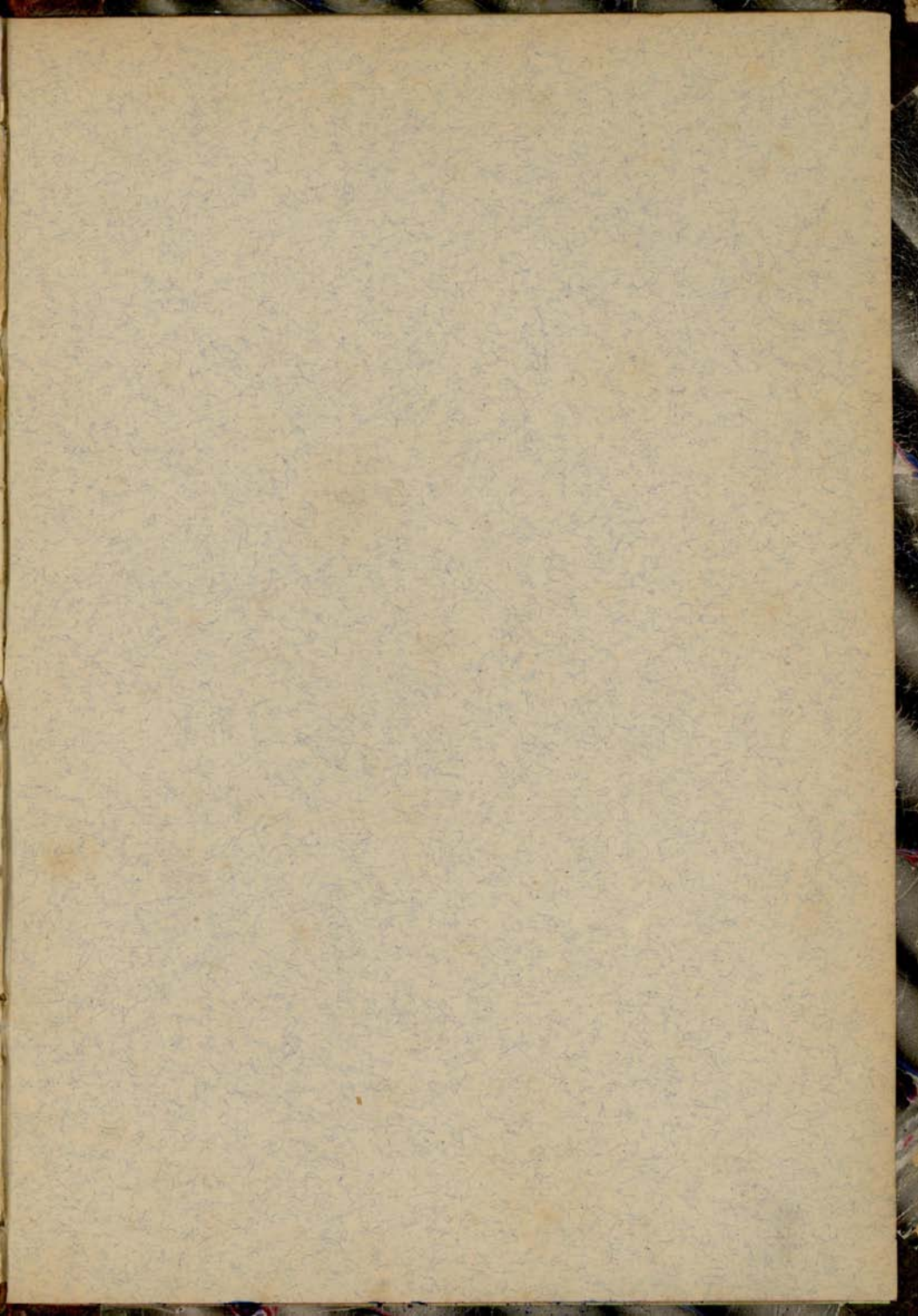
— Матюша! и ты со мною?..

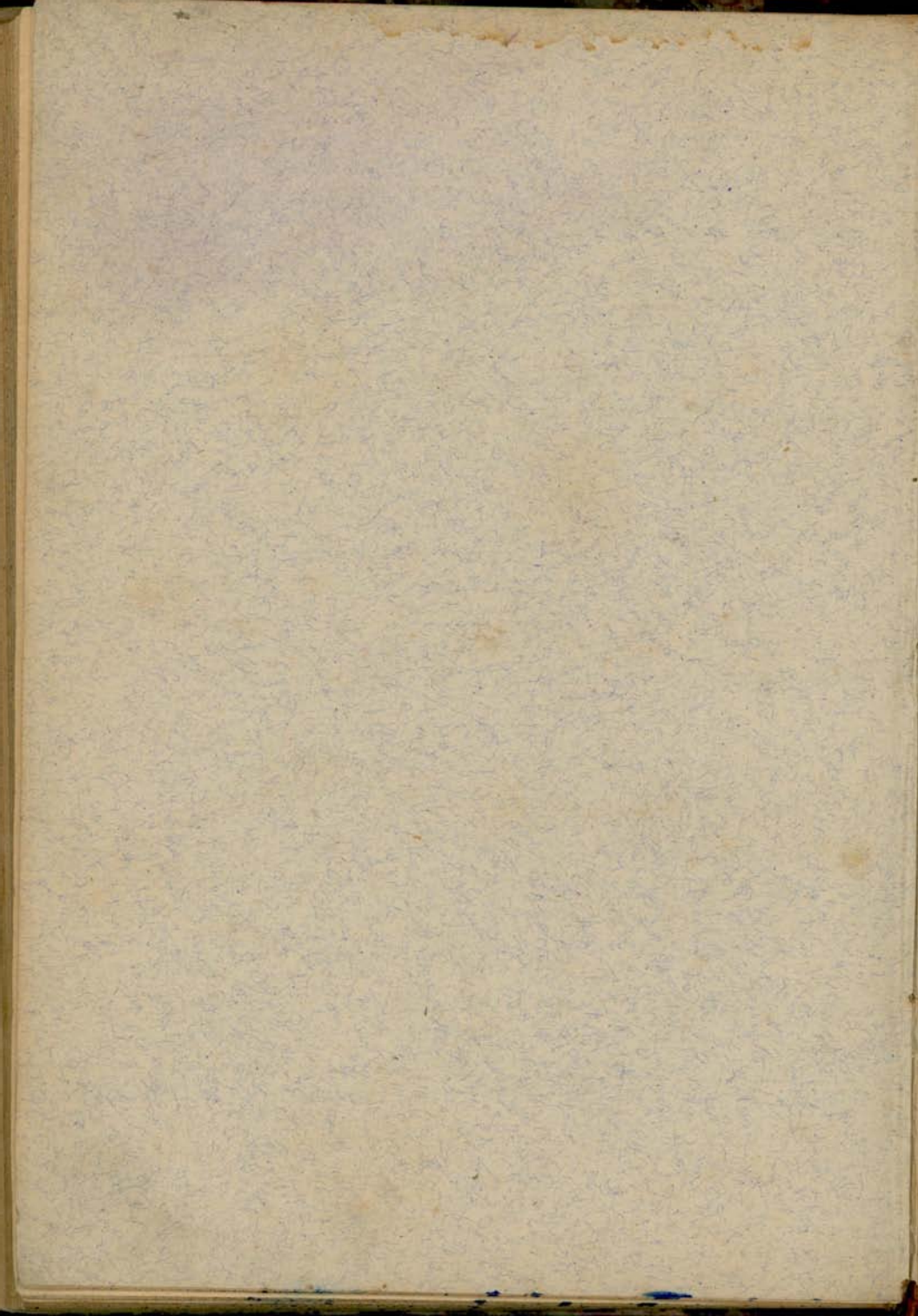
— Всегда я съ тобою, мой добрый господинъ, — отвѣчалъ Матюша, ползя къ его ногѣ.

Съ тѣхъ поръ Матюша, вмѣстѣ съ Твардовскимъ, виситъ между небомъ и землею. Каждое утро онъ спускается внизъ по длинной паутинѣ и, узнавъ всѣ новости, всползаетъ опять къ Твардовскому и передаетъ ему все слышанное и видѣнное имъ на землѣ.

Такой былъ конецъ великаго ученаго Твардовскаго, имя котораго и дѣятельность на сей юдоли плача сохранились въ народныхъ преданіяхъ, этой сокровищницѣ всѣхъ воспоминаній старины, не вмѣщающихся на страницахъ многотомной исторіи міра.

Конецъ.

980
5 1950

28

11/2 20

X 157

V.N. Karazin Kharkiv National University

00363268

6